

Ф. А. Селезнев

**НИЖЕГОРОДЦЫ
И ПРЕОДОЛЕНИЕ СМУТЫ
1606–1618**

ДЕКОМ

Нижний Новгород
2015

*Книга подготовлена в Центре краеведческих исследований
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского*

*Книга издана при содействии депутата городской Думы
Нижегорода В. А. Растеряева*

Посвящаю сыну Алексею

ББК 63.3 (2Рос–4Ниж)44
С-29

С-29 **СЕЛЕЗНЕВ Ф. А. Нижегородцы и преодоление
Смуты (1606–1618).** Нижний Новгород: ДЕКОМ,
2015. – 144 с.

ISBN 978-5-89533-328-0

Рецензент: к.и.н. М. В. Карташова

Рекомендовано к изданию
правлением общества «Нижегородский краевед»

В книге последовательно и подробно излагаются события, происходившие в начале XVII века в Нижегородском крае в связи с ходом общероссийской истории. Автор привлек основной фактический материал, накопленный к нашему времени историками Смуты, и облел его в занимательную и доступную форму. Издание предназначено для студентов, учителей истории, школьников старших классов и всех интересующихся прошлым Нижегородского края.

ISBN 978-5-89533-328-0

© Селезнев Ф. А., 2015
© Издательство ДЕКОМ,
оформление 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, о Смуте, о Минине и Пожарском написано очень много. Однако до сих пор нет книги, в которой последовательно и подробно излагались бы события, происходившие в начале XVII века в Нижегородском крае в связи с ходом общероссийской истории. А ведь нижегородской земле суждено было сыграть особую роль в те страшные для России времена. Причем задолго до того, как страна впервые услышала о Минине.

Автор взял на себя смелость такую книгу написать. Он видел свою задачу в том, чтобы привлечь весь основной фактический материал, накопленный к нашему времени историками Смуты, и облечь его в занимательную и доступную форму. Поскольку книга задумывалась как научно-популярная, она лишена научно-справочного аппарата. В то же время автор счел необходимым поместить в качестве приложения подробный список источников и литературы. Воспользовавшись им, любознательный читатель может самостоятельно проверить некоторые предположения и выводы автора.

Книга состоит из семи глав. Первая из них повествует о начале Смуты и восстании Болотникова. Уже в этот период Нижегородчина была опорным краем державы. Между тем историки до сих пор об этом писали очень мало. Поэтому в главе дается подробное описание событий, связанных с болотниковщиной.

Следующая глава посвящена драматическим эпизодам борьбы с Тушинским воеводой. Нижний Новгород в это время не раз осаждался мятежниками, но всякий раз давал отпор врагам. Спасителем города тогда стал воевода Андрей Семенович Алябьев. К сожалению, его память в Нижнем никак не увековечена. Возможно, эта книга пробудит общественный интерес к биографии столь замечательного человека.

А сколько еще ярких деятелей начала XVII века обделены должным вниманием потомков! Среди них нельзя не вспомнить создателя Первого ополчения – Прокопия Ляпунова. Первое ополчение и нижегородцы – такова тема третьей главы.

Но, конечно, главное внимание уделено в книге Второму ополчению. О его создании и боевом пути рассказывают три главы. В них читатель найдет ответ на многие важные вопросы, касающиеся биографии Минина: где родился народный герой, как его звали, был ли он сухоруким, когда и к чему призывал Кузьма Минин? Автор попытался на основе анализа источников восстановить логику поступков Минина и Пожарского. Особо рассмотрен вопрос о роли Троице-Сергиевой лавры в создании Второго ополчения. Для любителей военной истории наверняка будет любопытен подробный, с детальной привязкой к местности, разбор боев ополчения с гетманом Ходкевичем 22–24 августа 1612 года.

Освобождение Москвы от поляков еще не означало завершение Смуты. Преодоление ее заняло еще несколько лет. Им посвящена завершающая глава работы. Из нее читатель узнает, как сложилась жизнь Минина и Пожарского после 1612 года и как в 1618 году Москва и Нижний Новгород едва не были взяты врагами. Будет рассказано и еще об одном доблестном воеводе, заслуживающем доброй памяти нижегородцев, – Борисе Лыкове.

Впрочем, всего, о чем говорится в этой и других главах, не перекажешь. Поэтому оставляю любезного читателя наедине с книгой и ее героями – нашими славными предками, преодолевшими Смуту.

Глава 1. Нижегородский край в начале Смуты и в ходе восстания под руководством Болотникова

Борис Бельский в Нижнем Новгороде. Разрушение Печерского монастыря. Голод в начале XVII века и подвиг Ульяны Осорьиной. Иван Болотников – «воевода царя Дмитрия». Арзамасцы поддерживают Ураз-Мухаммеда и Болотникова. Осада болотниковцами Нижнего Новгорода. Разгром сторонников Болотникова в Нижегородском крае. Участие нижегородцев и арзамасцев в борьбе с болотниковцами под Тулой.

Борис Бельский в Нижнем Новгороде. Однажды Иван Грозный играл в шахматы со своим любимцем Богданом Бельским. Неожиданно царю стало плохо, и он скончался. Это случилось в марте 1584 года. Будучи воспитателем Дмитрия, сына Ивана Грозного от последней жены, Марии Нагой, Бельский был заинтересован в том, чтобы новым государем стал этот юный царевич. Однако бояре дали Бельскому отпор. По праву старшинства царский трон занял сын Ивана Грозного от первой жены, Анастасии – Федор (хотя и считалось, что он человек блаженный, не от мира сего). Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород. Дмитрию же дали в удел город Углич. Там он скончался при невыясненных обстоятельствах в 1591 году. Молва приписала гибель царевича могущественному шурина Федора Иоанновича – Борису Годунову. Люди говорили, что это преступление приведет к большим несчастьям.

Разрушение Печерского монастыря. Нижегородцы увидели предзнаменование грядущих бед в страшном оползне, уничтожившем древний Печерский монастырь: 18 июня 1597 года образовалась обширная трещина на горе, где он стоял, и огромные массы земли рухнули в Волгу, подняв гигантскую волну на реке. К счастью, настоятель Трифон успел вывести монахов и спасти иконы. Но все монастырские храмы были разрушены.

После этой катастрофы Трифон поехал в Москву просить царя Федора Иоанновича о помощи. По царскому указу нижегородский воевода Леонтий Аксаков с опытными каменотесами осмотрели разрушенный монастырь. Место это было признано негодным для возведения каменных зданий. Тогда царь Федор за счет своей казны

повелел перенести монастырь ближе к городу. Здесь он по сей день и находится.

Милости, оказанные царем Федором Иоанновичем Печерскому монастырю, оказались одними из последних деяний в его жизни. В 1598 году Федор Иоаннович скончался. Новым царем на земском соборе избрали Бориса Годунова. Это был умный и дальновидный правитель. Но у него было много завистников и недоброжелателей. Они распускали порочащие царя слухи.

Голод в начале XVII века и подвиг Ульяны Осорьиной. Положение усугубилось тем, что в начале XVII века начались ужаснувшие людей своей необычностью изменения в погоде. Летом 1601 года десять недель подряд шли проливные дожди, а с 1 сентября начались морозы и снегопады. Урожай был погублен. Весна следующего, 1602 года порадовала было теплом, но вдруг грянул мороз и побил рожь во время цветения. В результате в Москве и Нижнем Новгороде хлеб подорожал в 25 раз. Начался голод. Он обрушился и на Нижегородский край, в частности на территорию современных Павловского, Сосновского и Богородского районов, где запустели целые села и деревни. В документе 1604 года в связи с этим сообщается: «Деревни Грудцына и деревни Шарголы, да сельца Сосновского, да сельца Алексеева, и из деревень крестьяне разошлись, а иные померли от хлебного недороду».

В это время прославилась своей благотворительностью Ульяна Осорьиная из села Лазарево (ныне Муромский район Владимирской области). Эта добродетельная женщина, принадлежавшая к известной фамилии муромских и нижегородских помещиков, продала все свое имущество, чтобы купить хлеб и раздать его голодающим.

Иван Болотников – «воевода царя Дмитрия». Ослаблением России, вызванным голодом и внутренними неурядицами, воспользовались внешние враги. В 1604 году из Польши в русские пределы вторгся с войском самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия. Лжедмитрию удалось на целый год (1605–1606) занять русский трон. Но бесчинства поляков из его окружения вызвали возмущение москвичей – 17 мая 1606 года

в Москве вспыхнуло народное восстание, в ходе которого Лжедмитрий I был свергнут и убит, а 19 мая 1606 года москвичи провозгласили царем потомка нижегородских князей Василия Ивановича Шуйского.

Между тем на окраинах страны вдруг пошел слух о том, что Лжедмитрий жив. Эту выдумку распространял его ближайший приспешник Михаил Молчанов, злодей, погубивший семью Годунова, чернокнижник и астролог, тесно связанный с поляками. Молчанов бежал в Польшу и сначала хотел сам выдать себя за царя Дмитрия, но поскольку его хорошо знали в России, он не решился это сделать. В «царском виде» Молчанов показался только находившемуся в Польше авантюристу Ивану Болотникову, которого послал на Русь в качестве «воеводы царя Дмитрия».

Когда Болотников летом 1606 года появился в России, его поддерживали юго-западные пограничные города – от Путивля до Тулы. В сентябре мятежники стояли уже у Калуги, а в середине октября заняли Коломну. В этой ситуации нужно было определять свою позицию близлежащим рязанским и мещерским городам (Мещерский край занимал восток Рязанской и запад Нижегородской областей). Рязанские дворяне и дети боярские встали за «царя Дмитрия». Вслед за ними это сделал чрезвычайно влиятельный в Мещерском крае хан Ураз-Мухаммед, правивший в городе Касимове. Он послал гонца в Коломну, чтобы узнать, правда ли, что царь Дмитрий жив. Болотников, желавший привлечь касимовского правителя на свою сторону, пошел на прямой обман. Он отправил ему грамоту «царя Дмитрия», заверенную государевой печатью (в свое время она была похищена приближенным Болотникова князем Шаховским). Грамота содержала повеление Ураз-Мухаммеду вместе с кадомскими и арзамасскими дворянами идти войной на города, которые не присягнули «государю царю Дмитрию Ивановичу». Ураз-Мухаммед направил известие об этом в Кадом. Оттуда соответствующее сообщение в ноябре 1606 года было послано в Арзамас.

Арзамасцы поддерживают Ураз-Мухаммеда и Болотникова. В Арзамасе с 1604 года начальником был Борис Иванович

Доможиров. Одни исследователи называют его арзамасским воеводой, другие – арзамасским судьей (точных данных на этот счет нет). Доможировы тогда являлись самой знатной нижегородской фамилией. В XVI веке они неоднократно занимали должности волостелей, ключников, городских приказчиков, выполняли ответственные царские поручения. Сам Борис Доможиров отличился в походах против войск сибирского хана Кучума, присоединив к России земли до реки Омь.

Доможиров хорошо знал Ураз-Мухаммеда, поскольку два года воеводствовал в Касимове. Он решил подчиниться хану. Арзамасцы (дворяне и дети боярские, служилые татары и посадские люди) в свою очередь поддержали Доможирова.

После этого гонцы из Арзамаса выехали в Курмыш, Ядрин, Алатырь, Свияжск и Муром, чтобы привести к присяге «царю Дмитрию» местное население. Почти везде им, при поддержке народа, удалось сломить сопротивление местных властей. Но, разумеется, главной целью Бориса Доможирова было перетянуть на свою сторону Нижний Новгород.

Осада болотниковцами Нижнего Новгорода. Правительственных сил в Нижнем было немного, поскольку еще весной 1606 года многие из нижегородских детей боярских были с боярином Ф. И. Шереметевым отправлены на службу в Астрахань. Задачу Б. И. Доможирова облегчало и то, что среди нижегородских помещиков было несколько его родственников. Один из них, Федор Матвеевич Доможиров, стал предводителем мятежников в Нижегородском уезде. К нему примкнул крупный здешний землевладелец князь Иван Болховской.

Сначала дела у бунтовщиков шли хорошо. Федор Доможиров принудил целовать крест «царю Дмитрию» детей боярских, бортников (русских людей, промышлявших собиранием меда диких пчел) и «всяких черных людей» по всему Нижегородскому уезду до Оки, а затем в Гороховце. Поднятые им бортники и мордва во главе со своими предводителями Московом и Воргодином подошли к Нижнему. Но вот здесь нашла коса на камень. Мы не знаем,

кто руководил обороной города. Судя по всему, при Лжедмитрии в Нижнем Новгороде не было воевод. Правительственные распоряжения получал губной староста Андрей Бардин сын Глядков. Шуйский, видимо, тоже воеводу сюда не прислал. Но предоставленные сами себе нижегородцы не сплеховали. Вероятно, именно в это время в городе сложился земский совет – учреждение, которое во времена Смуты будет собираться в Нижнем Новгороде в чрезвычайных случаях. По составу оно повторяло общероссийские земские соборы и включало духовенство, а также представителей служилых и посадских людей. Благодаря мужеству горожан нижегородская твердыня выдержала первый натиск мятежников. Взять его они не смогли и обложили город.

Осада длилась три недели, но все усилия восставших были напрасны. Тогда Федор Доможиров отправил гонца за подмогой в Арзамас. Оттуда под Нижний были отправлены две сотни детей боярских (одна во главе с Остафием Соловцовым, другая – под началом Осана Миккульского), отряд стрельцов, а также служилые татары и мордва. Затем Борис Доможиров послал под Нижний Новгород своего сына Ивана. Возможно, это произошло в связи с гибелью Ф. М. Доможирова.

После взятия Нижнего повстанцы со всего юго-востока должны были собраться в Касимове с тем, чтобы потом с Ураз-Мухаммедом идти к Москве, на соединение с основными силами Болотникова. Подход к столице свежих сил Ураз-Мухаммеда мог бы сильно способствовать взятию Москвы мятежниками. Таким образом, судьба страны в ноябре–декабре 1606 года решалась не только под Москвой, но и под Нижним Новгородом, осажденном войсками Ивана Борисовича Доможирова.

Повстанцы делали Нижнему «многие пакости», но взять его так и не сумели. Это не позволило Болотникову создать необходимый численный перевес под Москвой. В результате правительственные силы добились перелома: 2 декабря воеводы Шуйского, среди которых выдающуюся роль сыграл молодой племянник царя Михаил Скопин-Шуйский, разбили Болотникова и отбросили его от Москвы.

Сразу после этого царь Василий Шуйский отправил две рати на помощь нижегородцам. Во главе одной находился князь Иван Михайлович Воротынский, сын знаменитого полководца. Другую рать возглавили воеводы Григорий Григорьевич Пушкин и Сергей Григорьевич Одогуров.

Разгром сторонников Болотникова в Нижегородском крае.

Отряд Пушкина и Одогурова подошел к Мурому уже 11 декабря 1606 года. Муромцы сразу признали власть Шуйского и присоединились к правительственным войскам. Узнав об этом, восставшие спешно сняли осаду с Нижнего Новгорода и убралась восвояси. Бортники и мордва, вероятно, разошлись по домам. Служилые люди, находившиеся в войске Ивана Доможирова, вернулись в Арзамас и Алатырь.

На Алатырь против них двинулись Пушкин и Одогуров. Из Муромы, через территорию современного Ардатовского района, не заходя в Арзамас, они у Шатков вышли на Алатырскую дорогу и, прибыв в Алатырь, привели этот город к присяге царю Василию Шуйскому.

Следом за Пушкиным и Одогуровым города Муромы достигла рать И. М. Воротынского. Она отправилась на Арзамас, и, как пишет летописец, «князь Иван Михайлович Воротынской град Арзамас взял».

Участие нижегородцев и арзамасцев в борьбе с болотниковцами под Тулой. Из Арзамаса Воротынский отправился через Рязань на Тулу, где укрепился соратник Болотникова Илейка, выдававший себя за вымышленного «царевича Петра», сына царя Федора Иоанновича.

К Туле было велено идти и Пушкину с Одогуровым. С собой они взяли нижегородских и арзамасских детей боярских, в том числе недавних мятежников. Они не только были помилованы, но и сохранили свои земельные владения. Такова была политика царя Василия Шуйского. Он был добр к бунтовщикам, сложившим оружие.

Чтобы оправдать доверие царя, дети боярские, нижегородцы и арзамасцы, храбро бились с болотниковцами, особенно отличившись в боях под острогом Серебряные Пруды, прикрывавшим путь к Туле (март 1607 года). Там войска Шуйского не только за-

ставили сдать защитавших острог мятежников, но и разгромили вражеский отряд, шедший на выручку повстанцам. При этом были пленены его главари, один из которых оказался «иноземцем литвином». С донесением о победе и взятыми «языками» Пушкин отправил в Москву к царю Василию Шуйскому арзамасца князя Ивана Путятина и нижегородца Мисюря Соловцова.

Дворяне и дети боярские, нижегородцы и арзамасцы, упоминаются также как участники битвы на реке Восме в июне 1607 года. Это сражение предопределило поражение Болотникова. Мятежники попытались переломить неудачный для себя ход боевых действий. Они совершили бросок из Тулы под Каширу, с тем чтобы обойти стоявшее в Серпухове войско Василия Шуйского и двигаться дальше на Москву. Но царские войска их к Кашире не пропустили, загнали в буерак и разгромили. После этого болотниковцам пришлось запелеться в Туле, которая была обложена армией Шуйского.

В осаде Тулы среди прочих участвовали татары, чуваша и черемисы из Казани, Свияжска, Чебоксар, Козьмодемьянска и Арзамаса. Воеводой у них был Петр Арасланович Урусов, принявший христианство ногайский князь. Головами в татарских отрядах служили русские дворяне. «Арзамасских князей, мурз и служилых татар» возглавлял арзамасский сын боярский Федор Васильевич Левашов. Головой у козмодемьянских татар был опытный воин-арзамасец Смирной Мотовилов.

В октябре 1607 года Тула сдалась. Болотников был пленен. Нижегородские и арзамасские дворяне сыграли в этой победе значительную роль. В тяжелую годину испытаний Нижегородский край показал себя прочной опорой Москвы и царя Василия Шуйского.

Глава 2. Нижегородцы в борьбе с Лжедмитрием II

Героическая гибель арзамасского полка в битве под Зарайском. Тушинцы окружают Нижний Новгород. Оборона Нижнего Новгорода от войск Лжедмитрия II. Разгром тушинцев под Нижним Новгородом в декабре 1608 года. Восстание против Тушинского вора в Поволжье и на Суздальщине. Борьба с тушинцами в январе–феврале 1609 года. Нижегородцы освобождают Муром и Владимир. Нижегородцы наносят поражение Лисовскому. Ф. И. Шереметев из Нижнего Новгорода идет на выручку Москве. Нижегородцы освобождают от тушинцев Арзамас.

Героическая гибель арзамасского полка в битве под Зарайском. Болотников еще сидел осажденный в Туле, как из Польши явился новый самозванец, Лжедмитрий II. С его приездом Смута, даже после пленения Болотникова (октябрь 1607 года), продолжилась. Зимой 1608 года Самозванец провел в Орле. Со всех сторон к нему стекались разбойники и любители легкой поживы из числа польских шляхтичей и казаков. Самой зловещей фигурой среди них был жестокий головорез Александр-Юзеф Лисовский.

Весной 1608 года войска Лжедмитрия II разделились на две армии и двинулись от Орла к Москве, чтобы взять ее в кольцо. Одна армия Самозванца шла через Козельск и Можайск. Она встала около столицы с северо-западной стороны – в селе Тушино. Другая армия под командованием пана Лисовского отправилась на восток – в Рязанскую землю. Ее целью был выход к Москве через Коломну. Путь к Коломне прикрывала крепость Зарайск. Здесь оборону против врага держали князь И. А. Хованский и братья Прокопий и Захар Ляпуновы. Им на помощь прибыл из Арзамаса отряд дворян и детей боярских числом в триста человек. Это была большая часть арзамасского городского полка, цвет арзамасского воинства. Все они полегли в битве с лисовчиками (так называли бойцов отряда Лисовского) под Зарайском 30 марта 1608 года. Тела погибших Лисовский приказал похоронить в общей могиле, насыпав над ней для своей славы высокий курган.

Гибель арзамасских героев была не напрасной. Враг был ими задержан и ослаблен. И хотя Лисовскому удалось взять Коломну, вскоре после этого он был разгромлен князьями Б. М. Лыковым

и И. С. Куракиным на Медвеьем броду через Москву-реку. После этого правительственные силы восстановили контроль над Коломной, и Москва избежала окружения.

После Смуты у кургана в Зарайске в память о погибших был воздвигнут Благовещенский храм (у арзамасских воинов с собой в походе была икона Благовещения). Арзамасцы долгие годы приезжали сюда помянуть своих земляков. В 1880 году на вершине кургана был установлен чугунный крест. В 1920-е годы его убрали. В 1962 году здесь поставили гранитный обелиск. Ныне крест восстановлен. В 1998 году в Зарайск приехала делегация Арзамаса, установившая у кургана памятную доску, на которой написано: «Сердца ваши горели любовью к отечеству, и положили вы жизни свои во славу земли родной. Героям-арзамасцам от благодарных земляков». Ныне Арзамас и Зарайск – города-побратимы.

Тушинцы окружают Нижний Новгород. В сентябре 1608 года лучшие силы Лжедмитрия II во главе с польским гетманом Сапегой и Лисовским направились из Тушина к Троице-Сергиеву монастырю. Эта обитель стояла на Ярославской дороге, по которой Москва снабжалась продовольствием. Царь Василий Шуйский направил вдогонку за тушинцами рать под предводительством своего брата Ивана, но она была разбита Сапегой и Лисовским и в плачевном состоянии возвратилась в столицу.

Удрученный Василий Шуйский велел объявить, что намерен выдержать осаду в городе, но если кто не хочет сидеть вместе с ним, тому вольно выехать. Многие придворные, предчувствуя торжество Самозванца, воспользовались этим разрешением и уехали из Москвы в Тушино, чтобы попроситься на службу к Лжедмитрию.

Вслед за этим начали присягать Тушинскому вору разные города – одни неволею, другие, будучи застигнуты врасплох или увлечены чужим примером. Среди них были Суздаль (который захватил злодей Лисовский), Владимир, Муром, Ярославль, Вологда, Шуя. Поддалась соблазну и Балахна. Воеводой туда Лжедмитрий II назначил Степана Голенищева. В это же время перешел на сторону Лжедмитрия II касимовский хан Ураз-Мухаммед со всей Мещерской

стороной, включая Арзамас, Темников и Алатырь. Таким образом, Нижний Новгород оказался отрезан и от Москвы, и от Рязани, тоже не поклонившейся Самозванцу.

Казалось, только этого ждали мордва и бортники Нижегородского уезда. В 1606 году они во главе со своими предводителями Московом и Воргодином уже воевали на стороне Болотникова. Теперь Москов и Воргодин их вновь взбунтовали. Мордва и бортники убили своего начальника, назначенного правительством, – голову Василия Антончикова, – установили связь с Тушином и заняли прилегающие к Нижнему дороги.

Тогда же Лжедмитрий II послал отряды присягнувших ему арзамасцев и темниковцев на осаду Чебоксар и Свияжска. Они перекрыли волжский путь из Казани в Нижний Новгород. Таким образом Нижний Новгород со всех сторон оказался заблокирован тушинцами.

Оборона Нижнего Новгорода от войск Лжедмитрия II. Защитой города руководили воеводы Александр Репнин и Андрей Алябьев. Когда они появились в Нижнем, точно неизвестно. Князь Александр Андреевич Репнин имел придворный чин стольника и находился уже в преклонных летах. При Годунове он вместе со своими друзьями, боярами Романовыми, оказался в опале и успел побывать в ссылке.

В отличие от него Андрей Семенович Алябьев был незнатен. Ранее он, будучи дьяком, служил государям пером, а не саблей. Но военный опыт у него как у бывшего стрелецкого головы имелся. К тому же в 1605 году Алябьев командовал артиллерией в походе против Лжедмитрия I. Поэтому неудивительно что, когда в 1607 году Василий Шуйский привлек нескольких дьяков к полковой службе (в связи с восстанием Болотникова), Андрей Семенович был среди них. Он сопровождал царя в походе на Тулу и, видимо, там отличился, за что и получил нижегородское воеводство.

Репнин и Алябьев не располагали большим войском. Но и мятежники штурмовать высокие стены Нижегородского кремля боялись. В конце ноября 1608 года они из Балахны отрядили посольство, предложившее нижегородцам добровольно признать власть «царя

Дмитрия». В Нижнем, однако, уже были наслышаны, каково живет под пятой Тушинского вора. Спесивые поляки из окружения Самозванца врывались в дома людей, брали товары без денег, обижали прохожих на улицах. Поборам не было конца. Поруганию подвергались церкви. Поляки забирали жен от мужей и девиц от родителей. Поэтому нижегородцы, собрав 21 ноября 1608 года земский совет с участием воевод, духовенства, дворян, детей боярских, стрельцов, служилых иноземцев (литвы и немцев), а также старост и целовальников, представлявших посадское население, единодушно постановили хранить верность царю Василию Шуйскому. Однако, чтобы «христианская неповинная кровь не лилась», нижегородцы предложили балахнинцам решить дело так: «Кто будет на Московском государстве государь, тот всем – и нам и вам – государь»; пока же это не выяснится, нижегородцы и балахнинцы не будут ходить войной друг на друга.

Отправив это послание в Балахну, нижегородцы стали готовиться к худшему – к осаде города. Чтобы иметь в достаточном количестве продовольствие и все необходимое, воевода Репнин 22 ноября приказал взять на царское имя запасы, хранившиеся у купцов за Окой, на Стрелке. Это было сделано как нельзя вовремя. Едва нижегородские стрельцы во главе с Михаилом Ордынцевым приступили к выполнению этого поручения, как на них напал прибывший из Балахны отряд казачьего атамана Тимохи Тоскаева. Однако Ордынцев успел вывезти запасы, а затем сжег все строения на Стрелке, чтобы мятежники не смогли там засесть.

Этот бой открыл череду атак тушинцев на Нижний Новгород. Основу войск Самозванца, двигавшихся на Нижний, составили принудительно мобилизованные крестьяне (в источниках их называют даточные и подымные люди). Начальниками (головами) у них были профессиональные военные. Так, отряд, шедший со стороны Муром, включал в себя крестьян Стародубской волости Муромского уезда (ныне Вачский район). Возглавлял его суздальский сын боярский Степан Сурвацкий. Перед Нижним он соединился с мордвой под началом Воргодина и 25 ноября подошел к городу

по Казанской дороге со стороны Печер. Воевода Алябьев увлек осажденных на вылазку, но сражение не выявило победителей.

29 ноября Сурвацкий, стремясь застать нижегородцев врасплох, приходил к городу уже по московской дороге, и Алябьев вновь выдержал с мятежниками жаркий бой.

А из Балахны явился казачий атаман Тимоха Тоскаев с присягнувшими Самозванцу детьми боярскими разных городов и даточными людьми. Этот отряд имел в своем распоряжении артиллерию. 30 ноября Таскаев начал штурм Нижнего Новгорода со стороны Волги (конечно, уже скованной в это время льдом).

В тот же день Степан Сурвацкий и Воргодин повели свои войска на приступ деревянного острога, защищавшего городские посады. Бои развернулись у трех главных въездов город (Никольские, Ильинские, Печерские ворота).

Тушинцы не зря торопились с взятием Нижнего. Они знали, что на помощь городу идет большое войско со стороны Казани во главе с боярином Федором Ивановичем Шереметевым. Тот с 1606 года действовал против повстанцев в низовьях Волги. Теперь же царь Василий Шуйский велел ему срочно возвращаться на защиту Нижнего Новгорода.

Впереди себя Шереметев отправил из Казани сводный передовой отряд из нижегородских дворян (им не терпелось домой), московских и астраханских стрельцов, казаков, служилой литвы, немцев, татар, чувашей и башкир. Соединением руководили стрелецкие головы Андрей Микулин и Богдан Износков. Тушинцы попытались преградить им путь. По воспоминаниям нижегородских ветеранов похода, их столкновения с «воровскими людьми» начались за 30 верст до Нижнего Новгорода. Микулину и Износкову удалось прорваться в город лишь благодаря тому, что воевода Репнин выступил им навстречу. Это произошло 1 декабря 1608 года.

Победы воеводы Алябьева над тушинцами в декабре 1608 года. Подход помощи из Казани заметно изменил соотношение сил в пользу защитников Нижнего Новгорода. Они воспрянули духом и 2 декабря обратили в бегство войско Тимохи Тоскаева. Вылаз-

кой опять руководил воевода Алябьев. Ведомые им нижегородские дворяне и дети боярские, прибывшие от Шереметева казаки, литва и немцы, а также посадские люди погнали тушинцев в сторону Балахны. Тушинцы дважды пытались остановить нижегородскую рать: первый раз в деревне Копосово (ныне часть Сормовского района), потом – в Козине (теперь – рабочий поселок Большое Козино), но оба раза неудачно. О сражении с тушинцами напоминают названия окраин Большого Козина – Ляхово и Ляховский Борок. Здесь нижегородцы отняли у врага пушки, барабаны, знамена и взяли много пленных. Третья, решающая схватка состоялась уже под самой Балахной. Она тоже закончилась разгромом тушинцев.

Когда мятежники спрятались в городе, балахнинские мужики скрутили начальников тушинского войска во главе казачьим атаманом Тимохой Таскаевым и отослали их в Нижний. Там Таскаев был повешен. В руки Алябьева попала и такая важная птица, как балахнинский воевода-тушинец Степан Голенищев.

Воодушевленные победой нижегородцы 5 декабря смело встретили новый отряд тушинцев, подошедший со стороны Арзамаса. Его возглавлял арзамасский помещик Нефед Собакин. Вылазку опять возглавил Алябьев. С ним пошли дворяне и дети боярские, стрельцы, служилые иноземцы, а также добровольцы из числа посадских людей. Нижегородцы обратили противника в бегство и преследовали на протяжении пятнадцати верст, пока не стемнело. Были взяты вражеские знамена, набаты (барабаны) и 300 пленников.

Так тушинцы в течение трех дней потерпели под Нижним два поражения и потеряли два своих войска. Теперь у них сохранился только муромский отряд. Он отступил к Ворсме. Против него Алябьев выступил 10 декабря 1608 года. С доблестным нижегородским воеводой отправились дворяне и дети боярские, стрелецкие головы, служилые иноземцы (литва и немцы), а также казаки и башкиры, присланные Шереметевым. Не доходя до Ворсмы пять верст, они в тот же день «воровских людей на двух дорогах побили многих» (одна дорога шла через Ворсму на Муром, другая перед Ворсмой сворачивала на село Горбатово и далее, пересекая Оку,

шла к Владимиру). Сама Ворсма, жители которой дали приют мятежникам и не повинились, была сожжена. Не желая себе подобной участи, подняли восстание против тушинцев крестьяне соседнего села Павлова, и приспешникам Лжедмитрия II пришлось бежать отсюда в Муром.

За Ворсмой начинался Стародубский стан Муромского уезда. 10 декабря Алябьев направил памятную записку старостам, целовальникам и всем крестьянам стародубских сел Яковцева, Вачи и в Пуроцкую волость. «Враг смутил многих, не одних вас, – писал им нижегородский воевода, – присылайте с повинной челобитной ваших представителей в село Давыдково, и будете прощены». Стародубцы последовали этому совету и повинились.

Тушинцы между тем попытались отбить стратегически важное Павлово (Павлов Острог). 11 декабря к нему подошел отряд сторонников Лжедмитрия II: литва, мордва с Воргодином во главе, бортники, стрельцы и подымные люди (мобилизованные крестьяне). Однако Алябьев разгромил и их, взяв знамена и пленников.

В эти же дни со своими основными силами выступил из Казани Ф. И. Шереметев. Первым делом он отогнал тушинцев от Свияжска.

Восстание против Тушинского вора в Поволжье и на Суздальщине. Весть о победах Алябьева и движении вверх по Волге рати Шереметева воодушевила стонавших под гнетом тушинцев крестьян и посадских людей Поволжья и Суздальщины. Больше всего им доставалось от «загонных отрядов», направляемых отдельными полками и ротами из Тушина и городов с польскими гарнизонами. «Загонные люди» забирали съестное, деньги, хмельные напитки и уводили с собой женщин. Для потехи тушинцы издевались над монахами, топтали крестьянский хлеб, убивали скот, бросая мясо в воду или собакам.

Ближайший к Нижнему Новгороду польский гарнизон находился в городке Лух (ныне Ивановская область). Его начальником был насильник и злодей пан Арамский. После разгрома тушинцев под Нижним местные крестьяне и посадские люди решили уничтожить это гнездо хищников. Против Арамского поднялась вся

округа: Юрьевец, Решма, Холуй, Балахна. В Балахне восставших возглавил Иван Кувшинников, в Городце – Федор Наговицын (Городец тогда не имел статуса города, однако существовала Городецкая дворцовая волость). В Юрьевце собрал многих людей ключник Федор Красный. Им на помощь Алябьев отправил нижегородских стрельцов. Со всех сторон восставшие двинулись на Лух и взяли его приступом, побив литовских людей. Пан Арамский струсил и сдался. Его и других пленников отправили в Нижний Новгород.

От Луха повстанцы пошли на Шую. Шуяне, первоначально присягнувшие Лжедмитрию II, отреклись от Самозванца, и уже 21 декабря Федор Красный послал в Нижний Новгород донесение из самой Шуи. Примеру Шуи последовали жители соседней Ярополческой волости (район города Вязников), а затем и других мест.

Успех нижегородцев всколыхнул всю Верхнюю Волгу. Отовсюду в Нижний Новгород поступали хорошие вести. Прибыли посланцы из Костромы – дворянин Андреян Ярцев и посадский человек Богдан Салтамьшев. Они сообщили, что поднялись против Тушинского вора Кострома, Галич, Углич, Вологда и Ярославль. Сама нижегородская рать во главе с Алябьевым в это время от Павлова направилась к Мурому.

Борьба с тушинцами в январе – феврале 1609 годов. Уловив, какая опасность для Лжедмитрия II исходит с востока, польский гетман Сапега (главнокомандующий войск Самозванца) направил туда свои самые боеспособные силы.

Отряд Лисовского двинулся на Ярославль и занял его, а затем и Кострому. От Костромы тушинцы пошли вниз по Волге и взяли под свой контроль Плесо (ныне Плес), Кинешму и Юрьевец. Из Суздаля предпринял поход на Шую суздальский воевода-тушинец Плещеев. Хотя шуяне бились насмерть, тушинцам удалось их одолеть. Федору Красному пришлось уйти в Нижний Новгород.

Не все гладко было и у Шереметева. Арзамасские дворяне, входившие в состав его рати, не захотели сражаться со своими земляками, воевавшими за Лжедмитрия, и 12 декабря «побежали» к тушинским полкам под Чебоксары. Правда, 22 декабря 1608 года

Шереметев разбил тушинцев под Чебоксарами, но дальше идти не решился, поскольку арзамасцы взбунтовали местных чувашей и марийцев. Арзамасские мурзы Бибай и Теребердей Мустофины со стрельцами, казаками, мордвой, чувашами и марийцами из Козьмодемьянского уезда перешли на левый берег Волги и заняли Царевкококшайск (ныне – Йошкар-Ола), Санчурск, Яранск. Арзамасский воевода-тушинец Ф. А. Киреев угрожал Свияжску. Сторонник Тушинского вора князь Роман Троекуров пришел в Чебоксары и собирав чувашей и марийцев тоже для наступления на Свияжск.

В этих условиях о продолжении движения к Нижнему нечего было и думать. Шереметев ограничился тем, что отбил Чебоксары и стал там дожидаться весны.

Известие о том, что рать Шереметева осталась зимовать в Чебоксарах, подняло настроение тушинцев. Воевода Лжедмитрия II Семен Вяземский из Владимира через Гороховец двинулся на Нижний. Это заставило Алябьева немедленно прекратить наступление на Муром и, чтобы не попасть в окружение, вернуться в Нижний Новгород.

Он успел это сделать вовремя. В начале января 1609 года войска Вяземского, соединившись с подошедшим из Арзамаса дворянским отрядом Ф. В. Левашова, стояли уже в селе Богородском. Не мешкая, Алябьев выступил им навстречу и заночевал в селе Бурцево (Богородский район). Вяземский, узнав об этом, решил напасть на людей Алябьева, пока те спят. В полночь 6 января отряд Вяземского обрушился на Бурцево. Но Алябьев был начеку. Нападение тушинцев было отбито с большими потерями для них. А 7 января 1609 года разъяренные воины Алябьева атаковали Богородское.

В решающий миг боя дрогнули подымные люди из рати Вяземского. Часть арзамасских дворян во главе с Ф. В. Левашовым перешла на сторону Алябьева. Остальные тушинцы обратились в бегство, бросив знамена и пушки. Но спастись удалось не всем. Князь Вяземский попал в плен. Его отвезли в Нижний Новгород и там повесили.

Алябьев несколько дней шел по пятам отступающего в сторону Мурома противника – 16 января 1609 года передовой отряд нижегородцев находился уже в селе Клине (современный Вачский район). До Мурома было рукой подать – 20 верст. Однако Алябьев рассудил, что затевать штурм Мурома, когда Нижнему могли угрожать тушинцы из Арзамаса и Юрьевца, было бы опрометчиво. Нижегородский воевода развернул свою рать обратно. И оказался прав. В начале февраля к Казанской дороге подошли мятежники из Арзамаса: арзамасские дети боярские, казаки, татары, черемисы и мордва во главе с воеводой Иваном Кологривовым. Бой с ними состоялся 6 февраля 1609 года за две версты от села Кадницы. Приспешникам Тушинского вора пришлось отступить. Алябьев преследовал их до самого Арзамаса. 15 февраля 1609 года войско Алябьева сожгло Казачью выездную слободу и пошло на приступ арзамасского острога и самой крепости. Однако взять город с ходу не удалось, и 16 февраля Алябьев велел возвращаться обратно. По дороге назад, в Собакинском лесу, нижегородцы попали в засаду. На них напали подошедшие скрытно на лыжах черемисы, мордва и бортники. Однако Алябьеву удалось довести свой отряд до Нижнего.

Пока Алябьев воевал с тушинцами из Арзамаса, новое восстание против Самозванца подняли костромичи. В это же время балахнинский воевода Степан Голенищев (он теперь служил Василию Шуйскому) вместе с посадскими людьми-балахнинцами послал ратных людей в Кинешму. Там собралось ополчение из Балахны, Юрьевца и Кинешмы. Возглавил его костромской сын боярский Федор Боборыкин. Оно выступило в поход на Шую. Суздальский воевода-тушинец Ф. К. Плещеев встретил отряд Боборыкина на подходе к Шую, у села Дунилово. Там тушинцы 11 февраля 1609 года были разгромлены мужиками-ополченцами Боборыкина. Плещеев бросил Шую и с остатками своих войск бежал в Суздаль.

Нижегородцы освобождают Муром и Владимир. Над Москвой в это время по-прежнему нависала угроза со стороны войск Тушинского вора. В самой столице имелось немало скрытых

приверженцев Самозванца, 17 февраля 1609 года они едва не свергли Василия Шуйского. Заговорщики во главе с Григорием Сунбуловым с криками и ругательствами вломились в царский дворец. Но потомок нижегородских князей не испугался. Он вышел к бунтовщикам и с твердостью сказал: «Зачем, вы, клятвопреступники, ворвались ко мне с такой наглостью? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете».

Мятежники растерялись и бежали в Тушино. Но Шуйский понимал, что пока Москва осаждена тушинцами, он в любой миг может лишиться трона. Одна надежда была на Нижний Новгород, родной город его предков. 17 и 18 февраля 1609 года по велению царя было написано четыре грамоты в Нижний Новгород воеводам Репнину и Алябьеву и всем нижегородским служилым людям. В них Шуйский хвалил их за службу, обещал щедро наградить и приказывал срочно прорываться к Москве.

В столицу царь советовал идти скрытно, по Оке (видимо, до Мурома). Из Мурома путь на Москву лежал через Владимир. Там нижегородцы могли бы соединиться с земской ратью Боборыкина – в случае ее успеха под Суздаlem. Однако в тот самый день, когда Василий Шуйский отправлял свое письмо в Нижний (17 февраля), головорезы Лисовского разбили ополченцев Боборыкина у Суздаля. Затем тушинцы нанесли поражение ополченцам под Шуйей, вновь взяли Лух, вышли у Плеса к Волге и овладели Костромой, а также Кинешмой и Юрьевцом.

В состав Юрьевецкого уезда тогда входила Городецкая волость. Она сильно пострадала от врага. В дозорных книгах 1617 года на ее территории упоминается 15 деревень, запустевших от литовского разоренья («крестьяне посечены, а иные без вести разбрелись»).

Поляки и тушинцы лютовали совсем недалеко от Нижнего Новгорода. Поэтому уводить войско из города к Мурому теперь было рискованно. Что же было делать Алябьеву? Ослушаться царского указа? Ждать подкрепления из Чебоксар от Ф. И. Шереметева? Укрывшись за стенами Нижегородского кремля, скрепя сердце принимать донесения о бесчинствах молодчиков Лисовского?

Те убивали всех, кто попадался на пути: мужчин, женщин и детей, дворян, горожан и крестьян.

В этой трудной ситуации нижегородский воевода проявил мудрость и выдержку, достойную выдающегося полководца. Сначала он обезопасил свой город от удара со стороны Юрьевца. Туда был направлен опытный воин Федор Мостинин со стрельцами и казаками. Юрьевец сдался без боя. Здесь встретили нижегородцев как избавителей. Далее Мостинин совершил дерзкий рейд под Костромой, к селу Красному. Там он отбил табун скаковых лошадей, принадлежавший самому Лжедмитрию II (190 жеребцов и кобылиц). С этой знатной добычей Мостинин благополучно вернулся в Нижний. Часть его стрельцов, видимо, осталась в Костроме. Там они вместе с ополченцами из Вологды и Галича, очевидно, приняли участие в ожесточенных боях, развернувшихся на костромских улицах с 28 февраля по 3 марта 1609 года. В результате этого сражения тушинцы были заперты в Ипатьевском монастыре. Таким образом, удара врага со стороны Верхней Волги нижегородцам можно было уже не опасаться.

Только теперь Алябьев велел трубить поход на Муром. Там его давно уже ждали стонавшие под гнетом тушинцев муромцы; 18 марта они восстали. Ни польский ротмистр Крупка, ни тушинский воевода Толбузин не смогли справиться с восставшим народом. Толбузин бежал во Владимир. Муромцы же с иконами вышли встречать своих нижегородских избавителей и целовали крест на верность царю Василию Шуйскому.

Пока враг не опомнился, Алябьев из Мурома бросил свои лучшие силы – московских и астраханских стрельцов, казаков, нижегородскую и арзамасскую дворянскую конницу – на Владимир. Эту рать возглавляли А. А. Микулин, Б. А. Износков, И. Д. Болховский и Ф. В. Левашов; 27 марта она подошла к Владимиру. Тут же посадское население Владимира принялось вязать тушинцев и открыло ворота нижегородцам. Владимирским воеводой стал арзамасец Ф. В. Левашов.

Казалось бы, дальше следовало не мешкая идти к Москве. Но Суздаль по-прежнему находился в руках пана Лисовского. Оставлять

его в тылу было нельзя. Таким образом, главная задача, которая теперь встала перед нижегородцами, заключалась в том, чтобы разгромить Лисовского и продолжить движение на помощь Москве.

Нижегородцы наносят поражение Лисовскому. Между тем Лисовский не собирался отсиживаться в Суздале. Уже в начале апреля отряд этого злодея подошел к Владимиру и попытался взять город. Однако владимирцы и нижегородцы защищались отчаянно. Враг был отброшен. Вскоре Лисовский ушел к Ярославлю, который 8 апреля встал за Шуйского. Но значительные силы тушинцев по-прежнему находились в Суздале. Не приходилось сомневаться: стоит нижегородскому отряду выйти из-за стен Владимира и отправиться на Москву, как тушинцы ринутся за ним вдогонку. Поэтому Алябьев не слал своим воинам приказа наступать и сам не шел к Владимиру, оставаясь в Муроме. Этим он навлек на себя неудовольствие Василия Шуйского. Но покидать Муром, имея в тылу враждебные Арзамас и Касимов, было бы безрассудно. Исходя из этого, Алябьев решил ждать в Муроме подхода рати Шереметева из Чебоксар.

Пока же в Мещеру, Арзамас и Шацк были посланы грамоты с призывом перейти под власть Шуйского. Однако хан Ураз-Мухаммед, правивший в Касимове, связал свою судьбу с Лжедмитрием II. С декабря 1608 года он находился в стане Самозванца в Тушине. И вся Мещера, все пограничные города юго-востока (Касимов, Шацк, Кадом, Темников, Арзамас, Алатырь, Курмыш; татары, русские служилые люди и бортники, мордва, марийцы) по его примеру были за Лжедмитрия.

Поскольку на увещевания мятежники не откликнулись, Алябьев из Мурома 11 мая 1609 года отправился в поход на Касимов. Взятие этого города позволяло установить прямое сообщение с Рязанью, а возможно и вынудить Ураз-Мухаммеда порвать с тушинцами. Или хотя бы отвлечь касимовского хана из-под Москвы. Рать Алябьева с боем успешно преодолела реку Унжу в десяти верстах от Касимова, но взять город не смогла. Долго стоять у его стен было опасно. Из Тушина Ураз-Мухаммед спешно отправил осаж-

денным касимовцам подкрепление. Алябьеву пришлось возвращаться в Муром. Там он и остался в качестве воеводы. Руководство военными действиями против тушинцев на Оке и Волге в середине мая 1609 года перешло к боярину Ф. И. Шереметеву, прибывшему в это время в Нижний Новгород из Чебоксар.

Первым делом Шереметев принялся очищать окрестности Нижнего от сторонников Лжедмитрия – русских казаков, мордвы и черемисов. Они стояли в деревне Прокошево (ныне – село Кстовского района), угрожая дороге на Казань и в селе Помра (современный Дальнеконстантиновский район), перекрывая путь к перевозу через реку Пьяну и далее в Арзамас. Против них 23 мая 1609 года из Нижнего выступил Яков Соловцов, нанесший мятежникам в Помре большое поражение.

Вскоре после этого Шереметев получил похвальную грамоту от Василия Шуйского. Царь обещал своему верному боярину большие награды и звал с войском к Москве. Такие же грамоты 27 мая 1609 года Шуйский послал Левашову во Владимир и Алябьеву в Муром. Однако ни Алябьев, ни Левашов, ни Шереметев не смогли немедленно исполнить царское повеление. Причиной тому была неумная напористость Лисовского, быстро перемещавшегося по Верхнему Поволжью и державшему в постоянном напряжении воевод Василия Шуйского.

Главными задачами Лисовского были, с одной стороны, взять Ярославль, с другой – выручить тушинцев, осажденных в Ипатьевском монастыре. Однако, чтобы прорваться к ним, нужно было переправиться на левый берег Волги. Для этого требовались суда, которых у Лисовского не имелось. Поэтому 23 мая 1609 года полк Лисовского, усиленный полками других польских военачальников (Будилы и Пузелевского), совершил бросок от Ярославля к Кинешме, надеясь захватить там какие-либо плавучие средства. Бои под Кинешмой продолжались два дня (25 и 26 мая) и закончились падением города. Когда враг уже ворвался в Кинешму, к ней подошел отряд ополченцев из Юрьевца во главе с отважным воеводой Федором Боборыкиным. Все они сложили головы в жестокой битве.

Гибель героев была не напрасной. Необходимые суда лисовчикам не достались. Идти в Юрьевец за средствами переправы тушинцам смысла не было. Все население города, прихватив свой скарб, на лодках уплыло на левый берег Волги. Несолоно хлебавши, Лисовский со своими полками от Кинешмы двинулся по правому берегу Волги обратно к Костроме.

Видно, злодеи теперь надеялись преодолеть реку на лошадях вплавь. Это было бы возможно, если бы тушинцы, осажденные в Ипатьевском монастыре, создали на своем левом берегу Волги, в устье реки Костромы, плацдарм для лисовчиков.

Однако сторонники Шуйского, которыми под Костромой командовал бесстрашный и находчивый воевода Давыд Жеребцов, 11 июня 1609 года форсировали реку Кострому и не дали возможности тушинцам, засевающим в монастыре, прикрывать полки Лисовского во время переправы. Отметим, что в отряде Жеребцова, костяк которого составляли прибывшие из далекой Мангазеи воины-сибиряки, были и нижегородские стрельцы (видимо, из тех, кто пришел под Кострому вместе с Федором Мостининым).

Бойцы Жеребцова стеной встали на левом берегу Волги. Лисовский не стал испытывать судьбу и вновь пошел к Юрьевцу, надеясь застать город врасплох и наконец-то захватить там речные суда. Его сопровождал отряд ростовского воеводы-тушинца И. Ф. Наумова.

Наумов был оставлен в селе Решма (близ Юрьевца) для подготовки переправы. Здесь, посреди Волги, был большой Мамшин остров и преодолеть реку было удобнее всего. Сам же Лисовский направился к Юрьевцу.

Там его ждали во всеоружии. Боярин Шереметев еще 1 июня направил в Юрьевец отряд нижегородцев во главе с Мисюрем Соловцовым. Не надеясь, что этих сил будет достаточно для победы над злодеем, державшим в страхе всю Русскую землю, Шереметев вызвал из Владимира стрельцов Богдана Износкова. Узнав об этом, сидевший в Суздале пан Сума, а «с ним литва и черкасы и многих городов всякие русские люди», попытались взять Владимир, но получили отпор.

Переброска стрельцов Износкова из Владимира в Нижний Новгород оказалась весьма своевременной. Лисовский разбил в Юрьевце отряд Соловцова, остатки которого вернулись в Нижний. Шереметев, не дав Соловцову даже передохнуть, немедленно отправил его обратно под Юрьевец. С ним же двинулись стрельцы Богдана Износкова и Тимофея Остренева.

Между тем Лисовский, который занял и сжег Юрьевец, получил в городе желанную добычу – 4 струга и 6 лодок. Суда отвезли к Решме, где начали с их помощью переправляться. Однако это оказалось не так-то просто. Уцелевшие жители Юрьевца и его окрестностей вместе с семьями перебравшись на левый берег Волги и «брань противу врагов творяху, не дающее ни единому от них, ко брегу их приблизиться».

Тем не менее 28 июня 1609 года Лисовский и 200 его казаков все же сумели переправиться на левый берег. Отряд И. Ф. Наумова в это время находился на Мамшином острове. Будила же стоял на правом берегу. Вдруг в самый разгар переправы, к изумлению и ужасу тушинцев, со стороны Юрьевца показались нижегородские рати. Их вели Мисюрь Соловцов, Богдан Износков и Тимофей Остренев. Часть из них шла по берегу конным и пешим порядком, часть плыла в стругах. Нижегородцы всей мощью ударили на врага, который обратился в бегство. Тушинцы, оказавшиеся на Мамшином острове, побросали оружие, коней и спасались вплавь по Волге «наги и босы». Удрал и Лисовский.

Победа нижегородцев под Решмой предопределила поражение Тушинского вора. Его самый боеспособный отряд – лисовчики – был уничтожен. Сам Лисовский укрылся в Суздале.

Ф. И. Шереметев из Нижнего Новгорода идет на выручку Москве. Сразу же после победы над Лисовским Ф. И. Шереметев с войском отправился из Нижнего Новгорода на выручку Москве. Это случилось в июле 1609 года. Рать Шереметева двинулась вдоль правого берега Оки к Мурому. Хан Ураз-Мухаммед с отрядом татар, мордвы и бортников попытался воспрепятствовать ему, 10 августа недалеко от Муромы произошло решающее сражение.

Шереметев одержал в нем победу. Далее он преследовал противника до Касимова. Город был им взят. Находившиеся там пушки отправили в Нижний к воеводе Репнину. Касимовские татары присягнули Василию Шуйскому.

Из Касимова Шереметев вернулся в Муром и оттуда совершил переход во Владимир, где был к началу сентября. Затем он попытался взять Суздаль, чтобы обезвредить Лисовского и через Юрьев-Польский выйти к осажденному тушинцами Троице-Сергиеву монастырю. Но 7 сентября под Суздалем войска Шереметева потерпел поражение от лисовчиков. Это задержало Шереметева во Владимире на два месяца.

В это же время к Москве с севера приблизилось давно ожидаемое войско молодого талантливого полководца, царского племянника М. В. Скопина-Шуйского, в состав которого входили шведские наемники. Василий Шуйский возлагал на него большие надежды. Однако приглашение шведов дало повод польскому королю Сигизмунду III, воевавшему с ними, вторгнуться в Россию. В сентябре 1609 года польские войска подошли к Смоленску и приступили к его осаде.

Скопин-Шуйский, невзирая на это, в октябре 1609 года продолжил движение к Москве. Из Калязина через Переяславль-Залесский он пришел в Александрову слободу (ныне г. Александров Владимирской области). Шереметев с нижегородцами двинулся к нему из Владимира на соединение и 11 ноября 1609 года был в Александровой слободе.

Уход Ф. И. Шереметева из Владимира едва не обернулся для города бедой. Лисовский и его соратник Просовецкий напали на Владимир. Однако город им взять не удалось.

Тогда же подвергся опасности и Нижний Новгород. К северо-востоку от современной Нижегородской области, на территории нынешних Санчурского, Кикнурского и Яранского районов Кировской области, весь 1609 год находились крупные силы тушинцев во главе с князем Р. Ф. Троекуровым. В октябре 1609 года они, переправившись на правый берег Волги, по Казанской дороге подошли

к Нижнему. Новый нижегородский воевода молодой князь Алексей Михайлович Львов ходил на них к селу Ельне (Кстовский район), где произошел жаркий бой. Мятежникам пришлось уйти восвояси.

У тушинцев с осени 1609 года вообще пошла череда неурядиц. Сигизмунд из-под Смоленска направил своих посланцев в Тушино, приглашая приспешников Лжедмитрия к себе на службу. Среди них начались споры. При этом на Самозванца никто не обращал внимания, и он, рассорившись с поляками из своего окружения, тайно бежал из Тушина в Калугу (декабрь 1609). Тушинские поляки после этого решили служить королю, а тушинские русские постановили пригласить на российский трон королевского сына Владислава, однако с тем, чтобы он принял православную веру.

Воеводы Василия Шуйского, видя в тушинском лагере разброд и шатание, принялись теснить своих противников. Крупный отряд правительственных войск под командованием князей Б. М. Лыкова и Я. П. Барятинского попытался взять штурмом Суздаль, правда, пока неудачно. Гетман Сапега под напором войск Скопина-Шуйского и Шереметева в январе 1610 году был вынужден снять осаду с Троице-Сергиева монастыря и отступить к западу, в Дмитров. Оттуда его в феврале 1610 года выбили доблестные воеводы И. С. Куракин и Б. М. Лыков. Сапега откатился еще дальше на запад, в Ржев. После этого Лисовский покинул Суздаль и с боями тоже ушел в сторону Литвы (в Великие Луки).

В марте 1610 года в Суздаль вступил отряд шуйского воеводы Якова Прокудина. В этом же месяце радостно чествовала своих избавителей и Москва: 12 марта Скопин-Шуйский и Шереметев со своими воинами, среди которых были и нижегородцы, торжественно въехали в столицу.

Нижегородцы освобождают от тушинцев Арзамас. Насладившись победой, нижегородцы вернулись из Москвы в родной город. Отдых, однако, был недолог. Нижегородских воинов опять ждала трудная ратная служба. В апреле 1610 года атаман Митька Мастрюков взял пограничный со степью Шацк и оттуда угрожал Касимову. Шуйский велел окольному Василию Федоровичу

Масальскому взять с собой всех служилых людей Нижнего Новгорода и идти в Шацк. Однако нижегородские воеводы Репнин и Львов стали тянуть с отправкой рати к Мосальскому. Ведь рядом с Нижним, в Яранске и Арзамасе, находились крупные силы тушинцев.

Осторожность воевод спасла город. В мае 1610 года к Нижнему Новгороду подошли конные и судовые отряды тушинцев – «стрельцы, и казаки, и татарове, и черемиса». «Воровских людей» возглавляли князь Р. Троекуров, П. Бутурлин и Ю. Соловцов. Они разорили Балахну, уничтожили Везломскую слободку, находившуюся на левом берегу Волги, напротив Нижнего Новгорода (в районе современного Бора). Но сам Нижний устоял. Более того, нижегородцы разбили мятежников на вылазке. «Ворам» пришлось спасаться бегством. Кто-то на стругах уплыл вниз по Волге. Конный отряд Соловцова укрылся в Арзамасе.

Василий Шуйский, получив известие об этой победе, велел Мосальскому ехать в Муром, где точно узнать, есть ли «воры» под Нижним и в Нижегородском уезде. Дальше следовало действовать в зависимости от полученных сведений: либо идти на помощь Нижнему, либо очищать от «воров» Касимов и касимовские места. Мосальский выбрал первое, поскольку пока тушинцы сидели в Арзамасе, Нижний Новгород находился под постоянной угрозой.

В июне 1610 года Мосальский вместе с суздальским воеводой Прокудиным из Мурома прибыл в Нижний Новгород. Оттуда, взяв с собой местного воеводу Львова и нижегородских ратных людей, они не мешкая выступили в поход на Арзамас. Арзамас был взят приступом. Командовавший осажденными воевода Ф. А. Киреев погиб при штурме. Другого предводителя тушинцев, Ю. Соловцова, схватили живым и повесили. Во второй половине июня под Арзамасом нижегородцы разбили тушинцев Г. И. Кашкарова и П. Кушникова. После этого Арзамасский уезд оказался под полным контролем воевод Василия Шуйского.

Казалось, теперь нижегородцам можно было возвращаться домой для желанного отдыха. Однако в начале июля до Арзамаса дошло известие о том, что русское войско потерпело сокрушительное

поражение от поляков у села Клушино. Столица вновь оказалась под угрозой. Нижегородцы получили приказ оставить Арзамас и через Муром двигаться к Москве. Возможно, им и удалось бы выправить положение, но по пути в столицу их застало известие о низложении царя Василия Шуйского. Захар Ляпунов и заговорщики-бояре заставили государя отречься от престола и постричься в монахи.

Это событие открыло череду новых бедствий, которые едва не привели к гибели Русского государства. Спасти ему было суждено во многом благодаря мужеству нижегородцев.

Глава 3. Нижегородцы и борьба Первого ополчения с польскими захватчиками (1610–1611)

Семибоярщина у власти. Дмитрий Пожарский и его предки. Семибоярщина приглашает на царство королевича Владислава и впускает в Москву поляков. Призыв патриарха Гермогена к борьбе с поляками. Наступление отрядов Первого ополчения на Москву. Ополченцы и московское восстание 19–21 марта 1611 года. Осада Москвы Первым ополчением. Распад Первого ополчения.

Семибоярщина у власти. После низложения Василия Шуйского власть перешла к боярской думе, составившей правительство из семи бояр, которое называют Семибоярщиной. Первое место в нем по знатности принадлежало старому князю Ф. И. Мстиславскому. Но он не хотел быть царем. Не желал он подчиняться и кому-то из других бояр, прежде всего стремившемуся к короне В. В. Голицыну, по замыслу которого и свергли с престола Шуйского. Мстиславскому лучшим кандидатом на трон казался сын польского короля Сигизмунда III – Владислав, уже приглашенный на трон частью бывших русских приспешников Тушинского вора (они теперь находились вместе с польским гетманом Жолкевским под Можайском).

Однако царства по-прежнему домогался и Лжедмитрий II, который после разгрома войск Шуйского под Клушином воспрянул духом и из Калуги опять пошел на Москву. Еще когда на троне последние недели находился Шуйский (июль 1610), Самозванцу сдались Серпухов, Кашира, Коломна. Готовы были присягнуть Лжедмитрию и жители Зарайска, но их остановил здешний воевода Дмитрий Пожарский. Он убедил горожан принять следующее решение: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить».

Дмитрий Пожарский и его предки. Род Пожарских вел начало от стародубских князей. Дмитрий Михайлович появился на свет 1 ноября 1578 года. Детские годы провел в отцовской вотчине – селе Волосынине «Мугреево тож» Суздальского уезда (ныне село Мугреево-Никольское Южского района Ивановской области). Дед героя, Федор, в годы опричнины, подобно многим другим отпры-

скам удельных князей, оказался в «казанской ссылке», т. е. был отправлен служить на юго-восточную окраину государства. Мы знаем, что за ним были записаны два двора в Нижнем Новгороде. Таким образом, Пожарские имели давнюю и прочную связь с этим городом. Был у них дом и в Москве. Там жил Д. М. Пожарский, когда в юности начал службу при Государевом дворе. Поскольку род Пожарских был захудалым, чин Дмитрия Михайловича был невысок. Он числился сначала стряпчим, потом стольником.

Чины Государева двора периодически назначались на различные службы, в том числе воеводами. Выполнял подобные обязанности и Пожарский. Несколько раз он отличился в схватках с тушинцами, а с 1610 года являлся воеводой в Зарайске. К этому времени вполне сложилось мнение о нем как о мужественном воине и человеке безусловно верном присяге. Обладал он и даром убеждения. Это хорошо показал описанный выше случай, когда Пожарский склонил жителей Зарайска сохранить верность Шуйскому.

Семибоярщина приглашает на царство королевича Владислава и впускает в Москву поляков. Легкость, с которой Зарайск были готовы предаться Самозванцу, показывает, что у Лжедмитрия все еще было немало сторонников. Имелись они и в Москве. И бояре опасались, что московские приспешники Тушинского вора поднимут мятеж в столице. Двое членов Семибоярщины – Ф. И. Шереметев и Б. М. Лыков – два года воевали с тушинцами и не могли ждать от них ничего хорошего. Да и никто из бояр не хотел подчиняться Самозванцу и его казачьему окружению. Поэтому они предпочли передать русский трон иноземцу – королевичу Владиславу. Однако патриарх Гермоген сказал, что даст на это свое благословение, только если польский королевич перейдет из католичества в православие. Бояре сочли названное требование разумным и выставили его условием на переговорах с польским гетманом Жолкевским. Но гетман без согласия короля отказывался дать такие гарантии. И вот тут члены Семибоярщины пошли на сделку со своей совестью: несмотря на то что в договоре с Жолкевским польская сторона не обещала перехода Владислава в православие,

бояре, скрыв это от народа, привели москвичей к присяге польскому королевичу. Следом присягнули и другие города, включая Нижний Новгород.

Между тем Семибоярщину все глубже затягивала пучина предательства. Боясь народного гнева, бояре ночью выпустили в Москву польскую армию, а затем согласились, чтобы гетман Жолкевский увез к Сигизмунду постриженного в монахи Василия Шуйского. В польской неволе свергнутый царь и закончил свои дни.

В октябре 1610 года Сигизмунд III принял послов от Семибоярщины. Они просили его прислать скорее сына в Москву и снять осаду со Смоленска. Однако король не только не хотел уходить от Смоленска, но, наоборот, требовал его немедленной сдачи. Отправку же Владислава в Россию отложил на неопределенный срок. Семибоярщина решила опять уступить. Впрочем, она уже была отодвинута от власти. Настоящим хозяином Москвы стал начальник польского гарнизона Александр-Корвин Гонсевский, человек умный, жестокий и коварный. С его согласия всем распоряжались приехавшие в Москву бывшие тушинцы М. Г. Салтыков и Ф. Андронов, которые еще в феврале 1610 года перешли на службу к Сигизмунду. Исползволь они вели дело к тому, чтобы именно польский король стал правителем России.

Призыв патриарха Гермогена к борьбе с поляками. Салтыков и Андронов явились к патриарху Гермогену и потребовали, чтобы он подписал грамоту, где московским послам под Смоленском предписывалось во всем подчиниться королевской воле. Патриарх им отказал, но они пришли снова, уже с Мстиславским и прочими боярами. При всех Салтыков кричал на Гермогена и угрожал ему ножом.

Патриарх уже давно осуждал действия бояр. Он не признал насильственного пострижения Василия Шуйского в монахи, был против ввода польских войск в Москву. Однако Гермоген не хотел сеять в народе смуту против властей. Теперь же он понял, что дольше молчать нельзя, и в Успенском соборе обратился с речью к народу с обличением изменников. Он пока не призывал к воору-

женной борьбе с ними, ибо это оказалось бы на руку Тушинскому вору. Но вот в декабре 1610 года Лжедмитрий II убит одним из своих приближенных. Теперь борьба против поляков и их московских подручных не способствовала бы торжеству презренного Самозванца. И патриарх немедленно начал рассылать грамоты по городам, в которых освобождал от присяги Владиславу и звал людей из других городов идти спасать Москву от поляков.

Одна из таких грамот была направлена в Нижний Новгород. Нижегородцы обсудили ее и послали к патриарху за советом двух своих представителей. От служилых людей поехал сын боярский Ратман Пахомов, а от торгово-ремесленного населения – посадский человек Родион Мосеев. Это было в декабре 1610 года.

Пахомов и Мосеев застали главу русской в церкви в бедственном положении. Весь его двор был разграблен, патриаршие дьяки и подьячие находились под арестом. Гермоген был лишен письменных принадлежностей. Так поляки и русские изменники пытались помешать патриарху рассылать по стране грамоты с призывом к восстанию. Гермоген, не имея возможности отправить с Пахомовым и Мосеевым письменное сообщение, велел передать нижегородцам на словах, чтобы они с жителями других городов собрали войско и шли к Москве на поляков. Когда Пахомов и Мосеев уже уехали, патриарх нашел возможность оформить свой призыв в письменном виде и отправил грамоту в Нижний уже со своими людьми. Но 8 января 1611 года его послание в Нижний Новгород было перехвачено поляками. Ратман Пахомов и Родион Мосеев тоже сильно рисковали, посещая опального патриарха. К счастью, 12 января 1611 года они благополучно вернулись в Нижний и рассказали землякам об устном наказе Гермогена.

Нижегородцы тут же сообщили об этом в Балахну. Представители обоих городов совместно целовали крест, чтобы «стать за Московское государство за один». После этого из Нижнего Новгорода были посланы соответствующие грамоты в Кострому, Галич, Вологду, Рязань. Нижегородцы просили прислать для совета доверенных людей изо всех чинов.

Первым откликнулся рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Он еще в ноябре 1611 года начал укорять членов Семибоярщины за их дурные дела. В декабре бояре потребовали от патриарха, чтобы тот призвал Ляпунова к покорности властям. Но Гермоген отказался это сделать. Тогда Гонсевский направил против Ляпунова отряд запорожских казаков (Запорожье тогда находилось в составе Польши, и запорожцы участвовали в походах польского войска). С ними шел посланный Семибоярщиной полк воеводы Исаака Сумбулова.

Ляпунов в это время находился в Пронске, собирая для похода на Москву служилых людей из городов засечной черты – Михайлова, Рязька, Шацка, Кадома и Алатыря. Сил у Ляпунова пока было немного, и ему в Пронске пришлось бы очень туго. Но отважного рязанского воеводу спас воевода из Зарайска – Дмитрий Михайлович Пожарский, быстро выступивший на выручку Ляпунову с коломенцами и рязанцами. Ратная слава Пожарского уже тогда была столь велика, что черкасы (так в Москве называли запорожцев по их тогдашнему главному городу Черкассы), только услышав о подходе Пожарского, сняли осаду с Пронска. Благодаря этому Ляпунов смог благополучно вернуться в Рязань. Пожарский же возвратился в Зарайск.

Между тем коварный Сумбулов с черкасами скрытно подошел к Зарайску, надеясь захватить Пожарского врасплох. Однако Дмитрий Михайлович был начеку. Он удержал город, а затем в ходе удачной вылазки наголову разгромил противника. Блестящая победа Пожарского позволила Ляпунову продолжить работу по сбору ополчения. О ее ходе он написал в Нижний Новгород в грамоте, полученной там 27 января 1611 года. Ляпунов сообщал, что с ним готовы идти не только воины из украинских (пограничных) городов засечной черты, но и туляки с калужанами.

В Туле тогда находился Иван Заруцкий, донской казачий атаман, пожалованный Лжедмитрием II в бояре, любовник вдовы обоих Лжедмитриев Марины Мнишек. Этот авантюрист был храбрым воином, и Ляпунов решил пригласить его в союзники, как и другого боярина Самозванца, князя Дмитрия Трубецкого, засевавшего

в Калуге. Ляпунов с Заруцким и Трубецким готовился к походу на Москву с юга. Нижегородцам же рязанский воевода предлагал, соединившись с жителями окрестных и поволжских городов, идти к столице через Владимир.

В тот же день, 27 января 1611 года, в Нижний Новгород были доставлены еще две грамоты от Гермогена. Они не были написаны патриархом, но их содержание полностью соответствовало его убеждениям, почему он и распорядился переслать их в Нижний. Первую грамоту составили русские люди, ездившие в Польшу выкупать увезенных в рабство матерей, жен и детей и подвергшиеся там грабежу и издевательствам. Вторая грамота была сочинена жителями Москвы. Оба послания призывали всех русских людей встать за православную веру против иноземцев. Нижегородцы отправили эти грамоты в Вологду, присовокупив к ним собственное письмо.

Наступление отрядов Первого ополчения на Москву. 31 января 1611 года в Нижний Новгород прибыли новые посланцы из Рязани. Это были стряпчий Иван Биркин (раньше находившийся на службе у Лжедмитрия II) и дьяк Степан Пустошкин. Они привезли еще одну грамоту от Ляпунова. Он просил у нижегородцев пороха и свинца и призывал их «тотчас идти со всеми людьми к царствующему граду Москве на разорителей веры христьянской, на польских и на литовских людей, на Владимир или вам на которые города податнее».

Из Нижнего к Москве «податнее» всего было добраться через Владимир. Туда и были направлены 8 февраля 1611 года наиболее подготовленные воинские части из Нижнего Новгорода: дворяне и дети боярские, стрельцы, литва, немцы. Во Владимире в это время воеводствовал рязанец Артемий Васильевич Измайлов, старый соратник Прокопия Ляпунова. 7 февраля 1611 года туда подошел из Суздаля Андрей Захарович Просовецкий, казачий предводитель, бывший сподвижник Лисовского и отчаянный рубака. Он тоже изъявил желание примкнуть к ополчению.

Приход Просовецкого оказался как нельзя кстати. 11 февраля 1611 года к Владимиру из Москвы через Юрьев явился направленный

Гонсевским и Семибоярщиной один из лучших полководцев эпохи Смуты князь Иван Семенович Куракин «с русскими и литовскими людьми». Просовецкому удалось побить и разогнать его отряд. Куракин бежал по новой Московской дороге. Но у Ундол (ныне это село в черте города Лакинска Собинского района Владимирской области) в его отряде распространился панический слух, что люди Прокопия Ляпунова перерезали путь к Москве у Вохны (ныне г. Павловский Посад Московской области). Куракин не решился на новый бой, свернул с прямой дороги и ушел опять на Юрьев.

Отбив нападение Куракина, во Владимире стали ждать подхода главных сил из Нижнего Новгорода и Мурома. Первая нижегородская рать (та, которая отправилась в путь 8 февраля), прибыла во Владимир во второй половине месяца. Затем из Нижнего 17 февраля 1611 года выступило новое войско. Им руководил воевода Александр Андреевич Репнин. Под его началом находились соединения, явившиеся на подмогу нижегородцам, из «низовых и окольных городов» (видимо, из Юрьевца, Балахны, Васильсурска, Козьмодемьянска, Чебоксар). Репнин был во Владимире 1 марта 1611 года.

К этому же времени из Мурома к Владимиру подошел Василий Федорович Мосальский с дворянами и детьми боярскими разных городов, а также стрельцами и казаками. Костяк его отряда наряду с муромцами тоже составляли нижегородцы и арзамасцы. Это было то самое войско, которое под предводительством Мосальского летом 1610 года освобождало от тушинцев Арзамас, а затем отправилось выручать Москву от поляков, но остановилось в Муроме после низложения Василия Шуйского.

Ляпунов в письме, отправленном в середине февраля во Владимир, советовал всем собравшимся там отрядам ополчения идти к нему в Коломну, а уже оттуда с юга вместе наступать на Москву. Это позволило бы ополченцам подойти к Москве одновременно, согласовывая свои действия. Однако такой маневр грозил большой потерей времени, в то время как подступала весенняя распутица. Поэтому Репнин, Мосальский, Измайлов и Просовецкий

двинулись на Москву более коротким северным путем. Тем более что с севера им на помощь уже спешили войска из Костромы и Ярославля.

Ополчение из Костромы вышло 24 февраля 1611 года. Вел его князь Ф. И. Волконский. В Ярославле его уже ждал воевода Иван Волынский. Там же к ним присоединились князья Владимир Пронский и Федор Козловский, явившиеся из Романова (ныне – Тутаев) с местными татарами и русскими людьми, а также галицкие люди с воеводой Петром Мансуровым. Северная рать направилась к Москве через Ростов и Переяславль Залесский. И. С. Куракин, оправившийся от недавнего поражения, попытался помешать владимирским полкам с ней соединиться. С польскими и литовскими людьми он из Юрьева по Стромьинской дороге пришел на Киржач, а оттуда явился под Александрову слободу, но там был разгромлен. Победу над ним одержало вышедшее 10 марта из Владимира нижегородско-суздальское войско Репнина, Измайлова, Просовецкого и Мосальского.

Северная рать в это время находилась еще в Ростове. Репнин, Мосальский и Измайлов, вероятно, остались ее ждать. Просовецкий же пошел дальше на Москву. В свою очередь 7 марта из Коломны на Москву двинулся Прокопий Ляпунов. Со стороны Серпухова к столице шли Трубецкой и Заруцкий.

Ополченцы и московское восстание 19–21 марта 1611 года. Взять Москву с ходу было не так-то просто. Столица представляла собой мощную крепость. Ее ядром являлся Кремль. С двух сторон подступы к нему преграждались реками Москвой и Неглинной, а с третьей стороны – рвом с водой, к которому примыкал каменный Китай-город (внутри него находилась старая часть посада). В XVI веке бурно разросшиеся московские посады были защищены еще двумя линиями стен. Одна шла по современному Бульварному кольцу (каменный Белый город), другая – по Садовому кольцу (деревянный Скородом). Подступы к городским укреплениям прикрывали дозорные монастыри-крепости: Даниловский, Андроников, Новодевичий, Донской, Новоспасский, Симонов.

Однако и полякам удержать все эти линии укреплений было достаточно трудно. Ведь они находились в чужом враждебном городе. Поднимись на врага москвичи – и оккупанты оказались бы на стенах Скородома и Белого города между двух огней. На это и рассчитывал Ляпунов. У него в Москве был свой человек – стольник Василий Иванович Бутурлин-Граня. Он через секретных гонцов отписывал Ляпунову обо всем, что творилось в Москве, и готовил восстание. В марте 1611 года к нему на помощь тайком пробрались ратные люди из ляпуновских полков. Возглавлял их Дмитрий Пожарский, которому Ляпунов доверял как самому себе.

Поляки чувствовали, что в Москве зреет народное возмущение и при подходе Ляпунова им не сдобровать. Тогда интервенты решили сыграть на опережение. Они придумали спровоцировать москвичей на преждевременное выступление с тем, чтобы выявить и уничтожить самых деятельных своих врагов до подхода ополчения. Кроме того, полякам был нужен предлог для очищения от жителей Китай-города: оборонять его, имея за спиной враждебных москвичей, было нельзя.

18 марта 1611 года лазутчики доложили Гонсевскому, что Ляпунов уже в двадцати милях от столицы. Дальше медлить было нельзя. Прежде всего поляки взяли под стражу патриарха Гермогена. Затем Гонсевский приказал всем польским солдатам уходить в Кремль и Китай-город. На их башни 19 марта поляки принялись втаскивать пушки. К тяжелой работе они попытались привлечь московских извозчиков, наблюдавших за этой картиной, но получили отпор. Тут же возник еще один конфликт. Польские солдаты уже знали, что русские дома внутри Китай-города предназначены к разграблению. И вот некоторые из поляков прежде времени начали врываться в самые богатые жилища, чтобы опередить других своих товарищей. Москвичи, разумеется, защищали свое имущество. То здесь, то там стали вспыхивать схватки. Дали знать Гонсевскому. Он тотчас прискакал на коне, увидел, что дело зашло далеко, и приказал начать заранее намеченную резню. Поляки и их западноевропейские наемники во главе с французом Жаком Маржерере-

том начали рубить безоружных горожан саблями. Убивали всех без разбора – и старых, и малых, и женщин, и детей. За несколько часов оккупанты убили в Китай-городе семь тысяч москвичей. Те, кто выжил, бросили свои дома и кинулись бежать в Белый город. Враги преследовали их и там. Начались уличные бои. Русские перегораживали улицы столами, лавками, дровами и из-за них вели ружейный огонь. Стрельба по врагу велась также с крыш и из окон домов. У кого не было оружия, хватали кол или камень.

Пожарский и его люди, разумеется, не могли оставаться в стороне и обнаружили себя. Их главная задача состояла в том, чтобы захватить и удерживать до прихода ополчения ворота Белого города и Скородома. Пожарский взял на себя Сретенские ворота (его московский дом находился недалеко от них). С этой стороны на столицу шли суздальско-нижегородские полки. Люди Пожарского заняли также Никитские и Тверские ворота. Соратник Пожарского, Иван Бутурлин, встречая Ляпунова, стоял у Яузских ворот Скородома (там начинался путь на Коломну). Иван Колтовский в Замоскворечье сторожил для Трубецкого с Заруцким Серпуховские ворота Скородома. Особая роль была у Плещеева. Он держал Чертольские ворота, откуда вела дорога на Можайск и далее на Смоленск. Здесь к польскому гарнизону могло прийти подкрепление от Сигизмунда.

Поляки прежде всего атаковали Пожарского с целью отбить ворота Белого города. Тому на помощь пришли пушкари с близлежащего Пушечного двора. При помощи артиллерии доблестный воевода отбил натиск врагов и втоптал их обратно в Китай-город. На выходе из него, у церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, Пожарский начал спешно строить острожек, блокируя врага. Полякам пришлось попятиться и от Никитских ворот. Колтовский в Замоскворечье тоже дал им отпор.

Настал решающий миг сражения. Вся Москва поднялась на захватчиков как один человек. Казалось, еще немного – и полякам конец. И тогда они принялись жечь Москву, чтобы остановить восставших стеной огня. Этот совет им дал предатель Михаил Салтыков, который сам поджег свой дом. Стоял март, и сначала дома

загорались плохо. Но поляки достали смолы, прядева, смоленых лучин, и огонь занялся. На беду, ветер дул с польской стороны и гнал пламя на русских, вынуждая их отступать. Поляки следовали за огнем, пока ночь не развела их с восставшими москвичами.

Князь Дмитрий Пожарский и его люди, выйдя из своего острожка, долго не давали запалить дома на Лубянке. Князь Пожарский бился с врагами до заката. Наконец он изнемог от ран и упал на снег. Мужественный воевода лежал и горько плакал, но не от боли, а от того, что не было сил смотреть на людское горе. Соратники положили израненного князя в сани и через Сретенские ворота, которые он все-таки отстоял, увезли в Троице-Сергиев монастырь.

Ночью Гонсевский собрал своих и дал им приказ сжечь весь город без остатка. Ведь каждый целый дом стал бы местом для удобного отдыха воинов Ляпунова. За два часа до рассвета поляки вышли из Кремля и принялись поджигать дома москвичей. Сильный ветер опять помогал интервентам. Пламя охватывало дом за домом и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских. Поляки потихоньку подвигались вперед, беспрестанно усиливая огонь.

В полдень этого же дня на помощь польскому гарнизону прибыл полк Николая Струся из Можайска. Однако он не мог попасть в Москву, поскольку Чертольские ворота были у Плещеева. Русские умело защищали стену, а потом сделали удачную вылазку на врага. Польские дозорные с кремлевской колокольни Ивана Великого увидели это и доложили Гонсевскому. Тот решил пожертвовать Скородомом и велел поджечь его. Стены, срубленные из смолистого дерева и теса, скоро были охвачены пламенем и обрушились на всем своем протяжении. Русским пришлось сойти с них, и полк Струся ворвался в город и пробился в Кремль. Москва была охвачена пламенем со всех сторон. Поэтому отряд Колтовского был вынужден покинуть город. Пожар был так лют, что в ночь с 20 на 21 марта в Кремле было светло как днем.

В четверг 21 марта поляки снова принялись жечь город, и к вечеру во всей Москве за стенами Кремля и Китай-города не осталось ни кола ни двора. Народ вышел в поле на жестокий мороз. Боль-

шинство потянулось по дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Но у многих не было сил идти. Полуживые от холода, они вернулись просить пощады у Гонсевского. Тот велел им повторно принести присягу королевичу Владиславу. После этого Гонсевский отдал приказ не убивать русских. Покорившихся москвичей заставили иметь на улицах особый знак – подпоясываться полотенцами.

Страшную картину увидели вернувшиеся в Москву горожане. Дома их были сожжены. Все, что не сторело ценного, было разграблено. Пьяные поляки ради потехи заряжали ружья жемчугом и стреляли им в москвичей – вот сколько они набрали дорогих вещей! Оккупанты глумились над побежденными как могли.

Осада Москвы Первым ополчением. К концу марта к сожженной Москве начали подходить отряды ополчения. Первым по старой Владимирской дороге, со стороны Троице-Сергиева монастыря явился Просовецкий. Он шел гуляй-городом, то есть подвижную оградой из огромных саней, на которых стояли ворота с отверстиями для стрельбы. При каждах санях находилось по 10 стрельцов: они и сани двигали, и, останавливаясь, стреляли из-за них. Гуляй-город со всех сторон защищал войско Просовецкого. Но полк Струся прорвал гуляй-город и обратил русских в бегство. Струсь отдал приказ: в плен никого не брать, всех рубить и колоть.

26 марта 1611 года прибыл Ляпунов. На другой день подоспел Заруцкий. Они расположились у Симонова монастыря, представлявшего собой мощную крепость на въезде в Москву со стороны Коломны (он находился около нынешней станции метро «Автозаводская»). К Ляпунову пристал и Просовецкий, обойдя Москву с востока. Русские опять обставили себя гуляй-городами. Поляки послали на них поочередно несколько полков, но каждый раз были вынуждены с уроном возвращаться восвояси.

1 апреля по старой Владимирской дороге к Сретенским воротам Белого города подошли владимирские, нижегородские и муромские полки Измайлова, Репнина и Мосальского, а также костромичи и ярославцы Волконского. А. В. Измайлов остался у Сретенских ворот. Остальные обложили стену Белого города дальше к западу.

Волконский расположился у Петровских ворот, Мосальский – у Тверских.

6 апреля Гонсевский повел почти все свои отряды на вылазку, надеясь разгромить ополченцев в открытом сражении, однако потерпел неудачу. Преследуя поляков, русские захватили Яузские, Покровские, Сретенские, Петровские и Тверские ворота Белого города. Однако интервенты сумели удержать все ворота в западной части этой крепости – Никитские, Арбатские, Чертольские, Водяные (над Москвой-рекой) и подходы к ним со стороны Кремля. Благодаря этому у них сохранилось прямое сообщение с польской армией под Смоленском.

Большая часть посада внутри Белого города оказалась ничейной землей. Поляки приходили сюда грабить уцелевшие погреба и за дровами. Русские устраивали на оккупантов засады. Кругом стоял нестерпимый смрад от мертвых тел тысяч убитых москвичей. Среди развалин рыскали огромные стаи собак, ночью оглашавшие город жутким воем.

Уже в апреле запертые в Кремле и Китай-городе поляки стали нуждаться в еде. Тогда предатель Салтыков по приказу Гонсевского пришел к патриарху Гермогену и стал грозить ему: «Если ты не напишешь Ляпунову и товарищам его, чтобы они отошли прочь, сам умрешь злою смертью». Патриарх отвечал: «Вы мне обещаете злою смерть, а я надеюсь через нее получить венец и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать к полкам, стоящим под Москвой, – уж я говорил вам, и ничего другого от меня не услышите». Тогда Гермогена посадили в заточение в Чудовом монастыре в Кремле.

Между тем под Москвой появился со своим войском Ян-Петр Сапега, недавний соратник Тушинского вора. Он раскинул свой табор на Поклонной горе. Этот авантюрист готов был служить тому, кто больше заплатит – хоть своему королю, хоть русским. Ляпунов подумал, что Сапега мог бы стать полезным союзником. В начале июня 1611 года после героической обороны пал Смоленск. Теперь приходилось ждать подхода к Москве новых польских сил. Сапега

же, находясь на Поклонной горе, способен был не пустить их с запада. В этом случае врагам оставалось пробиваться к Кремлю только через Замоскворечье. Но там, на Тульской дороге (улица Большая Ордынка), чуть севернее Лужников (Вишняковский, бывший Лужниковский переулок), у церкви священномученика Климента Папы Римского (ул. Пятницкая, д. 26/7), Ляпунов поставил острог. Таким образом, перейди Сапега на русскую сторону – и поляки оказались бы в полной блокаде. Ляпунов прислал к нему своих людей, обещая заплатить, сколько тот потребует, лишь бы он стал с русскими заодно. Но Сапега медлил.

Тут польский военачальник Струсь из Москвы сделал конную вылазку в Замоскворечье к острогу у церкви святого Климента. Ополченцы его отбили и погнали назад. Струсю спасло только вмешательство Сапеги, ударившего по русским. Это дало возможность Струсю благополучно вернуться в Кремль.

Таким образом, Сапега все-таки выбрал сторону соотечественников. Тогда Гонсевский попросил Сапегу еще об одной услуге: собрать припасы для осажденного польского гарнизона. Тот согласился и, обойдя Москву с севера, 4 июля 1611 года перешел на старую Владимирскую дорогу, по которой направился в сторону Александровой слободы. Оттуда ему открывался путь и на Переяславль-Залесский, и на Суздаль. Допустить захвата поляками этих городов было нельзя. И Сапегу пустились преследовать Просовецкий и князь Петр Владимирович Бахтеяров-Ростовский, взявшие с собой часть нижегородских и арзамасских дворян и стрельцов. Они пошли по короткой Стромьинской дороге. У Киржача дворянская и казачья конница Просовецкого и Бахтеярова-Ростовского свернула на Александрову слободу, сумев занять ее раньше Сапеги. Арзамасские стрельцы со своим головой Михаилом Байкашиным и нижегородскими стрельцами в это время продолжили движение по Стромьинке до Суздаля, где и остались. В свою очередь Бахтеяров-Ростовский, видимо, сразу же проследовал из Александровой слободы в Переяславль-Залесский. Просовецкий некоторое время оборонял Александрову слободу, а затем тоже отступил

к этому городу. Взять его Сапеге не удалось. Он расположился у городских укреплений, распустив свои отряды для грабежа окрестностей.

Ляпунов понимал: вернется Сапега с продовольствием – и с поляками в Москве совладать будет очень трудно. Нужно было приступить к решительным действиям. Через три дня после ухода Сапег русские пошли на штурм Китай-города и тех башен Белого города, которые еще были заняты поляками. Китай-город интервенты отстояли. Но все башни Белого города после ожесточенной рукопашной схватки были взяты русскими. Особенно большое значение имело взятие Арбатских и Чертольских ворот. От них шла прямая дорога на Смоленск и в Польшу.

Потеря Белого города сильно ухудшила положение польского гарнизона в Москве. Позиции восставших наоборот усиливались. Со всех сторон к ним подходили подкрепления. Ополченцы начали налаживать управление страной. 30 июня 1611 год на общем собрании представителей всех отрядов ополчения был принят приговор, представлявший собой свод важнейших законов переходного времени. Правительством России объявлялись боярин Д. Т. Трубецкой, боярин И. М. Заруцкий и думный дворянин П. П. Ляпунов. Упорядочивалось наделение служилых людей вотчинами и поместьями. Учреждались Разрядный, Поместный, Разбойный и Земский приказы. Определялась система сбора налогов и судопроизводства. Этот приговор подписали и нижегородские дворяне, служившие в ополчении.

Главным зодчим государственного строительства и душой Первого ополчения был Прокопий Ляпунов. Он сумел сплотить бывших врагов – казаков, воевавших на стороне Тушинского вора, и дворян, служивших Шуйскому. По сути, только на нем и держалось единство ополчения. Поляки считали Ляпунова самым опасным для них человеком и решили его устранить. Для этого коварный Гонсевский сплел сложную интригу. Почерком Ляпунова было написано письмо с призывом расправиться с казаками. Те часто своевольничали и не любили Ляпунова за строгость. Неудивительно,

что подложное письмо Ляпунова, искусным образом направленное в руки казаков, чрезвычайно их взбудоражило. Наверняка масла в огонь возмущения подливали и польские агенты, затесавшиеся среди казаков (позже они будут выявлены и посажены на кол). Не без греха был и казачий вождь Иван Заруцкий, видевший в Ляпунове своего соперника. Так или иначе, казаки вызвали Прокопия Ляпунова для разбирательства на круг и там зарубили. Ни Заруцкий, ни Трубецкой при этом не присутствовали.

У дворян хватило выдержки не мстить за гибель Ляпунова, на что сильно рассчитывал Гонсевский. Однако отношения между казаками и служилыми людьми донельзя обострились. Это проявилось через несколько дней, когда из Казани прибыло новое пополнение: дворяне и дети боярские казанцы и свияжане, стрельцы и служилые татары во главе с боярином Василием Петровичем Морозовым. С собой они принесли список с Казанской иконы Божьей Матери. Навстречу иконе вышло все стоявшее под Москвой ополчение. При этом казаки ехали верхом, а дворяне смиренно шли пешком. Казакам не понравилось, зачем служилые люди захотели отличиться перед ними благочестием. Казаки стали ругать дворян и детей боярских. Те молчали, не желая осквернять бранью торжественности момента. Казаки, ярясь, начали бить их. Дворяне вытерпели все унижения.

Заруцкий увидел, что дело зашло слишком далеко. Нужно было дать выход накопившейся у казаков злобе. На другой день он повел казаков на штурм Новодевичьего монастыря, взяв с собой казанскую рать. В этой мощной крепости сидел польский гарнизон, охранявший переправы через Москву-реку на дороге в Смоленск. После жаркого боя воины Заруцкого заняли монастырь.

Однако эта победа не объединила ополчение. Дворяне, не желавшие больше терпеть унижения от казаков, стали разъезжаться по домам. Заруцкий этому не препятствовал. У него уже возникла мысль посадить на русский престол сына своей любовницы Марины Мнишек и Лжедмитрия II – Ивашку. Но воевавшие против Тушинского вора дворяне никогда бы не поддержали «Воренка».

Поэтому нужно было от них избавиться, а с оставшимися казаками и калужскими тушинцами Трубецкого провозгласить от имени всей Русской земли новым царем годовалого младенца Ивана «Дмитриевича». И вот Заруцкий и во всем согласный с ним Трубецкой, сам бывший тушинец, начали отсылать дворян из-под Москвы, щедро наделяя их новыми поместьями из дворцовых сел, черных волостей и монастырских вотчин. Так, дворяне и дети боярские смоляне были отправлены под Арзамас, где им были даны дворцовые села. Дворянские начальники кто уехал сам, а кто был отправлен на воеводство в дальние города. Например, 29 июля 1611 года голову нижегородских дворян М. И. Соловцова назначили воеводой в Ядрин, а Репнина послали воеводой в Свияжск.

Скоро Первое ополчение сильно уменьшилось числом. Тут в конце августа 1611 года из-под Переяславля-Залесского вернулся Сапега. Он отбил у поредевших русских отрядов Чертольские и Никитские ворота Белого города и через них ввез в Кремль возы, нагруженные припасами. Так из-за внутренних раздоров Первое ополчение не сумело выполнить свою задачу и потерпело поражение.

Глава 4. Создание народного ополчения под руководством Минина и Пожарского

Нижегородцы у патриарха Гермогена. Грамоты из Троице-Сергиева монастыря. Происхождение Кузьмы Минина и его жизнь до 1611 года. Призыв Минина к нижегородцам. Минин приглашает в Нижний Новгород смолян. Пожарский соглашается возглавить Ополчение. Формирование народного ополчения в Нижнем Новгороде.

Нижегородцы у патриарха Гермогена. Август 1611 года стал самым тяжким моментом Смутного времени. Первое ополчение потерпело поражение. Смоленск и Москва были под властью поляков. Шведы захватили Новгород. Везде на Руси царило уныние. При отсутствии духа сохранили жители только трех больших городов – Нижнего Новгорода, Казани и Перми, никогда не поддававшихся ни полякам, ни тушинцам. Разумеется, и на них тяжкое впечатление произвели события лета 1611 года, и прежде всего злодейское убийство казаками «промышленника и поборателя по Христовой вере» Прокопия Петровича Ляпунова. Узнав об этом преступлении, все люди Казанской земли – русские дворяне и стрельцы, татары, чуваша, марийцы и удмурты – договорились с нижегородцами о том, чтобы «быти всем в совете и в соединении» и выбрать государя «всею землею Российской державы». Если же казаки начнут выбирать царя «по своему изволению одни», не посоветовавшись «со всей землею», решили нижегородцы с казанцами, «нам того государя на государство не хотети».

Под тем, кого казаки во главе со своим предводителем Заруцким вопреки мнению «всей земли» могут выдвинуть в цари, имелся в виду сын Марины Мнишек от Лжедмитрия II, годовалый младенец Ивашка. Он с матерью находился в казачьем таборе вместе с Заруцким, любовницей которого была теперь Марина. Она заявила о правах своего сына на престол. Заруцкий и Трубецкой ее поддержали. Между тем оба они были членами выбранного «всею землей» правительства, которому подчинялись и Нижний Новгород, и Казань. Значит, теперь нужно было с этим правительством бороться?

Вопрос этот был очень сложен, и нижегородцы решили узнать, что по этому поводу думает патриарх Гермоген. К нему были направлены сын боярский Ратман Пахомов и посадский человек Родион Мосеев, которые уже посещали главу Русской церкви накануне создания Первого ополчения и были ему лично известны. Эта вторая поездка в Москву была неизмеримо более опасна, чем предыдущая. Патриарх был заточен в подземелье Чудова монастыря. Правда, постоянной охраны у него не было. Только раз в неделю приходил человек, кидавший ему сноп овса и приносивший немного воды. Однако, чтобы добраться до Чудова монастыря, требовалось преодолеть стены Белого города и Кремля, избежав встречи с вражескими солдатами. Для этого были нужны большая храбрость и недюжинное хладнокровие. Недаром патриарх назвал двух нижегородских посланцев отважными людьми. Наверняка, чтобы попасть в Белый город, они использовали трюк с переодеванием, а в Кремль пробрались по тайному подземному ходу, который был вырыт под Троицкой башней и выходил наружу в Чудовом монастыре.

Патриарх, узнав о возможности появления на русском престоле сына Тушинского вора, пришел в чрезвычайное волнение, которое отразилось в его грамоте в Нижний Новгород. В этом послании Гермоген поручал нижегородцам написать в Казань к митрополиту Ефрему (самому авторитетному православному пастырю из находившихся тогда на свободе), чтобы он направил свою «учительную грамоту» к боярам (т. е. Заруцкому с Трубецким) и казачьему войску. В той грамоте Ефрем должен был убедить бояр и атаманов не присягать «Маринкиному сыну».

Послание Гермогена 25 августа 1611 года довел до Нижнего Новгорода один Родя Мосеев. Вполне возможно, что его спутник погиб на обратном пути. Думается, что грамота патриарха была оглашена при большом стечении нижегородцев. Наверняка присутствовали воевода Андрей Алябьев, дьяк Василий Семенов, дворяне и дети боярские, служилая литва и немцы, земские старосты, целовальники и другие посадские люди. Затем патриаршую грамоту переписали и 30 августа отправили в Казань. Уже оттуда митро-

полит Ефрем с казанцами стал на ее основе рассылать по другим городам грамоты о том, чтобы «паньина Маринкина сына на государство не хотети».

Грамоты из Троице-Сергиева монастыря. Заруцкий не решился открыто идти против патриарха и волжских городов. Провозглашение царем сына Тушинского вора, таким образом, было предотвращено. Замысел Заруцкого сорвался. А ведь он ради его исполнения отослал из-под Москвы всех дворян и во многом из-за этого потерпел поражение от Сапеги. Между тем 24 сентября 1611 года к Москве подошел знаменитый польский полководец, великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич, и Заруцкому с Трубецким пришлось совсем туго. Как утопающий за последнюю соломинку, они ухватились за помощь властей Троице-Сергиева монастыря.

Эта прославленная монашеская обитель была мощным центром русского сопротивления интервентам и их приспешникам. Совсем недавно она выдержала двухлетнюю осаду Сапеги. Здесь лечились от ран князь Д. М. Пожарский и другие участники восстания 19 марта 1611 года. В стенах монастыря нашли приют беженцы из сгоревшей Москвы и те дворяне, которые хотели биться с поляками, но не под началом Трубецкого с Заруцким. Добавим, что в монастыре имелись большие запасы пороха и свинца. Их-то и попросили у настоятеля обители архимандрита Дионисия руководители Первого ополчения. Кроме того, Заруцкий с Трубецким умоляли старцев писать во все города о срочной высылке помощи. Самому Заруцкому, после того как он унизил и отослал от Москвы воинов-дворян, просить их о возвращении было, видимо, стыдно. Да ведь могли они его и не послушать. Другое дело, если бы к ним обратились почитаемые монастырские старцы.

Для обсуждения послания Заруцкого и Трубецкого архимандрит Дионисий и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын созвали бояр, дворян и дьяков, находившихся тогда в стенах монастыря. На общем совете был принят план действий. Первым делом ополченцам послали свинцу с порохом. Затем

архимандрит и келарь Троице-Сергиева монастыря принялись сочинять призывные грамоты в разные города. В них Дионисий с Палицыным сообщали о приходе под Москву Ходкевича и просили понудить «служивых людей» «да поспешили бы походом под Москву без всякого мешканья», соединившись «с московскими боярами и воеводы» (т. е. с Заруцким и Трубецким), забыв прошлые обиды и недовольство.

Для сбора ратных людей из замосковных и поморских городов был намечен Ярославль. Туда участники совета в Троице-Сергиевом монастыре направили старого опытного воина, боярина Андрея Петровича Куракина и дьяка Михаила Данилова, а с ними дворян и детей боярских. С той же целью во Владимир и «во все понизовые города» поехал стольник Василий Иванович Бутурлин-Граня, бесстрашный борец с польскими интервентами. В помощь ему был дан дьяк Сыдавный Васильев.

Грамот из Троице-Сергиева монастыря было отправлено много. Но как особо отметил один из их авторов, Авраамий Палицын, «в Нижнем Новеграде крепце яшася за се писание». Только в Нижнем Новгороде на призыв старцев Троице-Сергиева монастыря откликнулись всем миром и сумели собрать большое войско, спасшее Отечество. Главная заслуга в этом принадлежит Кузьме Минину.

Происхождение Кузьмы Минина и его жизнь до 1611 года. Посадских людей, к числу которых принадлежал Кузьма Минин, обычно называли по имени, прибавляя имя отца. Например: Кузьма Минин сын, или просто – Кузьма Минин. Таким образом, отца народного героя звали Мина (в память о святом воине – великомученике Мине Египтянине). Имя его жены (матушки Кузьмы) – Домникаея. По преданию родители Минина жили в слободке Благовещенского монастыря. Она располагалась выше монастыря, на горе, которую в народе зовут «Гребешком». Тогда это была самая окраина города. Здесь селились те, кто недавно приехал в Нижний Новгород из других мест. Видимо, к их числу принадлежал и отец Минина. По одной из легенд, он вместе с двенадцатилетним Кузьмой явился в Нижний из Новгорода Великого. По другой версии,

Кузьма Минин родился в Балахне. Так полагали многие известные историки XX века: И. А. Кирьянов, В. А. Кучкин, В. П. Макарихин, Н. Ф. Филатов. Они думали, что отцом Кузьмы Минина являлся богатый балахнинский солепромышленник Мина Анкудинов. Однако недавние исследования Б. М. Пудалова и С. В. Сироткина показали, что в достоверности этой догадки имеются большие сомнения и, скорее всего, Мина Анкудинов не родственник Кузьмы Минина. Впрочем, это не означает, что отец Минина не мог быть балахнинцем. Дело в том, что в Балахне имелась Ильинская церковь с приделом святого Мины, и имя названного великомученика в этом городе было достаточно распространено. Поэтому вполне вероятно, что не Анкудинов, а какой-то другой Мина из Балахны в конце XVI или начале XVII века с семьей перебрался в Нижний Новгород. Там он через какое-то время ушел в монастырь и стал иноком Мисаилом.

Не исключено, что отец Минина принял постриг в расположенном неподалеку от Гребешка Сергиевском монастыре (ныне здесь находится церковь преподобного Сергия Радонежского). Известно ведь, что к преподобному Сергию у Кузьмы Минина было особое отношение. Интересно, что в середине XVII века рядом с этим храмом стояла изба Домницы (Домникеи), вдовы посадского человека Макара Минина. Возможно, Макар – племянник Кузьмы Минина, сын одного из его братьев.

Достоверно известно об одном брате Кузьмы Минина – Сергее. В Писцовой книге 1621–1622 годов записаны еще трое Мининых: посадские люди Бессон, Григорий и Тихон. Тихон владел большим соляным амбаром. Это может указывать на его связь с Балахной, откуда поставлялась соль в Нижний Новгород. Имеется вероятность, что и Бессон, и Григорий, и Тихон Минины – родные братья спасителя отечества.

Кузьма Минин был женат. Супругу его звали Татьяна Семеновна. Она родила ему сына – Мефодия (в обиходе – Нефед).

Четверо родственников Кузьмы Минина – Яков, Никифор, Трофим и Аввакум – были убиты в годы Смуты. Возможно, они погибли

в боях с болотниковцами или тушинцами, осаждавшими Нижний Новгород. Как мы помним, в этих сражениях участвовали многие нижегородские посадские люди. Историки полагают, что тогда приобрел свой первый военный опыт и Кузьма Минин. Будущему вождю народного ополчения не помешало биться с врагами даже физический недостаток – сухорукость. (На этот врожденный недуг указывает прозвище Кузьмы Минина – Сухорук, зафиксированное в «Новом летописце».)

Рассказывая о роде занятий Минина, источники именуют его «купец коровей», «говядарь», «продавец мясу и рыбы в требование людям», «мясник»; говорят, что он имел «торговлю мясную». Согласно словарю Владимира Даля говядарь – это «гуртовщик, прогонщик, нагульщик скота и скотопромышленник». Говядарям приходилось много ездить. На беспокойных дорогах начала XVII века их везде подстерегала опасность. Чтобы заключить выгодную сделку, говядарю приходилось вести трудные переговоры, убеждать людей. Как и всякий хороший говядарь, Минин был умен и речист. Земляки уважали его и в августе 1611 года избрали Кузьму Минина земским старостой.

Земский староста вершил судебные дела в посадской среде и осуществлял раскладку между плательщиками тягла – совокупности платежей и повинностей в пользу государства. Иначе говоря, он определял, сколько каждый обязан внести в казну. При этом справедливым считалось, что богатый должен дать больше бедного. Даже трудно представить, сколько злоупотреблений мог совершить нечестный человек, попавший на эту должность! Поэтому посадские люди всегда были очень внимательны при выборах земского старосты. Ошибка могла дорого обойтись каждому избирателю. Ведь в случае недостачи или хищения расплачиваться пришлось бы всей посадской общине. Следовательно, на должность земского старосты требовалось выдвинуть человека честного и совестливого. Видимо, таким и был Кузьма Минин. А еще он был «смышлен и язычен», отличался глубокой религиозностью и «благим добронравием». Видимо, исходя из всего этого, жители Нижнего посада

и совершили свой выбор, сделав Кузьму Минина своим земским старостой (еще один староста был на Верхнем посаде).

Призыв Минина к нижегородцам. Отсчет службы земского старосты шел с нового года, который тогда начинался 1 сентября. Многие авторы утверждают, что будто бы сразу после своего избрания, в сентябре 1611 года, Минин начал выступать с призывами к созданию народного ополчения для освобождения Москвы от поляков. В это, однако, трудно поверить. Под Москвой уже стояло ополчение Трубецкого и Заруцкого. Его руководители слали по стране указы, назначали по городам воевод. Они были начальниками и для нижегородских властей. Но никаких требований о высылке войск в августе или сентябре 1611 года от Трубецкого и Заруцкого в Нижний Новгород не поступало. С чего бы тогда Минин стал в обход воевод собирать войско, о чем никто нижегородцев не просил? Нет, для вмешательства земского старосты в чужие для него воеводские дела требовалось какое-то чрезвычайное событие. И таким событием стало появление в Нижнем грамоты из Троице-Сергиева монастыря.

Когда она была доставлена в Нижний Новгород? Это время можно указать лишь предположительно. До нас дошла только одна из октябрьской серии троицких грамот. Ее послали 6 октября 1611 года в Пермь. Около это времени Дионисий и Авраамий Палицын, должно быть, отправили грамоту и в Нижний Новгород. Конный гонец тогда добирался из Москвы до Нижнего (при самых благоприятных условиях) за неделю. Но дело было осенью, в разгар бездорожья. Поэтому троицкая грамота появилась в Нижнем, вероятно, не ранее 15 октября. Кто ее привез? Может быть, кто-то из людей В. И. Бутурлина-Грани из Владимира?

На роль посланца Бутурлина-Грани лучше всего подходит неожиданно появившийся в Нижнем осенью 1612 года дьяк Василий Юдин. Он не был дьяком Нижегородской приказной избы. Эту должность тогда занимал Василий Семёнов. Семибоярщина или князь Д. Т. Трубецкой прислать Юдина не могли. А вот Бутурлин-Граня, который, как мы помним, явился из Троице-Сергиева

монастыря во Владимир, чтобы собирать ратных людей в «понизовых городах», обязательно должен был направить кого-то в Нижний Новгород. Для выполнения этого задания Василий Юдин имел все необходимые качества. Он прекрасно знал город и обстановку в нем, так как совсем недавно (в 1607–1608-м годах) служил дьяком Нижегородской приказной избы.

Для обсуждения привезенной Юдиным грамоты в Нижнем был созван земский совет – учреждение, которое во времена Смуты собиралось в Нижнем Новгороде в чрезвычайных случаях. По составу оно повторяло общероссийские земские соборы и включало духовенство, воевод, дьяка и представителей служилых и посадских людей. Местом сбора участников совета стал воеводский двор в кремле. Он располагался напротив Спасо-Преображенского собора (примерно там, где сейчас здание городской думы).

Юдин на этом заседании, вероятно, показал грамоту и поведал о призыве властей Троице-Сергиева монастыря. Среди его слушателей были архимандрит Печерского монастыря Феодосий, протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев, третий воевода Иван Биркин и земский староста Кузьма Минин.

Духовенство должно было встретить послание старцев Троице-Сергиева монастыря сочувственно. Но все зависело от служилых людей и их начальников – воевод Василия Звенигородского, Андрея Алябьева и Ивана Биркина. Как же они отнеслись к троицкой грамоте? Судя по всему, Звенигородский и Алябьев восприняли ее довольно холодно. Алябьеву, два года бившемуся с тушинцами, наверное, даже думать о встрече со своими заклятыми врагами было неприятно. Да и Звенигородскому ехать к казакам, видимо, тоже не очень-то хотелось. Скорее всего, Алябьев и Звенигородский даже не присутствовали на земском совете. Вместо них воеводскую власть там представлял молодой Иван Биркин.

Он, как мы помним, еще в январе 1611 года приехал в Нижний в качестве посланца от Прокопия Ляпунова. Затем этот рязанский дворянин воевал в составе Первого ополчения и его руководителем был послан на воеводство в Арзамас. В Арзамасе юный воевода,

похоже, не сумел совладать с народом, и в августе 1611-го был заменен князем И. С. Путятиным. Дальше Биркин уехал в Нижний, где помогал в воеводском управлении Алябьеву. Ему как соратнику Ляпунова, тоже не очень-то улыбалась перспектива помогать казакам, убившим его старшего товарища. Но, самое главное, Биркин и нижегородские дворяне не верили, что казаки и бывшие тушинцы смогут сделать что-нибудь путное. Наверное, об этом и сказали служилые люди Юдину. А еще, вероятно, прибавили: мол, все равно полки под Москву послать не получится, ибо нет ни достаточного количества людей, ни денег на снаряжение войска. Архимандрит Феодосий и протопоп Савва Ефимьев их переубедить не смогли. Впрочем, окончательное решение в первый день на совете так и не было принято.

Взволнованный всем услышанным, Кузьма Минин вместе с другими представителями посадских людей покинул воеводский двор. По дороге домой он покинул своих товарищей и зашел в некую «особую хранину» (какое-то отдельное помещение), в которой «безмолвие любя» он часто уединялся и раньше. Кузьма много размышлял о послании из обители преподобного Сергия Радонежского.

Наконец дремота одолела его. Ему приснился удивительный по своей яркости сон. В нем к Кузьме Минину явился преподобный Сергей и повелел ему собирать казну, наделять ею воинских людей и идти на очищение Москвы от поляков. Кузьма в страхе очнулся и начал обдумывать сон. Он понимал, что собирать войско не дело посадского человека. Поэтому решил пренебречь указанием преподобного. Однако ночью, дома, когда Минин после тягостных раздумий наконец забылся, сон с поразительной ясностью повторился, и утром Кузьма хорошо его помнил. Но как к нему отнестись? Вновь пришли сомнения в возможности исполнить повеление Сергия. Слишком уж оно выглядело необычным и сложным. Сон между тем не шел из головы. Все валилось из рук. Кузьмы присел отдохнуть, погрузился в забытие, и тут же перед ним опять предстал преподобный Сергей. Он промолвил: не говорил ли я тебе, что ты должен

собирать казну для ратных людей, чтобы те освободили Москву? Не бойся: если старейшие не хотят взять это дело на себя, тогда его сотворят юные. И начинание их будет благим и приведет к доброму свершению. Кузьма в трепете проснулся. Вдруг он почувствовал боль в животе. От переживаний обострилась язвенная болезнь двенадцатиперстной кишки. Кузьма стал молиться Сергию Радонежскому об исцелении чрева своего, обещая выполнить повеление преподобного. Боль на время отступила.

Между тем пришло время идти на земский совет, где намечалось принятие окончательного решения по троицкой грамоте. Дворяне были настроены еще непримиримее. Они предлагали вообще не оповещать горожан о послании из обители преподобного Сергия Радонежского, чтобы зря не волновать народ. «Вот оно, – подумалось, наверное, Минину, – всё по слову преподобного Сергия: “Старейшие в таковое дело не внидут”! Но тогда, значит “юннии начнут творить”. Что же я молчу? Я ведь дал обещание преподобному Сергию!» И Минин воскликнул: «Святой Сергий явился мне и повелел разбудить спящих, прочтите же грамоту властей Живоначальной Троицы Сергиева монастыря в соборе, а там – будь что Бог велит».

Горячий Иван Биркин сначала усомнился в истинности слов Кузьмы Минина о явлении ему преподобного Сергия, но протопоп Савва Ефимьев поддержал земского старосту. Савва сказал, что о грамоте нужно обязательно рассказать людям, поэтому он завтра созовет народ для ознакомления с ней. Так благодаря Минину и Ефимьеву в настроении земского совета произошел решительный перелом.

Утром нижегородцы были удивлены, услышав, как в будний день ударил большой колокол Спасо-Преображенского собора. Перед собравшимися горожанами с прочувствованной речью выступил Савва Ефимьев. Он же зачитал троицкую грамоту. После этого был отслужен молебен с коленопреклонением.

Дальше в дело вступил Кузьма Минин. Его задача согласно вешнему сну заключалась в том, чтобы собрать казну на ополчение.

Дать деньги могли только его собратья – посадские люди. И Минин начал произносить перед ними речи в земской избе и перед ней. Она стояла на нынешней Магистратской улице, в районе современной площади Народного единства. Однако вдохновенное слово Кузьмы Минина звучало не только там: земский староста обращался к окружающим, где бы ни находился.

Содержание речей Минина (а произнес он их в течение нескольких октябрьских дней немало) может быть подробно восстановлено по «Книге о новоявленных чудесах преподобного Сергия, творения Симона Азарьина». В ней среди прочего описано явление Сергия Радонежского Кузьме Минину – со слов самого народного героя. В августе 1612 года Минин лично сообщил о своих вещих снах и всем, что за ними последовало, архимандриту Троице-Сергиевой лавры Дионисию. Дионисий передал этот рассказ своему келейнику, Симону Азарьину, который и поместил его в своей книге. Вот слова Минина в изложении ученого монаха: «Московское государство и прочие грады большие и меньшие все разорены быша от безбожных, и люди благородные от вельмож и до простых все посечены быша, жены их и дщери пред лицом их опозорены и в плен ведомы быша, и не мочно той беды изглаголати. Яко же слышим, и ныне Москва и прочие грады одержимы от еретиков, одолеша поганые мало не всю землю российскую. Только благодатью Божьей град наш един Богом храним, и пребываем яко безбоязненны; а враги наши поляки и литва, с ними же и русские крестопреступники, яко свирепые волки, зияющие устами своими, хотяще расхитити нас, яко овец, не имеющих пастыря, и град наш разорению предати; мы же о сем ни мало пекущееся и промыслу не чиним». «Но что проку в нашем богатстве? – спрашивал Минин. – Оно только возбуждает зависть у врагов. Они придут и возьмут наш город. И не так ли сделают, как в прочих взятых городах? А нашему городу одному разве устоять? Нет, лучше доверим свою жизнь и богатство Божьей воле и начнем собирать деньги для ратных людей. А может, кто из нас и сам готов за спасение христианской веры голову свою сложить?» А вот как передает призыв

Минина «Новый летописец»: «Будет нам похотети помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожалеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать и бити челом, хто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником».

Многие, слыша эти слова, приходили в умиление. Кто-то мог с руганью отойти прочь. Но все-таки большинство посадских людей вняло страстным речам земского старосты и было готово дать деньги для снаряжения ратных людей. Только вот самих воинов, готовых идти освободить Москву, в наличии не имелось.

Минин приглашает в Нижний Новгород смолян. В наше время иногда ошибочно полагают, что основу Нижегородского ополчения составляли ремесленники и крестьяне. Однако могло ли быть так на самом деле? На данный вопрос следует ответить отрицательно. В начале XVII века ратный труд был делом профессионалов. Уж очень сложно было тогда управляться как с холодным, так и с огнестрельным оружием. Для овладения приемами боя требовались годы упорных занятий. Поэтому прежде всего было необходимо найти опытных в военной службе людей. Но закаленных в боях воинов в Нижнем Новгороде осталось мало. Большая часть нижегородских дворян и стрельцов в составе Первого ополчения ушла под Москву, а вернулись оттуда немногие. Одни сложили головы в боях с поляками, другие, как мы помним, были отправлены в Суздаль и Переяславль-Залесский.

И тут кто-то (может, дьяк Юдин или Иван Биркин – бывший арзамасский воевода) подсказал Минину о том, что совсем рядом, в Арзамасе, пребывают в безысходности и кручине отличные воины – смоленские дворяне. Летом они были отосланы Заруцким и Трубецким из-под Москвы в Арзамас. Там им предстояло получить в поместное владение дворцовые села и деревни из ближайшей округи. Только дворцовые мужики не захотели становиться помещичьими крестьянами и при поддержке арзамасских стрельцов дали бой смоленским дворянам. (Не здесь ли опростоволосился Биркин?) В итоге смоляне осенью 1611 года «в скудости мнозей»

стояли в Выездной слободе (ныне с. Выездное) напротив Арзамаса. Их лагерь располагался на берегу небольшой речки, которую с тех пор прозвали Смолянкой.

Кузьма Минин, посоветовавшись с нижегородскими посадскими людьми, пригласил представителей смолян в Нижний Новгород обсудить вопрос об их участии в походе на Москву. Около Дмитриева дня (26 октября 1611 года) смоляне отправили своих делегатов в Нижний Новгород. Минину не пришлось их долго уговаривать. Они понимали, что дорога в родные места для них лежит через Москву. Вопрос с основой будущего ополчения был решен!

Пожарский соглашается возглавить ополчение. Кто же должен был стать во главе этого войска? Нижегородские воеводы не захотели взять на себя такую ответственность. Да и не подходили они для подобного дела. Князь Звенигородский был стар. Бывший дьяк Алябьев низко стоял по местническому счету: более знатные люди ему бы не захотели подчиняться. Биркин тоже был худороден и к тому же слишком молод. Кто первым высказал мысль пригласить Пожарского, неизвестно. Не исключено, что эта мысль сначала пришла в голову Бутурлину-Гране, который вместе с Пожарским сражался в пылающей Москве 19 марта 1611 года, или Артемию Васильевичу Измайлову, находившемуся с Пожарским, по выражению «Нового летописца», «во единой мысли и совете». Измайлов тогда тоже был во Владимире. Через Василия Юдина Бутурлин-Граня и Измайлов могли передать свои соображения нижегородским властям. Те их одобрили. Ничего лучшего тогда придумать было нельзя. Князь Пожарский имел чин стольника, славу опытного воина и репутацию верного слову человека. Вдобавок Пожарские были давно связаны с Нижним Новгородом и имели здесь дом.

После мартовских боев в Москве Дмитрия Пожарского, всего израненного, отвезли в Троице-Сергиев монастырь. Чуть поправившись, он уехал в свою новую вотчину Нижний Ландех, пожалованную ему Василием Шуйским в 1609 году (ныне это село Пестяковского района Ивановской области). Здесь герой продолжил

лечение в Спасо-Преображенском монастыре на Святом озере (поселок Мугреевский Южского района Ивановской области). Затем князя перевезли в родовое гнездо – село Волосынино «Мугреево тож» (сейчас Мугреево-Никольское Южского района). Сюд к нему и приехали посланцы из Нижнего Новгорода.

Впоследствии Пожарский вспоминал, что «присылали по меня князя Дмитрия многожды из Нижнего». Попробуем восстановить хронологию этих поездок и состав их участников.

Вотчина, где жил князь, согласно «Новому летописцу», располагалась на расстоянии 120 поприщ (следует понимать – верст) от Нижнего Новгорода. Всадник мог преодолеть этот путь за два дня. Добраться из Нижнего до Мугреева можно было по маршруту Балахна – Пестяки – Нижний Ландех. Или же от Горбатова на Гороховец, Ярополч и Холуй. Сам Пожарский потом ехал в Нижний из Мугреева через Ярополч (рядом с современными Вязниками). Скорее всего, тем же путем попадали в Мугреево и нижегородцы.

Первым князя Пожарского около 20–22 октября 1611 года, должно быть, посетил какой-то человек для получения его предварительного согласия на верховенство в будущем ополчении. Можно полагать, что это был Василий Юдин. (Мужику Минину сразу ехать к князю для переговоров было не по чину.)

Дмитрий Михайлович в это время по-прежнему сильно страдал от раны. Сильная боль не давала ему ходить. Поэтому Пожарский вполне мог отговориться нездоровьем от опасного предложения нижегородцев. Ведь оно влекло его в пучину грозящих гибелью приключений, где сложить голову было легче легкого. Как живой перед глазами Пожарского стоял Прокопий Ляпунов. Лихой был человек! Но и он не сумел совладать с казаками. Да и со своими братьями-дворянами управиться нелегко. Дед и отец Дмитрия Михайловича в годы опалы не занимали высоких должностей, а значит, по местническому счету их род упал. Как же добиться послушания воевод в других городах? Но с другой стороны –, вот ведь и возможность поднять свою фамилию! Не Божий ли это Промысел? Пожарский – воин, ему ли лежать на печи, когда поруганы храмы,

а враг в Москве? Да ведь и не отсидишься в родном Мугрееве. Поляки о месте пребывания Пожарского знают, все вотчины отнимут, когда доберутся. Сосед по Нижнему Ландеху пакостник Гришка Орлов служит Сигизмунду и случая округлить свои владения за счет сел Пожарского, конечно, не упустит. Итак, решено. Нужно соглашаться. Но сначала нужно все обговорить с тем, кто возьмет на себя хлопоты по сбору казны. Есть ли такой человек в Нижнем? Насколько он добросовестен, надежен?

Тогда Юдин и назвал, наверное, имя Кузьмы Минина. Пожарский, естественно, захотел с ним повидаться. Их встреча в Мугрееве, вероятно, состоялась на последней неделе октября 1611 года. Два будущих спасителя отечества сразу нашли общий язык и дальше действовали рука об руку.

Затем в конце октября 1611 года в Мугреево прибыли выборные люди от Нижегородского земского совета. Духовенство представлял архимандрит Печерского монастыря Феодосий, нижегородских дворян – Ждан Петров сын Болтин. Были с ними и посадские люди, но без Минина. Он в это время, видимо, решал вопросы, связанные с прибытием из Арзамаса смолян, и должен был находиться в Нижнем.

Архимандрит и явившиеся с ним нижегородцы били челом князю, чтобы он ехал к ним в Нижний Новгород и «помочь бы учинил Московскому государству». Независимое от поляков «Московское государство» тогда олицетворяло правительство Трубецкого и Заруцкого. Следовательно, делегация нижегородского земского совета действовала в полном соответствии с грамотами властей Троице-Сергиева монастыря, звавшими помогать именно «московским боярам и воеводам» (Трубецкому с Заруцким).

Князь согласился и хотел тот же час ехать в Нижний Новгород. Однако тут он, как сообщает «Новый летописец», узнал о «непослушанье к воеводам» со стороны нижегородцев. Скорее всего, речь идет о том, что воеводы не хотели откликаться на троическую грамоту и нижегородцы действовали вопреки им. Может быть, даже сама поездка делегации во главе с Феодосием не была

одобрена воеводами Звенигородским и Алябьевым. Разумеется, воевод игнорировать было нельзя. И мудрый Пожарский взял перо и написал воеводам, оказав им уважение. В послании шла речь о том, чтобы «они выбрали у себя ис посацких людей, кому быть с ним у такого великого дела и казну забирати».

Чрезвычайный сбор должен был обязательно освящать авторитет воеводы. Иначе никто бы и копейки не дал. Но требовался практический организатор дела, который будет в дальнейшем хранить казну.

Об этом у князя Пожарского было уже заранее условлено с Кузьмой Мининым. Предполагалось, что именно тот будет сопровождать Пожарского в походе и займется казной ополчения. Но Феодосий и нижегородские делегаты об этой договоренности не знали. К тому же и в обычае никогда такого не было, чтобы помощником воеводы был посадский человек. Кто согласится бросить дом, семью и ехать в смертельно опасный поход? Обеспокоенные архимандрит и нижегородцы ответили, «что у них такова человека во граде нет». Про Минина они не подумали потому, что тот уже нес службу земского старосты, а кто же будет взваливать на себя еще один тяжкий груз? Однако для Пожарского вопрос с помощником был уже решен. Поэтому он уверенно сказал нижегородцам: «Есть у вас Кузьма Минин; той бывал человек служивый, тому то дело за обычай».

Нижегородцы, услышав княжеское слово о Минине, согласно «Новому летописцу», сильно обрадовались. У представителей верхушки посада, видимо, упала гора с плеч, поскольку быть с Пожарским «у казны» означало забросить свои дела и надолго покинуть город. А может быть, и голову сложить в дальних краях.

Приехав в Нижний, депутация сообщила обо всем услышанном от князя горожанам. Те были довольны и пришли к Кузьме «бити челом». Минин по обычаю стал отказываться, дав землякам возможность хорошенько себя поупрашивать. Наконец он согласился при условии, что нижегородцы дадут письменное обязательство быть ему во всем послушными. Причем в этом приговоре было за-

писано, что для обеспечения ратных людей посадские люди готовы пожертвовать не только свое имущество, но, если потребуется, «жены и дети продавати». Как только приговор был подписан, Минин тотчас отослал его князю Дмитрию, опасаясь, как бы нижегородцы не передумали.

Все это происходило в начале ноября, поскольку в это же время в Нижний пришли челобитчики от смолян, покинувшие, как мы помним, Арзамас в Дмитриев день (около 26 октября). Смолене и новая депутация от нижегородцев были отправлены к Дмитрию Михайловичу Пожарскому просить его, не мешкая, идти в Нижний Новгород.

Получив необходимые заверения от смолян и нижегородцев, князь Пожарский через Холуй, Ярополч и Гороховец около середины ноября прибыл в Нижний Новгород. Нижегородцы его встретили и приняли с великой честью. Дмитрий Михайлович, видимо, прибыл с семьей. Во всяком случае в декабре 1612 года матушка князя находилась в Нижнем.

Формирование народного ополчения в Нижнем Новгороде. По дороге к Дмитрию Михайловичу Пожарскому присоединились дворяне и дети боярские из Дорогубужа и Вязьмы. Они были боевыми соратниками смолян и их же товарищами по несчастью. Из-под Москвы Трубецкой с Заруцким отослали их в Ярополческую волость (современный Вязниковский район Владимирской области), а потом Заруцкий отдал их поместья казакам. Таким образом, дорогубужане и вязьмичи в ноябре 1611 года стали первыми воинами народного ополчения под руководством Минина и Пожарского. Затем (в декабре или январе) подошли коломенские дворяне и рязанцы.

6 января 1612 года в Нижний Новгород прибыли из Арзамаса с семьями и со всем скарбом смоляне – около двух тысяч ратников. Кузьма Минин устроил им торжественную встречу. Нижегородское духовенство и горожане приветствовали доблестных воинов из Смоленска. Лично Минин «много доброприветных к ним словес изрече».

Каждый из смолян по распоряжению Минина получил по 15 рублей. Затем Минин разделил смоленских воинов, согласно их «дворянской чести», на три статьи. Отнесенные к первой статье получили 30 рублей, средней статье – 20 рублей, меньшей статье – 15 рублей. По тем временам это были огромные деньги. На них можно было купить коня, оружие, доспехи, дом и землю. Насколько велики были эти оклады, видно из того, что сам князь Пожарский в 1604 году удостоился всего двадцати рублей денежного жалования.

Основу первоначальной казны ополчения составили пожертвования нижегородцев. Пример подал сам Минин. Как сообщает «Повесть о победах московского государства», он «прежде всех разделив имение свое на три части и взяв две части имения своего, и со мною радостью принесе на собрание казны ратным людям, себе же на потребу едину часть имения своего остави». Потом так же поступили и многие другие горожане. Конечно, кто-то скупился, не хотел отдавать так много. По отношению к ним Кузьма действовал принудительно, на основе ими самими же подписанного земского приговора.

Свою лепту в общее дело внесли своими жертвованиями и некоторые другие города Поволжья, посылавшие «многую казну» в Нижний. Кроме того, по «нижегородскому уставу» (внести в казну ополчения две трети имущества) были обложены жители Балахны и Гороховца. Заметно пополнили казну ополчения займы, сделанные у торговавших в Нижнем именитых купцов из Ярославля, Москвы и других городов. Больше всех дали люди знаменитых солепромышленников Строгановых – четыре тысячи сто шестнадцать рублей.

Эти заимствования были совершены по приговору «всех нижегородцев посадских людей», «выборного человека Кузьмы Минина» и нижегородских воевод В. А. Звенигородского, А. С. Алябьева, И. И. Биркина. Таким образом, мы видим, что воеводы Нижнего Новгорода наконец-то прониклись доверием к Минину и все-таки оказали ему поддержку. Она, конечно, была очень важна. Благодаря позволению воевод в пользу ополчения были направлены все соби-

равшиеся в Нижнем и уезде государственные налоги и пошлины. Кроме того, по приговору нижегородских воевод был произведен чрезвычайный сбор с дворцовых, бортных и мордовских сел и деревень Нижегородского уезда «казанским ратным всяким людям на корм».

За казанскими ратниками по челобитью «Нижнего Новгорода всяких людей» в декабре 1611 года выехал Иван Биркин. Теперь он стал вторым воеводой ополчения, помощником Пожарского. С Биркиным в Казань отправился протопоп Савва Ефимьев, с самого начала поддержавший дело Минина. Довольно быстро (возможно, уже в конце января 1612 года) до Нижнего добрался передовой отряд казанских дворян и татар.

Основные силы должны были прибыть из Казани позднее. Оставалось дожидаться их и сообща выступить в поход на Москву.

Глава 5. Путь народного ополчения от Нижнего Новгорода до Москвы

Отношения Пожарского с руководителями Первого ополчения – Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. Путь ополчения под руководством Минина и Пожарского от Нижнего Новгорода до Ярославля. Пребывание ополчения в Ярославле. Подвиг Баюша Разгильдеева. Пожарский и шведы. Приски Заруцкого. Поход ополчения от Ярославля на Москву.

Отношения Пожарского с руководителями Первого ополчения – Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. Первоначально Пожарский намеревался вести свое войско к Москве через Владимир, где находился Бутурлин-Граня и стояли казачьи отряды Первого ополчения во главе с Андреем Просовецким. Для помощи Первому ополчению, как мы помним, собственно, и затевался в Нижнем Новгороде сбор ратных людей. Однако постепенно отношения между руководителями Первого и Второго ополчений становились все напряженнее. Страх Трубецкого с Заруцким перед гетманом Ходкевичем, который заставил их в сентябре 1611 года слезно молить о присылке подкреплений, прошел. Силы Ходкевича оказались не столь велики. Зато самостоятельность Пожарского начинала Заруцкого и Трубецкого все больше пугать. Тот, по сути, создал в Нижнем Новгороде новый центр власти – Совет всея земли, который не очень-то подчинялся правительству Трубецкого и Заруцкого.

Особенно обеспокоили подмосковных воевод слухи о том, что между Нижним Новгородом, Казанью и Курмышом идет переписка о выборе нового царя. Заруцкий по-прежнему надеялся возвести на трон сына своей любовницы – Марины Мнишек. И уж во всяком случае Заруцкий с Трубецким не желали, чтобы вопрос о новом государе решался без их ведома. От Пожарского они ждали, что он просто приведет войско во Владимир, а дальше будет выполнять их распоряжения. Вместо этого они получили грамоту из Нижнего Новгорода, где было написано: «Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, так же, что и литовского короля».

Под «вором, который стоит под Псковом», имелся в виду Лжедмитрий III, он же Сидорка, он же Матюшка. Этот проходимец в 1611 году провозгласил себя спасшимся (в очередной раз) «царем Дмитрием» и занял Псков. Некоторые казачьи атаманы из Первого ополчения думали провозгласить его царем, чтобы вертеть им и от его имени распорядиться страной. Минин и Пожарский, как и жители поволжских городов, пострадавшие в свое время от Тушинского вора, этого решительно не желали.

Противостояние между Пожарским и руководителями Первого ополчения достигло пика в феврале 1612 года. Поляки в конце января оставили Ростов, вывезя оттуда необходимое продовольствие. Тем самым открылась дорога из Москвы на Ярославль. Заруцкий тут же послал из-под Москвы передовой отряд казаков для захвата этого города, а вслед за ним двинул туда крупные силы Андрея Просовецкого из Владимира.

От богатого Ярославля вели дороги к северным и поморским городам. Кто владел этим городом, тому принадлежали ресурсы слабо затронутого Смутой Севера. Ярославцам, однако, мало улыбалась перспектива прозябать под пятой Заруцкого. Они тут же направили гонцов с тревожным сообщением в Нижний Новгород к Пожарскому. Тот оценил обстановку и понял, что отдавать Ярославль в руки Заруцкого нельзя. К этому времени у князя Пожарского в Нижнем появились новые хорошие помощники, его родственники – братья Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и Роман Петрович Пожарский. Одного из них, своего тезку Лопату-Пожарского, Дмитрий Михайлович с насоро снаряженным отрядом послал на Ярославль. Лопата-Пожарский сумел опередить Просовецкого и явился к Ярославлю раньше его, а там действовал весьма решительно, без разговоров взяв казаков Заруцкого под стражу. Просовецкий подошел позже и штурмовать город не решился. Так Пожарский своей распорядительностью без единого выстрела принес ополчению первый успех. Его, разумеется, нужно было закрепить. И Пожарский стал готовить свои войска к выходу из Нижнего Новгорода.

Путь ополчения под руководством Минина и Пожарского от Нижнего Новгорода до Ярославля. Конечной целью Пожарского и Минина являлось освобождение Москвы. Там их уже со страхом ожидали поляки. Они стали требовать от патриарха Гермогена, по-прежнему томившегося в темнице кремлевского Чудова монастыря, чтобы он написал грамоту нижегородцам, запретив им идти к столице. Только в этом случае он и дальше мог получать еду. Но крепкий духом старик дал захватчикам твердый отказ. Он предпочел голодную смерть. 17 февраля 1612 года патриарх Гермоген ушел из жизни.

В эти же дни в Нижнем Новгороде завершались последние приготовления к выходу ополчения. Окончательно решено было идти к Москве через Ярославль. Это позволяло привлечь новые подкрепления со всего Севера, дожидаясь казанцев, уберечь от поляков продовольственные ресурсы Верхнего Поволжья и не соприкасаться раньше времени с отрядами Трубецкого и Заруцкого.

Согласно Столярову хронографу (сочинение арзамасского дворянина XVII века Баима Болтина), ополченцы пошли в Ярославль «в Великий пост». У православных он начинается после вечерни в Прощеное воскресенье. В 1612 году оно пришлось на 23 февраля. В этот день христиане просят друг у друга прощения за нанесенные ранее обиды. В этот день ополченцы простились с родными и близкими, а в понедельник, 24 февраля, вероятно, покинули Нижний Новгород.

На этом момент в состав войска Минина и Пожарского входили дворяне и дети боярские из Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Рязани, Коломны, Казани, казанские татары и нижегородские стрельцы. По подсчетам историка П. Г. Любомирова, их численность составляла около трех тысяч человек.

Ополчение вышло из Ивановской башни кремля. На ней в честь этого события установлена памятная доска. По льду ополченцы перешли к Стрелке и по правому берегу Волги отправились на Балахну.

В Балахне к Пожарскому и Минину присоединились боярин Матвей Плещеев со «многими дворянами разных городов», а также

балахнинские стрельцы. Сила ополчения увеличилась, но вновь прибывших следовало обеспечить денежным довольствием. Тогда Минин распорядился собрать всех посадских людей Балахны и велел им по «нижегородскому уставу» две части имущества отдать в пользу ратных людей. Многие так и сделали, хотя Балахна уже, видимо, выделяла деньги на ополчение. Некоторые же захотели утаить свое имущество и сделали взнос не по окладу Минина, ссылаясь на свою скудость. Кузьма, видя их пронырство, велел отсесть таким людям руки. Видя, что земляк не шутит, недоимщики сразу принесли всю необходимую сумму. Разумеется, подобных хитрецов было немного. Но этот случай остался в памяти людей как пример требовательности, суровости и честности Минина. Поблажек он не давал никому.

Потом ополченцы пришли в Юрьевец Волжский. Его жители их «прияша с радостью и даша многую казну на подмогу». Эти деньги пошли юртовским (астраханским) татарам, жившим в округе со времен Ивана Грозного и тоже влившимся в состав ополчения.

Следующей остановкой ополчения стало большое село Решма севернее Юрьевца (Ивановская область). Здесь посланец от Артемия Измайлова из Владимира принес тревожную новость о том, что в Псков к Лжедмитрию III приехали делегаты подмосковных казаков и, признали в нем своего спасшегося «калужского государя» (Лжедмитрия II). Дело принимало совсем дурной оборот. Теперь конфликта с Первым ополчением было не избежать. Оставалось спешить в Ярославль.

Путь к нему лежал через Кинешму, Плесо (современный Плес) и Кострому. Дело, однако, осложнялось тем, что костромской воевода Иван Шереметев держал сторону Семибоярщины. В Плесе Минин и Пожарский узнали от перебежчиков из Костромы о замысле Шереметева не пускать ополченцев в город. Пожарский и Минин стали совещаться. Начинать дело с боя со своими не хотелось. Но и Кострому необходимо было брать под контроль. В конце концов Пожарский и Минин решили идти прямо на Кострому. Они стали на посаде около города. Этот шаг оказался совершенно

правильным. Увидев под стенами Костромы войско Минина и Пожарского, костромичи подняли восстание и едва не убили своего воеводу. От расправы его спас только Пожарский. Разумеется, Шереметев был смещен с воеводства. Посоветовавшись с Мининым, Пожарский сделал костромским воеводой примкнувшего к нему князя Романа Гагарина.

В то же время в Кострому пришли посланцы из Суздаля. Они били Пожарскому челом прислать в Суздаль воеводу и ратных людей, «чтобы Просовецкие Суздалью никакой пакости не зделали». Дмитрий Михайлович отправил под Суздаль своего родственника Романа Пожарского с нижегородскими и балахнинскими стрельцами. Увидя их, казаки Просовецкого «побегоша под Москву». Так Суздаль, важнейший стратегический центр на другом пути в Москву, тоже оказался под контролем ополчения.

Костромичи проводили ополчение «с великой радостью и даша им на подмогу многую казну». На эти деньги Кузьма Минин обеспечил костромских дворян и детей боярских, присоединив их к ополчению.

Пребывание ополчения в Ярославле. Около 15 марта 1612 года Минину и Пожарскому с ликованием открыл ворота Ярославль. Жители города встретили руководителей ополчения щедрыми дарами. Однако Минин и Пожарский их не приняли, понимая, что если возьмут подношения, то строго требовать с ярославцев уже не получится.

Пожарский предпочел не располагать ополчение внутри города. Это расслабило бы воинов и стало бы тягостью для горожан. Дмитрий Михайлович приказал раскинуть вне посада, за стенами земляного города, таборы (по казачьему образцу). Ярославцы потом так и называли это место. А улица, долгое время здесь существовавшая, именовалась Таборской. Ныне это район площади Октябрьской (около Октябрьского автомобильного моста через Волгу).

В Ярославле силы ополчения еще более выросли. В апреле пришел царевич Арслан (внук знаменитого хана Кучума) с сибирскими

татарами, казаками и стрельцами. Из Романова (ныне Тутаяв) привел живших там со времен Ивана Грозного татар мурза Барай Кутумов. С воеводой Петром Мансуровым явились вологодцы и галичане. К концу апреля собрались в Ярославле служилые люди из Твери, Кашина, Углича, Торжка, Старицы, Ржевы (Ржев), Волока-Ламского, Зубцова, Можайска, крепости Белой. В составе ополчения были также дети боярские из Луха, Клина, Дмитрова, татары касимовские, темниковские, кадомские, алатырские и шацкие. К Пожарскому на службу стали приезжать казаки, и в июне под его началом было уже 17 станичных атаманов. Воеводы присылали в Ярославль даточных и посошных людей.

В самом Ярославле с 1611 года уже находилась казанская часть Первого ополчения во главе с боярином В. П. Морозовым. Летом 1611 года его ратники привезли под Москву список с Казанской иконы Божией Матери. Он вдохновил их на победу в бою за Новодевичий монастырь. До зимы эта икона находилась под Москвой. Затем ее отправили обратно в Казань. Священник, сопровождавший образ Богородицы, поехал через Ярославль. Там его застал приход ополчения из Нижнего Новгорода. Минин и Пожарский, увидев икону и узнав о связанных с ней событиях, велели оставить этот образ Божьей Матери в своем войске. В Казань же отправили сделанный по их распоряжению новый список с иконы. Казанская икона стал главной святыней ополчения под руководством Минина и Пожарского. Все ратные люди считали ее чудодейственной. Сам Дмитрий Михайлович Пожарский относился к Казанской иконе Богородицы с глубоким душевным трепетом и впоследствии воздвиг во имя ее несколько храмов, в том числе в Москве при входе на Красную площадь.

Помимо казанцев Морозова, а также тех казанских воинов, которые пришли с Пожарским, в Ярославль явилась и казанская рать во главе с Иваном Биркиным (дворяне, стрельцы и служилые татары).

Биркин в декабре 1611 года покинул Пожарского, будучи вторым воеводой ополчения. Но теперь в ополчении были люди гораздо

знатнее и именитее его, взять хотя бы бояр Василия Морозова и Владимира Долгорукого или окольного Семена Головина. Однако Биркин хотел по-прежнему ходить в начальниках и затеял смуту, которая едва не привела к кровопролитию. К счастью, до боя не дошло, но разозленный Иван Биркин покинул Ярославль. Ушла и большая часть приведенных им казанцев.

Потеря горячего и склонного к произволу по отношению к местному населению Биркина была скорее на пользу ополчению. Однако этот досадный случай показал, как легко чьи-то резкие слова или амбиции могут нарушить общее согласие. К счастью, ничего подобного больше не повторилось. В сохранении единства среди начальников ополчения главную роль сыграл Дмитрий Пожарский. Он был тверд, но скромн и справедлив. Нельзя в этой связи не отметить и Кузьму Минина, который, по выражению автора «Иного сказания», «благим добронравием своим, аки солнечного любовного луча светом, военачальников совокупи и всех храбрых воедино собрав».

Впрочем, очень часто Минину приходилось проявлять не только добронравие, но и суровость. Особенно если это касалось сбора необходимых для ополчения средств. В Ярославле их потребовалось очень много, ведь состав ополчения увеличился более чем в три раза, достигнув (без учета казаков и даточных людей) десяти тысяч. Чтобы обеспечить всех этих ратников, Кузьма Минин предложил ярославской земской избе ввести «нижегородский» оклад – две трети имущества посадских людей отдать в казну ополчения. Но Григорий Микитников и другие представители верхушки ярославского посада этому воспротивились. Дело было в том, что у него и еще нескольких именитых ярославских купцов (когда они были в Нижнем) или у их нижегородских приказчиков Минин уже сделал крупный заем для ополчения. Платить еще раз ярославцы считали несправедливым. «Доброумные словеса» Минина на Григория Микитникова впечатления не произвели. Тогда Минин приказал силой забрать все его добро. Только тогда богатые ярославские купцы одумались и принесли две трети своего имущества.

Впрочем, ничего личного в этом столкновении не было, и, заплатив сполна, Микитников вошел в состав Совета всея земли, правительственного учреждения, окончательно оформившегося в ярославский период истории ополчения.

Его состав на 7 апреля 1612 года известен нам из грамоты Дмитрия Пожарского в Соль Вычегодскую. Под ней значатся имена 48 человек. Среди них Минин с Пожарским, боярин В. П. Морозов, Василий Бутурлин-Граня, бывший нижегородский воевода Алексей Львов, наиболее авторитетные дьяки, представители купечества (здесь укажем прежде всего на крупных ярославских предпринимателей Григория Микитникова и Степана Лыткина). Руководители ополчения старались еще больше расширить состав Совета, сделать его более представительным. С этой целью и писалась грамота в Соль Вычегодскую. В ней содержалась просьба «прислати к нам в Ярославль изо всяких чинов человека по два». Подобные грамоты были посланы и в другие места. В итоге состав Совета всея земли пополнился представителями духовенства, городских дворян и детей боярских, служилых людей по прибору, посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян. Таким образом, в Ярославле Совет всея земли стал, по сути, играть роль постоянно действующего Земского собора – учреждения с законосовещательными функциями.

Исполнительная власть находилась в руках приказов. Всего их, по данным Н. В. Рыбалко, было создано девять. Финансово-хозяйственными делами занимались Приказ Большого дворца, Казна, Галицкая четверть (в ней подвизался ближайший соратник Минина и Пожарского дьяк Василий Юдин), Новгородская и Нижегородская четверть (сюда поступали доходы из Нижнего Новгорода). Все должностные назначения проходили через Разрядный приказ. Помимо этого в Ярославле учреждаются Посольский, Поместный, Монастырский приказы, а также Судная изба. Это была хорошо отлаженная система управления. Властям Второго ополчения даже удалось наладить выпуск своей монеты – серебряной копейки. На ней чеканилось имя последнего законного царя – Федора Иоанновича.

Отметим, что свои приказы уже давно существовали в Первом ополчении. Минин и Пожарский создали альтернативный им государственный аппарат. Тем самым они, по сути, отказывали Трубецкому с Заруцким в праве управлять страной.

Открытый разрыв с вождями подмосковного войска Пожарский, Минин и их соратники провозгласили в уже упоминавшейся грамоте в Соль Вычегодскую от 7 апреля 1611 года. Он был вызван присягой Первого ополчения «вору Сидорке», состоявшейся 2 марта 1611 года. Эта акция сильно уронила авторитет Трубецкого и Заруцкого. После нее покинули подмосковную рать и ушли в Ярославль не только многие дворяне и дьяки, но даже часть казаков.

Трубецкой и Заруцкий быстро осознали пагубные последствия этой скоропалительной присяги и пошли на попятную. Они пытались примириться с Мининым и Пожарским, в чем их всячески поддерживали власти Троице-Сергиева монастыря, архимандрит Дионисий и Авраамий Палицын.

6 июня в Ярославль была привезена грамота от Трубецкого с Заруцким. Вожди подмосковной рати сообщали, что выяснили: «во Пскове прямой Вор». В связи с этим они «крест меж себя целовали» ему не служить и «Марины и сына ее на Московское государство не хотети». Чтобы задобрить Пожарского, ему прислали жалованную грамоту на богатое село Воронино близ Костромы. Пожарский, однако, от села отказался и под Москву не спешил. Он предпочитал копить силы в Ярославле, наносить удары по вражеским отрядам, рыскавшим в поисках продовольствия севернее столицы, и постепенно подчинять ближайшие к Ярославлю города. Так под контролем Второго ополчения после нескольких боев местного значения оказались Углич и Переяславль-Залесский.

Подвиг Баюша Разгильдеева. В 1612 году большая часть ратных людей находилась или в Ярославле, или под Москвой. Южные и юго-восточные границы государства оказались оголены. Этим воспользовались крымцы и ногайцы. В XVI веке для защиты русских земель от их набегов была построена Большая засечная черта. Она протянулась на сотни верст – от реки Десны на западе до Волги

на востоке. Ее основу составляли засеки – преграды из подрубленных на высоте человеческого роста деревьев. Их валили в сторону появления предполагаемого противника и поджигали. Огонь обугливал поверхность ствола и сучьев, предохраняя их от гниения. Острые сучья, как пики, грозили пронзить любого, кто рискнул бы лезть через этот завал. Засеки в совокупности с естественными препятствиями (реками, озерами, болотами) и искусственными оборонительными сооружениями в безлесных промежутках (рвами, частоколами, острогами) должны были поставить заслон на пути крымской и ногайской конницы.

Оборонительных линий было несколько. Они следовали друг за другом. В начале XVII века направление на Нижний Новгород сначала защищала засечная черта Темников – Алатырь. Севернее ее стоял густой лес, по северной кромке которого от реки Пузы до Тёши, там, где в нее впадает речка Нацма (по линии современных населенных пунктов Кошелиха – Большой Макателем – Шатки), шла Макателемская засека. Для мирных путешественников в ней были сделаны Пузские ворота.

К ним в июле 1612 года подошла орда ногайцев. Им удалось «высечь» Пузские ворота и прорваться в Арзамасский уезд. Ногайцы сожгли целый ряд русских, мордовских и татарских деревень, увели в рабство тысячи пленников и повернули на восток, чтобы через Алатырский уезд уйти в свои степи. Им наперерез алатырский воевода князь Андрей Хилков бросил отряд алатырских татар, мордвы и всяких «служивых людей» во главе с Баюшем Разгильдеевым. Баюш стал ждать врагов на реке Пьяне у деревне Чукалы (ныне в Мордовии). Бой здесь продолжался два дня. Бойцы Разгильдеева сидели в осаде в Чукалах и на вылазках «многих нагайских людей побили и переранили». Затем Разгильдеев переместил свой отряд на новую линию обороны – в Ардатовский лес. Там у ворот засечной черты состоялся жестокий бой. В его ходе были убиты ногайский мурза и 500 его воинов. Остальные бежали к озерам, и многие там утонули. Сам Баюш в этом бою показал чудеса храбрости, был сшиблен с коня, но продолжал участвовать в сражении. Его бойцы

взяли вражеское знамя. Но, самое главное, были освобождены семь тысяч пленников. За этот подвиг Дмитрий Пожарский даровал Баюшу Разгильдееву княжеский титул.

Пожарский и шведы. Пока ногайцы и крымцы терзали южные окраины страны, на северо-западе бесчинствовали шведы. В их руках был Новгород. Шведский генерал Горн сеял смерть по Новгородской земле. Его войска захватили Орешек, Тихвин, Ладогу. В апреле 1612 года Пожарский узнал о том, что новгородские оккупационные власти обратились на Белоозеро с предложением «быть в соединении» с «Новгородским государством» и признать государем шведского принца.

Отход к Швеции богатой Белозерской области был крайне нежелателен. В то же время воевать на два фронта разом – с поляками и шведами – Пожарский не мог. В этой сложнейшей ситуации Дмитрий Михайлович показал себя искусным дипломатом. Он отказался от прямых переговоров со шведами. Твердость на них была чревата войной, а мягкость – взятием тяжелых обязательств. Поэтому Пожарский предпочел иметь дело с «Новгородским государством», принявшим в качестве правителя десятилетнего шведского принца Карла-Филиппа.

Сначала ярославское посольство съездило в Новгород, затем новгородцы в июне 1612 года посетили Пожарского и Минина. В результате Пожарский добился признания неприкосновенности северных русских земель: договорились «городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить». За это Пожарский обещал, как только Карл-Филипп прибудет в Новгород, снарядить к нему выборных людей для обсуждения вопроса о призвании его на царство (но только в том случае, если принц предварительно примет православие).

Происки Заруцкого. Разумеется, пока шли эти переговоры, Пожарский не мог идти на Москву. Удерживала его и неопределенность отношений с Заруцким. Между тем деятели церкви все время побуждали Дмитрия Михайловича поспешить с началом похода. Почитаемый старец Иринарх, затворник Борисоглебского мона-

стыря близ Ростова, прислал Пожарскому и Минину свое благословение, призывая их идти «под Москву со всею силою, не бояся Ивана Заруцкого». Дважды в Ярославль для того, чтобы поторопить Минина с Пожарским, приезжали от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына монахи Троице-Сергиева монастыря. Наконец 28 июня 1612 года сам Палицын лично отправился в Ярославль. Обстановка там сильно обеспокоила почтенного келаря. В разговоре с Пожарским и Мининым он гневно обрушился на окруживших их «ласкателей и трапезолюбителей», которые уютно устроились в Ярославле и не спешат освобождать Москву, разжигая свару между вождями ярославской и подмосковной рати.

Страстный призыв Авраамия Палицына, конечно, должен был произвести впечатление на Пожарского с Мининым. Идти на Москву позволяло и достижение договоренностей с Новгородом, связавшее руки шведам. Поэтому руководители ополчения отдали приказ готовиться к походу. Тем более что до них дошло известие о приближении к столице гетмана Ходкевича с подкреплениями и обозом продуктов.

Между тем очень скоро произошло событие, которое показало правоту тех, кто предупреждал Пожарского об опасностях, ждущих его под Москвой со стороны коварного Заруцкого. Этот потерявший совесть человек подослал в Ярославль убийц. Когда Дмитрий Михайлович осматривал пушки, которые готовили к походу на Москву, его едва не пырнули ножом в живот. На допросе покушавшиеся во всем признались. Но Пожарский не дал их казнить. Он решил их взять с собой в Москву, чтобы обличить Заруцкого. Трубецкому же написал письмо, раскрывавшее подлое коварство его напарника. Тогда авантюрист Заруцкий решил переметнуться на сторону поляков и завязал сношения с Ходкевичем. Это выплыло наружу. Поляк Хмелевский, служивший в Первом ополчении, разоблачил предателя перед Трубецким. Трубецкой и значительная часть казаков были возмущены изменой Заруцкого. Тот не выдержал посылавшегося на него со всех сторон града обвинений и 28 июля 1612 года бежал в Коломну, где его ждала Марина Мнишек. С ним ушла часть казаков.

Поход ополчения от Ярославля на Москву. Между тем Пожарский, дабы опередить Ходкевича, 17 июля 1612 года велел спешно идти к Москве конному отряду из 400 всадников во главе с Михаилом Дмитриевым и Федором Левашовым. Левашов принадлежал к верхушке арзамасского дворянства, поэтому можно предположить, что в этом отряде были арзамасцы, воевавшие в свое время в Первом ополчении, а потом посланные против Сапеги к Переяславлю-Залесскому.

Согласно приказу Пожарского Дмитриев и Левашов не стали входить в таборы Трубецкого и Заруцкого, а поставили острожек на максимальном удалении от них – у Петровских ворот Белого города. (Они находились там, где сейчас улица Петровка пересекается со Страстным и Петровским бульварами.) В то же время отсюда можно было достаточно быстро переместиться к западным воротам Белого города, куда должен был подойти Ходкевич.

Отряд Дмитриева – Левашова расположился здесь 24 июля 1612 года и, видимо, сразу же послал гонца с сообщением об общей обстановке под Москвой в Ярославль. Оценив доклад, Пожарский отправил в поход уже более крупную рать Дмитрия Лопаты-Пожарского (700 всадников). Они приехали к Москве 2 августа и устроили себе острожек у Тверских ворот (ныне здесь Пушкинская площадь) по соседству со своими товарищами из отряда Дмитриева–Левашова.

Вслед за Лопатой-Пожарским Ярославль 27 июля покинула основная рать. Как сообщает «Новый летописец», «Князь Дмитрий же Михайлович с товарищи и со всей ратью, прося у Бога милости и пев молебны у всемилостивого Спаса и у ярославских чудотворцев и взя благословение у митрополита Ростовского Кирилла и у всех властей, поиде из Ярославля на очищение Московского государства». Под «всемилюстивым Спасом» имеется в виду Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле (в настоящее время – Богоявленская площадь, д. 25). Отсюда начался завершающий участок пути ополчения под руководством Минина и Пожарского до Москвы.

Отойдя от Ярославля на семь верст, войско заночевало. Из этого места Пожарский отправил во все города, лежащие на пути в Москву, сборщиков, которые должны были призвать местных ратных людей на службу в полки. Им надлежало явиться в Ростов. Туда же лежал путь и всего ополчения. На этом отрезке рать по поручению Пожарского вели князь Иван Андреевич Хованский (на то время один из самых опытных русских полководцев) и Кузьма Минин. Сам же Пожарский покинул расположение своего войска и перед тяжелым и грозящим гибелью испытанием поехал в Суздаль поклониться могилам своих родителей. Вернулся он 31 июля 1612 года, когда ополчение уже пришло в Ростов.

Здесь Пожарский и Минин посетили затворника Иринарха. Он их благословил и «дал им свой крест на помощь». В свое время старец призывал их идти на Москву, не боясь козней Заруцкого. При этом передал такие слова: «И где ли будет Иван Заруцкий? И узрите славу Божию». Ныне первая часть пророчества Иринарха исполнилась. В Ростов прибыли представители подмосковного казачества – Кручина Внуков «с товарищи». Они звали Пожарского не мешкая идти под Москву и, вероятно, сообщили о бегстве Заруцкого. Пожарский и Минин пожаловали казаков деньгами и дорогими сукнами, а затем повели свое войско из Ростова через Переяславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю, куда явились 14 августа 1612 года.

Здесь Пожарский и Минин посетили настоятеля монастыря архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. У Кузьмы Минина состоялся обстоятельный разговор с Дионисием. Он рассказал архимандриту о своей жизни и о вешем сне, когда ему явился Сергей Радонежский и повелел собирать казну для спасения Москвы.

Непросто сложилась та часть разговора, которая касалась отношения ополчения Минина и Пожарского с ратью Трубецкого. Дионисий показывал многочисленные грамоты от Трубецкого, в которых тот жаловался, что его казаки «для великия скудости хотят идти прочь», а к осажденным в Москве полякам идет на помощь

Ходкевич с запасами. Поэтому Пожарскому нужно поспешить, чтобы не пропустить Ходкевича. С этой же просьбой в Троицкий монастырь приехала из-под Москвы делегация дворян и казаков. Однако многие в ополчении Минина и Пожарского говорили: «Князя Дмитрия манят под Москву казаки, хотят его убить, как и Прокофья Ляпунова убиша». В ответ на это Палицын утешал Пожарского тем, что даже если тот погибнет, то останется в памяти людей как мученик. Но, чтобы избежать такого несчастья, Палицын готов лично сопровождать ополчение.

Страстные речи Авраамия Палицына укрепили дух Пожарского. Прежняя энергия и распорядительность вернулись к нему. Чтобы стеречь главный западный въезд в Москву, он спешно направил к столице отряд воеводы Василий Ивановича Туренина, повелев ему встать у Чертольских ворот. Это местность перед храмом Христа Спасителя (площадь Пречистенские ворота, станция метро «Кропоткинская»). Здесь к Москве-реке тек ручей Черторый (его направление указывает нынешний Гоголевский бульвар) и шла дорога на Новодевичий монастырь и далее на Можайск, откуда и ждали Ходкевича.

Главные силы Минина и Пожарского покинули Троице-Сергиев монастырь 18 августа. Все люди были в страшном напряжении. Вдруг поднялся сильнейший ветер. Он дул от Москвы им в лицо. Это привело воинов в ужас, поскольку выглядело как дурное предзнаменование. Но архимандрит Дионисий не позволил подняться панике. Он вместе с монашеской братией, взявшей иконы, стоял на горе у Московской дороги и благословлял ратников на подвиг, окропляя их святой водой. После его завершающего напутствия ветер в мгновение ока изменил направление и стал дуть в спины ополченцам, как бы подгоняя их к Москве, так что они едва могли усидеть на лошадях. Настроение войска совершенно преобразилось. Все были охвачены воодушевлением. Попутный ветер не прекращался до самой Москвы, куда ополчение подошло 19 августа 1612 года.

Глава 6. Освобождение Москвы от поляков

Народное ополчение располагается под Москвой. Бой с Ходкевичем у Чертольских ворот (22 августа 1612 года). Битва с Ходкевичем в Замоскворечье (24 августа 1612 года). Объединение войск Пожарского и Трубецкого. Освобождение от поляков Китай-города и Кремля.

Народное ополчение располагается под Москвой. Подведя свое войско к Москве, Пожарский встал на Яузе, не доезжая Петровских ворот. Здесь его уже ждали выступившие из Ярославля ранее отряды его подчиненных – Дмитриева и Левашова.

Дмитрий Михайлович сразу направил разведчиков к Арбатским воротам (пересечение Арбата и Нового Арбата, станция метро «Арбатская»), чтобы выбрать места для разбивки лагеря. Они были найдены. Однако тут прибыли посланцы от Трубецкого, позвавшие ополченцев в свои таборы. Но Пожарский не захотел туда ехать. Ночь его ратники провели у Яузы, а утром двинулись к Арбатским воротам. На пути их встретил сам Трубецкой. Он вновь пригласил Пожарского к себе. Дмитрий Михайлович опять отказался. Переезд привел бы к его подчинению Трубецкому (тот был боярином, а Пожарский – всего лишь стольником). Могли пойти ссоры ратников-дворян с казаками. Да и с военной точки зрения принимать предложение Трубецкого было нецелесообразно. Его таборы находились на юго-востоке Москвы – у Яузских ворот Белого города, близ Никитской церкви (Гончарная улица, д. 6; станция метро «Таганская»). А Ходкевич приближался с запада.

Трубецкой воспринял нежелание Пожарского приехать к нему в острог как личное оскорбление. Точно так же и казаки увидели в этом проявление обидного недоверия и начали «нелюбовь держати» на Пожарского, Минина и их ратных людей. Однако Пожарский, не обращая внимания на это, тщательно готовился к предстоящему сражению.

Он расположил свой табор на протяжении от Никитских ворот (площадь Никитские ворота на пересечении Большой Никитской улицы и Никитского бульвара) до Алексеевской башни Белого

города у Москвы-реки. Затем Пожарский отнял у поляков весь Белый город. Под контролем захватчикам остались лишь Китай-город и Кремль. На случай вылазки врагов оттуда Дмитрий Михайлович приказал хорошо укрепить подходы к Алексеевской башне и Чертольским воротам с кремлевской стороны. С наружной стороны Белого города воины Пожарского спешно срубили острог и окопали его рвом.

Бой с Ходкевичем у Чертольских ворот (22 августа 1612 года).

21 августа разведка донесла Дмитрию Михайловичу, что гетман Ходкевич миновал Вяземы (населенные пункты Большие и Малые Вяземы находятся примерно в 40 км от Москвы в сторону Можайска). К вечеру этого дня Ходкевич уже рассматривал Москву с Поклонной горы (в настоящее время – станция метро «Парк Победы»). С ним было 12 тысяч войска.

От Поклонной горы гетман мог пробиваться к Кремлю несколькими путями. Можно было идти к Арбатским или Чертольским воротам Белого города, защищаемым Пожарским. Тогда пришлось бы форсировать Москву-реку – соответственно либо в районе нынешней Смоленской улицы или у Новодевичьего монастыря. Имелся и другой вариант: двигаться через Замоскворечье – Калужской или Тульской (ныне Ленинский проспект и Большая Ордынка) дорогами. Это направление прикрывал Трубецкой, ставший у Донского монастыря (Донская площадь, станция метро «Шаболовская»). На случай, если враг пойдет здесь, Пожарский направил к Трубецкому пять своих лучших конных сотен.

Ходкевич выбрал путь через Чертольские ворота. Утром 22 августа он перешел Москву-реку под Новодевичьим монастырем. По линии современной Большой Пироговской улицы поляки подошли к Чертольским воротам. Пожарский вывел навстречу врагу конных воинов. Русская пехота разместилась сзади – у своих лагерей по рвам.

Сражение началось с того, что литовские конные роты стали теснить русскую конницу. Верховым обороняться было неудобно. Пожарский приказал своим сойти с коней и биться пешими. Тут

в дело вступила польская пехота. Одновременно в тыл русским ударил польский гарнизон из Кремля. Недаром, однако, Пожарский хорошо укрепил подступы к Алексеевской башне и Чертольским воротам. Поляки здесь были побиты и бежали в Кремль, потеряв знамена. Но Ходкевич продолжал атаковать.

Трубецкой в это время отвел свою рать от Донского монастыря к Крымскому броду. Перейдя по нему на другую сторону Москвы-реки, он мог бы ударить в спину полякам. Вместо этого Трубецкой безучастно наблюдал за сечей, развернувшейся у Чертольских ворот. А его казаки, с завистью намекая на добротность снаряжения ополченцев (Минин постарался!), кричали: «Богати пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана».

Между тем Чертольских ворот дело дошло до кровавой рукопашной. Поляки напирали все сильнее. Тогда Кузьма Минин бросился к берегу Москвы-реки и стал громко звать к воинам Трубецкого, находившимся на другой стороне: «Вы, праздно стоящие, какую честь себе получите, какую славу обретете, единоверцам помочь не желая и Божьему делу послужить, а вражде-злобе служа?...» «Ныне от единоверных отлучаетесь, а впредь к кому прибегнете за защитой и от кого помощи будет ждать?» – вопрошал Кузьма. Его речь автор «Повести о победах московского государства» сравнил со свечой, зажженной в беспросветной тьме. Конники Пожарского, находившиеся в стане Трубецкого, услышав призыв Минина, явились к Трубецкому и попросили его отпустить их на помощь своим. Тот отказался. Но они пренебрегли его словами, оседлали коней и по Крымскому броду перешли через Москву-реку, ударив в тыл врагу.

Следом к Трубецкому явились возмущенные происходящим казачьи атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Макар Козлов. Они заявили своему предводителю: «Ваша с Пожарским нелюбовь становится губительной для Московского государства и его ратных людей». Вопреки приказу Трубецкого они пришли на помощь Пожарскому. Вмешательство казаков внесло перелом в ход сражения. Ходкевич чуть не оказался в мешке.

Он велел трубить отступление и спешно убрался за Москву-реку, вновь вернувшись к Поклонной горе.

Бой 22 августа убедил Ходкевича в крепости духа ополченцев Минина и Пожарского. Он понял, что не сможет пробиться через занятый ими Белый город к Кремлю. Поэтому гетман решил идти к цели со стороны Замоскворечья. Основные свои силы он передвинул от Поклонной горы к Донскому монастырю. Кроме того, в ночь с 22 на 23 августа от Ходкевича как-то (видимо, через Замоскворечье) пробрался в занятый поляками центр города отряд в 600 гайдуков (пехотинцев). Его провел Григорий Орлов, личный враг Пожарского и его сосед по Нижнему Ландеху, зарившийся на вотчину полководца. Утром эти гайдуки из Кремля неожиданно напали на острог войск Трубецкого, стоявший у Георгиевской церкви в Ендове (ныне Садовническая улица, 6; станция метро «Новокузнецкая») и стороживший переправу через Москву-реку со стороны Большой Ордынки. Получив контроль над этим необходимым ему для ввоза продовольствия в Москву пунктом, Ходкевич утром 24 августа 1612 года начал наступление.

Битва с Ходкевичем в Замоскворечье (24 августа 1612 года).

В отличие от Трубецкого Пожарский не покинул своего соратника-соперника один на один с врагом. Стан Дмитрия Михайловича находился у храма Ильи Пророка Обыденного (2-й Обыденский переулок, 6), недалеко от Чертольских ворот. Но сам полководец вместе с большей частью ополчения переправился по Крымскому броду в Замоскворечье, взяв на себя защиту Калужской дороги. Стрельцы Пожарского встали по рву сгоревшего в марте 1611 года деревянного Замоскворецкого города по линии нынешних улиц Крымский вал и Житной. Дворянская конница вместе с татарами находилась в поле перед ними.

Трубецкой отвечал за Тульскую дорогу (улицы Люсиновская и Большая Ордынка). Его стан находился рядом с ней в Лужниках (в настоящее время – Вишняковский, бывший Лужниковский переулок). Далее к северу эту дорогу перегораживал острожек у церкви священномученика Климента, Папы Римского (ныне ул. Пятниц-

кая, 26/7; станция метро «Третьяковская»). Его защищали пешие казаки Трубецкого. Большая же часть казачьей пехоты стояла по рву Замоскворецкого города (улицы Житная и Валовая). Дворянско-казачья конница Трубецкого гарцевала в поле.

Ни доверия, ни должного взаимодействия между двумя частями русского войска не было. Это позволяло Ходкевичу удачно маневрировать и бить русских по частям. Практически всю свою кавалерию польский полководец обрушил на Пожарского. А по Тульской дороге пустил обоз с небольшим прикрытием.

Лучшие силы Ходкевича долго бились с дворянской конницей Пожарского и никак не могли ее одолеть. Другая часть гетманского войска, идя подле обоза, гнала конные отряды Трубецкого. Они быстро показали врагу спины и обратились в бегство. Вслед за ними и казачья пехота покинула ров и побежала по Большой Ордынке. Трубецкой оставил поле боя. Его войска разрозненными частями стали отходить в свои таборы за Москвой-рекой у Никитской церкви (ныне Гончарная улица, д. 6; станция метро «Таганская»).

Пожарский все это время продолжал сдерживать наседавших поляков. Только после нескольких часов ожесточенного боя враги смяли войско Дмитрия Михайловича, сбили его с Калужской дороги и втоптали в Москву-реку, заставив уйти из Замоскворечья. Лишь Пожарский с одним полком устоял на замоскворецкой стороне. Но остановить Ходкевича он уже не мог. Поляки ушли к Калужским воротам Замоскворецкого города.

Защищавшие их стрельцы Пожарского не поддались панике и мужественно защищали свой рубеж обороны. Умело, используя две свои пушки, они долго сдерживали польскую пехоту у рва Замоскворецкого города. Ходкевичу пришлось спешить половину своей кавалерии и тоже бросить ее на стрельцов. Только так полякам удалось преодолеть ров. При этом многие стрельцы пали смертью храбрых.

Теперь Ходкевич счел на этом направлении свою задачу выполненной. Он оставил роту пехоты и конницы у Крымского брода, чтобы основные силы Пожарского опять не вернулись в Замоскворечье, а остальные войска отправил к обозу на Большую Ордынку.

Это дало возможность Пожарскому тоже перейти ров и оказаться поближе к своим. Однако сил у него, для того чтобы помешать продвижению Ходкевича к Кремлю, было слишком мало.

Путь для польского обоза по Большой Ордынке был свободен. В ходе беспорядочного отступления казаки Трубецкого бросили последний оборонительный рубеж на нем – острожек у церкви Климента, Папы Римского. Его тут же захватили поляки, вышедшие из Кремля.

Обоз Ходкевича двинулся по Большой Ордынке и остановился у храма Великомученицы Екатерины на Всполье (Большая Ордынка, д. 60/2). Не мешкая, поляки начали завозить оттуда продукты в острожек у церкви священномученика Климента и, радуясь победе, водрузили свои знамена на этот храм.

Возмущенные казаки, только что убежавшие из острожка, вернулись и сорвали вражеские знамена с церкви. Поляки, уstraшенные казачьим натиском, побежали кто куда: одни в Кремль, другие к обозу Ходкевича. Но никто не помог этой кучке доблестных русских воинов в преследовании врага. Другие ратники Трубецкого просто наблюдали за ними со стороны, не оказывая никакой помощи. Тогда раздосадованные казаки потянулись вслед за своими товарищами в таборы за Москвой-рекой. Венгерская пехота тут же вновь заняла острожек у Климентьевской церкви.

Пожарский и Минин, только что подошедшие к месту событий, были в недоумении. Они не понимали, что происходит. Обоз Ходкевича двигался к Кремлю, а войско Трубецкого, не препятствуя ему, уходило в свои таборы. Требовалось срочно вернуть казаков. Но кого они послушают? Подумав, Минин и Пожарский, послали князя Лопату-Пожарского за Авраамием Палицыным, который в это время творил молитву в храме Ильи Пророка Обыденного недалеко от Чертольских ворот. Вожди ополчения попросили старца вразумить казаков. Тот немедленно направился к острожку у Климентьевской церкви и укрепил дух еще оставшейся около него небольшой группы казаков. Воодушевленные словом пастыря, они заявили, что, не победив врага, не уйдут отсюда, но их слишком мало – пусть старец едет к прочим казакам и уприсит их прийти на помощь.

Авраамий направился в сторону казачьего табора у Никитского храма. Через какое-то время он увидел множество казаков, идущих в свои станы и готовящихся перейти через Москву-реку. Келарю удалось их остановить и направить на врага с именем Сергия Радонежского на устах.

Вдохновленные Палицыным казаки пошли на штурм острожка у Климентьевской церкви. Одновременно с ними ринулся в атаку полк Пожарского. Русским воинам всячески помогали местные жители, причем не только взрослые мужчины, но и дети с женщинами. Они притащили солому, сено, хворост и зажгли огонь, буквально выкуривая врагов. Пожарский лично повел в бой своих воинов и в ходе жаркой схватки был ранен в руку.

После ожесточенного боя острожек удалось отбить, опять закрыв Ходкевичу путь по Большой Ордынке к Кремлю. При этом одной венгерской пехоты было убито 700 человек. После этого часть русских засела в острожке, а другие залегли в придорожных ямах и кустах крапивы вдоль Ордынки.

Наступил вечер. Пожарский вернулся в свой стан у Чертольских ворот. Он решил закончить на сегодня военные действия. Сильно болела раненая рука. Голова кружилась от потери крови. Дмитрий Михайлович видел, что и остальные воины измотаны многочасовым боем и еле стоят на ногах. Неугомонный Минин, однако, думал, что нужно закрепить успех, и пришел с этим предложением к своему соратнику.

Князь удивленно вскинул брови. Дмитрий Михайлович успел полюбить за этот многотрудный год Минина. Они жили душа в душу, даром что князь и мужик. Пожарский уважал мнение Минина и всегда советовался с ним по всем важным вопросам – даже о назначении воевод. Но непосредственное управление войсками, естественно, находилось в исключительном заведовании Пожарского. «Я никуда не пойду, Кузьма! – в сердцах вскричал князь. – Хочешь, сам веди рать». Сказал в насмешку. Ну какой из сухорукого торговца мясом полководец? А тот принял предложение за чистую монету. Сказал: «Дай тогда мне людей!» – «Бери кого

хочешь», – уже не на шутку осерчал князь. – «Добро!» – ответил Минин. Он не сомневался, что с ним пойдут и в огонь, и в воду. Каждый боец у него катался как сыр в масле. Ратники души не чаяли в Минине. Тут же с Кузьмой вызвались идти три дворянские сотни. Но кто будет отдавать им приказы? Сам Минин несведущ в военном деле. Русские воеводы, пожалуй, не захотят воевать под начальством мужика. Взгляд Кузьмы упал на ротмистра Хмелевского. Этот поляк раньше служил у Трубецкого. Недавно он раскрыл измену Заруцкого и, опасаясь мести его тайных сторонников, перешел в лагерь Минина и Пожарского. Его и взял с собой Минин. Сам Кузьма тоже нацепил саблю и залез на коня.

В сумерках перешли Москву-реку у Крымского двора. Там стояла литовская рота из конных и пеших воинов. Минин направил свой отряд прямо на нее. Враги увидели мчащихся из вечерней мглы русских конников и, не вступая в бой, обратились в бегство. Они устремились к таборам Ходкевича у Екатерининской церкви на Ордынке. Там началась паника. Русская пехота, лежавшая в ямах и крапиве вдоль Ордынки, тишком пошла к таборам и усилила смятение в польском лагере. Тут с другой стороны подоспел новый большой казачий отряд. Это были те казаки, которые прохладжались в своих станах за Москвой-рекой у Никитской церкви за выпивкой и азартными играми. Палицын ближе к вечеру добрался и до них. Он произнес горячую проповедь и посулил казакам в качестве награды сокровища Троице-Сергиева монастыря. Казаки вышли из своих станов и, как и научил их Авраамий, с криком «Сергиев!» поскакали к обозу Ходкевича у Екатерининской церкви.

Разгром поляков был полный. Враги бросили обоз и побежали. Понесся огромный потери, Ходкевич отошел на Воробьевы горы, а 28 августа увел остатки своей армии в Литву.

Объединение войск Пожарского и Трубецкого. После разгрома Ходкевича польский гарнизон мог надеяться либо на подход из Польши новых подкреплений, либо на рознь между русскими. И если сбор нового войска для похода на Москву для короля Сигизмунда сопровождался разными трудностями

и шел медленно, то противостояние между Пожарским и Трубецким и их ратниками не только сохранилось, но и обострилось. В начале сентября оно чуть не перешло в открытую вражду. К этому привел приезд 5 сентября под Москву Ивана Шереметева, бывшего костромского воеводы. В свое время он не хотел впускать войско Пожарского и Минина в Кострому. За это Пожарский лишил Шереметева воеводства, но наказывать не стал и даже спас его от гнева разъяренной толпы. И вот как Шереметев отплатил за доброту Дмитрия Михайловича: начал подстрекать казаков к убийству Пожарского и нападению на его ратных людей с целью грабежа. Казаки и так косо смотрели на хорошо одетых дворян-ополченцев, разъезжавших на добрых конях, и эти призывы едва не привели к великому злу.

Понимая, что при затяжной осаде Кремля подобного рода случаи будут повторяться все чаще, Пожарский решился один разгромить поляков. Сначала он предложил им сдаться, обещая беспрепятственно отпустить их домой живыми и невредимыми. Но поляки 11 сентября прислали письмо с заносчивым и гордым отказом. Тогда 13 сентября Пожарский отправил своих воинов на приступ. Но он был отбит.

Эта неудача показала – одолеть врага русские могут только сообща. Найти общий язык Пожарскому и Трубецкому помогли власти Троице-Сергиева монастыря. Они прислали двум князьям общее письмо, в котором умоляли их: смирите гордыню и «сотворите любовь над всею Российской землею». У Дмитрия Михайловича хватило мудрости откликнуться на призыв старцев-монахов. Ради общего блага он признал первенство Трубецкого как более знатного человека.

Но когда дело дошло до практической реализации соглашения, вновь начались трудности. Князь Трубецкой хотел, чтобы Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин приезжали для совета в его таборы. Те опасались туда являться: печальная судьба Ляпунова всем была памятна. Тогда собрали совет всей рати и путем взаимных уступок в конце сентября 1612 года приняли устроившее всех решение. Правительственные учреждения решено было разместить не у Трубецкого

и не у Пожарского, а на границе занятых двумя ополчениями территорий – на реке Неглинной. Для свободного выхода этой реки из Белого города в его стене было проделано круглое отверстие, прозванное в народе «Трубой». Здесь, «на Трубе» (Трубная площадь, станция метро «Трубная»), и разместилось объединенное правительство. О его создании были оповещены грамотами все русские города. В них сообщалось: «Мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарской, по челобитью и по приговору всех чинов людей, стали во единичестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузме Минину Московского государства доступать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякия хитрости, и розряд и всякие приказы поставили на Неглимне, на Трубе... и всякие дела делаем заодно».

Как пример общих свершений двух ополчений в грамотах на первом месте называлась насыпка трех туров (земляных башен для прикрытия артиллерии). Один был возведен Пожарским у Пушечного двора (в районе современной Лубянской площади и Пушечной улицы), другой – напротив Китай-города у Георгиевского Девичья монастыря (Георгиевский переулок). Третий поставил Трубецкой перед Варварскими воротами Китай-города у храма Всех Святых на Кулишках (ныне Славянская площадь). Из-за туров по врагу начали беспрестанно бить пушки.

Но самым грандиозным общим делом двух ополчений стало строительство новой линии укреплений на случай ожидавшегося прихода польской армии. Как сообщает «Новый летописец», Трубецкой, Пожарский и Минин «повелеша всей рати от Москвы-реки до Москвы ж реки плести плетни и насыпати землею». «И выкопаша ров велик, и сами воеводы стояху по переменам денно и ночью». Основой описанного сооружения были жерди, скрепленные вязками, сплетенными из веток. Эта конструкция засыпалась землей и была весьма устойчива к огню вражеской артиллерии, поскольку ядра вязли в ее земляной сердцевине. Но главным ее преимуществом являлась скорость постройки.

Где располагалась эта линия укреплений? Если она проходила «от Москвы-реки до Москвы ж», то самым подходящим для

нее местом было пространство между Андреевским, Донским и Свято-Даниловым монастырями, совпадающее с направлением будущих Серпуховского и Даниловского валов. Тогда эта земляная стена надежно прикрывала все подходы к Кремлю со стороны Замоскворечья.

Возведение указанного сооружения сделало положение осажденных безнадежным. Им неоткуда было больше брать еды. Голод среди них принял ужасающие формы. Но поляки были настолько горды, что предпочитали есть собак и кошек и даже питаться человечиною, но не сдаваться. Иной пожирал землю под собою, грыз свои руки, ноги или кирпич. Но и их упорство имело свой предел.

Освобождение от поляков Китай-города и Кремля. Настало 22 октября 1612 года. В этот день поляки согласились начать переговоры о сдаче. Узнав об этом, казаки Трубецкого самовольно пошли на приступ Китай-города. Атака началась от тура у церкви Всех Святых на Кулишках. Казаки притащили лестницы и по ним взобрались на стену Китай-города. Когда об этом доложили Пожарскому, он отправил на штурм и своих воинов. Объединенными усилиями Китай-город был освобожден от врага.

Ополченцев вдохновляла на бой находившаяся в их стане Казанская икона Божией Матери. Праздник в честь нее отмечали 8 июля. В этот день она была обретаена в Казани в 1579 году на месте сгоревшего двора стрелецкого сотника Онучина благодаря видению его дочери Матроны. После изгнания поляков празднование в честь Казанской иконы было установлено еще и 22 октября – в память об освобождении Москвы от поляков. По новому стилю этот праздник отмечается 4 ноября. Он совпадает с Днем народного единства.

После того как поляки 22 октября потеряли Китай-город, им ничего не оставалось, как продолжить переговоры о сдаче. 26 октября 1612 года (в Дмитриев день) они подписали договор о капитуляции и выпустили членов Семибоярщины. Пожарский принял их «с честью», защитив от казаков. Эти бояре не подверглись никакому наказанию или гонениям. Такова была установка Пожарского и Минина на единство и примирение. Впоследствии бояре, сидевшие в Кремле

с поляками, вошли в состав Боярской думы и продолжили участвовать в управлении страной.

27 октября 1612 года из Кремля вышли уже сами поляки, а русские вступили в стены того места, которое являлось сердцем их столицы. Грустное зрелище предстало перед глазами вошедших. Находившиеся в Кремле храмы были осквернены служившими в польском войске лютеранами: иконы разрублены, очи у изображений святых угодников выколоты. Сердца многих ополченцев наполнились гневом и жадной мести. Казаки после этого перебили пленных поляков, приведенных в лагерь Трубецкого. А вот полякам, сдавшимся Пожарскому, повезло. Пожарский и Минин не допустили самосуда над врагами, оказавшимися в их лагере. Польских пленников отослали в разные города, в том числе и в Нижний Новгород. Здесь ненавистных ляхов тоже сначала хотели убить. Но за них вступилась жившая в городе мать Дмитрия Михайловича Пожарского.

В воскресенье 1 ноября 1612 года в Москве состоялся торжественный крестный ход. По воспоминаниям Авраамия Палицына, войско Трубецкого собралось у церкви Казанской иконы Божией Матери за Покровскими воротами. Ополчение Пожарского сошлось у церкви Иоанна Милостивого на Арбате. С иконами и крестами оба шествия вошли каждое через свои ворота в Китай-город и встретились на Лобном месте. Архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий отслужил там молебен. После этого из Кремля сюда же была торжественно вынесена Владимирская икона Божией Матери – главная святыня Московской Руси. Ее появление было встречено слезами умиления. Затем все пошли в Кремль. Там в Успенском соборе была проведена торжественная служба.

Но радоваться было еще рано. К городу подошли король Сигизмунд и Ходкевич. Они расположились в Тушине. Однако, узнав от пленных, что Москва защищена новой линией укреплений, а русские едины в стремлении дать отпор врагу, польский король не решился на штурм города и повернул обратно. Так народное единство спасло страну от нового порабощения.

Глава 7. Окончание Смуты и иностранной интервенции (1613–1618)

Избрание на царство Михаила Романова. Борьба с Заруцким. Пожарский против Лисовского. Кузьма Минин и Еналеевское восстание. Победа над интервентами.

Избрание на царство Михаила Романова. Народное единство, позволившее одолеть поляков и освободить Москву, все еще было хрупким. Каждый миг его могла сломать распря между казаками и дворянами. Следовало как можно быстрее создать признаваемую всеми власть. Сделать это было непросто. Многие бояре хотели пригласить на трон шведского принца Карла-Филиппа. Но казаки и слышать о нем не желали. Им нужен был кандидат, как-то связанный с ними. Таковым являлся, например, юный сын томившегося в польском плену Филарета (Федора Никитича Романова) Михаил, поскольку его отцу пришлось побывать в Тушинском лагере. Кое-кто из казаков опять вспомнил сына Марины Мнишек Ивашку.

Чтобы не допустить новых раздоров, Пожарский и Трубецкой начали спешно готовить созыв Земского собора для всенародного избрания нового царя. Сначала его назначили на Николин день (6 декабря). В разные города полетели грамоты о вызове «изо всяких чинов людей» для решения «государственных и земских дел». По ходу дела выяснилось, что те к назначенному сроку не успевают в Москву. Поэтому начало Земского собора сдвинули на месяц – на Крещение (6 января 1613 года).

Заседания собора продолжались более месяца и проходили в жарких спорах. Немало имелось сторонников у Карла-Филиппа. Поскольку шведы являлись врагами поляков, его избрание давало надежную помощь в борьбе с Речью Посполитой. Но и противников у этой кандидатуры было очень много. В конце концов Собору удалось достичь первого согласованного решения и отвергнуть всех иноземных претендентов – польского и шведского королей и их детей («за их многие неправды»). Единодушно постановили «не хотеть» и «Маринкиного сына». Дальше обсудили вопрос

о татарских царевичах, «которые служат в Московском государстве». Но и кандидатура кого-то из них не получила осязаемой поддержки.

Согласия достигли на следующем: выбрать государя «из московских родов». А дальше опять начались споры. Родов-то было много. Назывался целый ряд имен: Ф. И. Мстиславский (старейший из бояр), И. М. Воротынский (знатный боярин и крупный полководец), Д. Т. Трубецкой, Д. М. Пожарский, Ф. И. Шереметев (прославившийся в борьбе с Тушинским вором), П. И. Пронский. Больше всех говорили про людей из круга бояр Романовых: юного Михаила Федоровича, его дядю Ивана Никитича, князя И. Б. Черкасского.

Сильнее прочих рвался в цари князь Трубецкой. Он закатывал роскошные пиры, чтобы привлечь как можно больше сторонников. Впрочем, угощавшиеся за его столом казаки потихоньку над ним подсмеивались. Пожарский, напротив, не стремился к короне. Он мог быть прекрасным руководителем, однако власть воспринимал не как сладость, а как обузу и тяжкий крест. За ним стояли Минин и торгово-промышленная верхушка городов, прежде всего гости. Но казаки относились к нему настороженно. А для бояр подчиниться человеку много ниже их по местническому счету было бы нестерпимо.

Единственным кандидатом, который мог примирить и казаков, и бояр, был Михаил Романов. Его и сделали царем. Это произошло 21 февраля 1613 года. Под утвержденной грамотой Земского собора об избрании на царство Михаила Федоровича Романова-Юрьева было поставлено 235 подписей. Среди прочих подписались архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Феодосий, протопоп Нижегородского Спасо-Преображенского собора Савва Евфимьев, игумен Арзамасского Спасского монастыря Иов (вместо арзамасских посадских людей), Мисюрь Соловцов (от нижегородских дворян), Самышка Богомолов (от нижегородских посадских людей), Якунька Ульянов (от нижегородских стрельцов), арзамасские выборные дворяне князь Иван Путятин, Федор Дементьев, Иван Нармацкой, Федор Чемесов.

Имеется под этой грамотой и подпись Дмитрия Михайловича Пожарского, хотя известно, что он долго не хотел одобрить выбор Михаила Романова. Есть основания полагать, что единомышленником Пожарского в этом вопросе был и Кузьма Минин. Хотя бы потому, что имя «выборного человека всея земли» не стоит под утвержденной грамотой. Впрочем, к чести Михаила Романова следует сказать, что он не стал преследовать Пожарского и Минина за то, что они противились его воцарению. Наоборот, оба героя были щедро вознаграждены за свои подвиги.

Дмитрий Михайлович удостоился чести вручить державу (символ власти) новому государю во время его венчания на царство (корону держал дядя царя И. Н. Романов, а скипетр – Трубецкой). Из стольников Пожарский был произведен сразу в бояре. Неоднократно ему поручалось возглавлять важнейшие приказы. Отметим также, что Дмитрий Михайлович был дружкой на обеих свадьбах Михаила Федоровича (1624 и 1626) и вообще являлся одним из самых доверенных его людей. Новый царь подтвердил земельные пожалования, данные Пожарскому при Шуйском, и даровал герою новые вотчины. В результате в собственности освободителя Москвы оказалась большая часть современных Южского и Пестяковского районов Ивановской области, а также Пурецкая волость Балахнинского уезда с селом Пурех, оно же Вершилово погост (ныне с. Вершилово Чкаловского района Нижегородской области).

По достоинству были оценены и заслуги Кузьмы Минина. Нижегородский торговец мясом получил чин думного дворянина. Это был уникальный случай. Обычно верхом карьеры купца было звание гостя. Царь же ввел простолоудина из Нижнего Новгорода на самый верх системы управления. Кроме того, Кузьме Миничу (теперь, как и прочие знатные люди, он получил право писать отчетство с «вичем») были даны в качестве вотчин села Богородское (ныне г. Богородск) и Ворсма.

Борьба с Заруцким. С избранием на царство Михаила Романова Смута закончилась далеко не сразу. Больше года еще будоражил окраины страны Иван Заруцкий. В июле 1612 года он бежал

из-под Москвы в Коломну и ограбил ее. Затем пытался закрепиться в Переяславле-Рязанском, правда, безуспешно. Не смог Заруцкий поднять и Мещерский край. Это было следствием умелой политики Трубецкого и Пожарского, которые щедро раздавали поместья темниковским, кадомским и арзамасским татарам с целью защиты юго-восточных уездов страны от ногайских набегов. Указанные жалования были подтверждены Михаилом Федоровичем. При этом новый царь продолжил наделять служилых татар землями. В результате появился ряд существующих доныне татарских селений Нижегородской области: Ишеево (1613), Базлово, Уразовка (1614), Анда (1621).

Михаил Романов оказывал татарам и другим знаки внимания. Одной из первых милостей нового царя стало дарование княжеского титула темниковскому мурзе Брюшею Кобякову сыну Еникееву. В свое время он принес много хлопот Василию Шуйскому, воюя на стороне Лжедмитрия II. Теперь же Еникеев стал надежной опорой центральной власти и отверг предложение прибывших в Темников посланцев Заруцкого присягнуть «царевичу Ивану» (сыну Лжедмитрия II).

Возлюбленному Марины Мнишек удалось овладеть лишь небольшими городками рязанского пограничья (Епифань, Михайлов, Пронск, Рязск). Тем не менее он больше года держал в страхе весь юг России. Заруцкого подстрекали к продолжению Смуты поляки, прельщавшие лихого казака обещанием дать ему в вотчину Новгород и Псков. Война России с Польшей в это время продолжалась. Русские хотели вернуть Смоленск, а поляки были заинтересованы в отвлечении от него русских войск. В этой связи действия Заруцкого представляли очень серьезную угрозу для государства. Для обсуждения способов усмирения этого казачьего атамана даже созывались земские соборы.

На борьбу с Заруцким правительству Михаила Романова пришлось мобилизовать крупные силы во главе с князем Иваном Одоевским. Его войско состояло из дворян и детей боярских Рязани, Тулы, Владимира, Суздаля, Муром, Нижнего Новгорода, Арзамаса

и других городов. В июле 1613 года отряды Одоевского нанесли поражение мятежникам под Воронежем, после чего знаменитый казачий предводитель с Мариной Мнишек ушел в Астрахань.

Там Заруцкий продолжал сеять зло и смуту. Он убил воеводу Хворостинина и многих горожан, сулил персидскому шаху Аббасу I Астрахань в обмен на помощь против России, а ногайского князя Иштерека звал в набег на русские земли. Сам же грозился весной 1614 года двинуться на Самару и Казань. Царское правительство не стало этого дожидаться и начало загодя готовиться к военным действиям.

К ним предполагалось привлечь и нижегородцев. 28 февраля 1614 года по государеву указу нижегородской и арзамасской мордвы и бортникам велено было «запас пасти» и кормить лошадей для участия в конном походе на Заруцкого. Общее руководство войсками, отправленными против этого казачьего атамана, осуществлял И. Н. Одоевский, прибывший в Казань. Самару оборонял Д. П. Лопата-Пожарский.

Нижегородским воеводой в это время (с 1613 года) был князь В. И. Бахтеяров-Ростовский. Едва вскрылась Волга, 11 апреля 1614 года, он направил в Казань к Одоевскому 400 нижегородских стрельцов под командованием Ивана Остренева, 200 нижегородских иноземцев (немцев и литвы) и сто арзамасских стрельцов. Таким образом, город остался практически без вооруженной защиты.

Между тем над нижегородскими землями нависла угроза со стороны ногайцев. Иштерек договорился с Заруцким о совместном походе на Русь. Орда этого ногайского правителя (Большая ногайская орда) кочевала в степях Северного Кавказа, у Азова. Затем подошла к Астрахани. Иштерек и Заруцкий скрепили свое соглашение обменом аманатов (заложников). Иштерек оставил в качестве аманатов своих сыновей, а сам отправился вдоль правого берега Волги на север. У современного Волгограда ногайцы «перевезлись» через реку Сарпу. Однако ни на Самару, ни на Казань они нападать не стали. Иштерека манили богатства Нижнего Новгорода. Поэтому его воины, минуя Самарскую луку, двинулись к Алатырю.

Было их двадцать тысяч. 13 мая 1614 года их передовой отряд в 500 сабель ограбил окрестности Алатыря, захватил пленных и угнал скот. Май и июнь прошли в боях с ногайцами. В случае их прорыва Нижегородский уезд, оставшийся без войск, мог подвергнуться страшному опустошению. В Нижнем царило сильное беспокойство. К счастью, угроза миновала.

Против Заруцкого восстали сами астраханцы. Ему с Мариной Мнишек и отрядом казаков пришлось бежать на реку Яик. 17 мая 1614 года рать князя Одоевского заняла Астрахань. В руки воеводы попали находившиеся в городе сыновья Иштерека. Ногайский князь, узнав об этом, немедленно принес присягу Михаилу Федоровичу и увел свою Орду от границ Нижегородчины.

Тогда же царские стрельцы настигли Заруцкого и Марину Мнишек на Яике. Заруцкий был отвезен в Москву и посажен на кол.

Мстить за брата из Речи Посполитой пришел Захар Заруцкий со скопичем черкасов. В августе 1614 года он попытался захватить крепость Белую к северо-западу от Смоленска. Это ему не удалось. Тогда он совершил опустошительный набег по русским землям к северу и востоку от Москвы. Отряд Заруцкого вышел к Волге и страшным вихрем промчался вдоль нее до нижегородских земель. В начале января 1615 года черкасы захватили Василеву слободу (Чкаловск). Здесь Заруцкий собирался с силами, чтобы обрушиться на Нижний Новгород. Отвратил беду от нижегородцев боярин Борис Лыков, подоспевший из Ярославля. 4 января 1615 года князь Лыков ударил по войску Заруцкого у Василевой слободы и наголову разгромил его, захватив походный обоз. Захар Заруцкий увел остатки своего отряда в Польшу.

Пожарский против Лисовского. Через год рейд З. М. Заруцкого повторил Александр-Юзеф Лисовский. В конце 1614 года гетман Ходкевич придумал с помощью этого кровожадного авантюриста отвлечь русских от Смоленска. В феврале 1615 года Лисовский выступил в поход на Брянск и осадил его. Несколько месяцев продолжалась героическая оборона этого города. На помощь Брянску Михаил Федорович отправил рать князя Ю. И. Шаховского. Однако

Лисовский не стал дожидаться ее подхода и нанес упреждающий удар, когда она стояла в Карачеве. Шаховской был разгромлен и попал в плен (июнь 1615).

Тогда Михаил Федорович дал поручение освободить Карачев и отогнать Лисовского от Брянска Дмитрию Михайловичу Пожарскому. В его войске было 690 дворян, около 1200 казаков и какое-то количество стрельцов. Вторым воеводой назначили Степана Ивановича Истленьева, ливенского воеводу. Пожарский шел к Карачеву через Калугу и Болхов. Лисовский, узнав о приближении московских войск, решил применить свою излюбленную тактику упреждающего удара. Старый злодей сжег Карачев, а сам направился навстречу русским, но ночью разминулся с ними.

Не доходя до Орла, у Царевого брода через речку Орлицу (приток реки Орлик) Лисовский велел разбить лагерь. Пожарский между тем, узнав, что враг прошел мимо, развернулся и отправился за ним, с ходу атаковав захваченного врасплох неприятеля в ночь на 20 августа 1615 года. Но головорезов Лисовского победить было не так-то просто. Поляки отбились и сами полезли вперед. Тут не выдержали нервы у людей Истленьева. Они дрогнули и побежали. Только Пожарский сохранил хладнокровие. Он велел оставшимся рядом с ним шести сотням бойцов огородиться телегами и защищаться. Рукопашная продолжалась несколько часов. Русские устояли и даже отняли у врага литавры и знамена.

Поляки отошли и разбили свой стан в двух верстах в стороне. Дорога к Болхову оказалась свободна, и подчиненные стали умолять Пожарского вернуться туда. «Лучше всем нам помереть на этом месте», – отвечал Дмитрий Михайлович. К ночи возвратились Истленьев и прочие беглецы. В результате силы Пожарского и Лисовского примерно сравнялись.

С 21 по 26 августа оба войска стояли каждое в своем лагере. Пожарский закрыл врагу путь отхода к Карачеву и Брянску. Лисовскому оставалось идти только в глубь России или в причерноморские степи. Пожарский использовал эти дни для разложения войск противника. Под его началом служил шотландец Джеймс Шоу.

Через него Пожарский начал успешно переманивать к себе шотландцев и англичан, воевавших на стороне Лисовского, а их было немало. Встревоженный этим Лисовский понял, что нужно срочно уводить свой отряд, пока входившие в него британцы не перебежали к русским. Он бросил свое войско на Орел, сжег город, потом переправился через Оку и обосновался к югу от Орла – близ устья Цона (у села Лаврово). Очевидно, предводитель поляков думал, что Пожарский не решится преследовать его. Однако старый разбойник просчитался. Русские шли за ним по пятам. Тогда Лисовский быстро снялся с места и ушел еще дальше на юг от Орла – под Кромы. Здесь польский военачальник увидел, что Пожарский прочно сел ему на хвост. Тогда он заложил крутую петлю и, сделав за сутки перегон в 150 верст в обход Орла, 31 августа оказался уже севернее этого города – перед Болховом. Отбитые защитниками крепости, поляки ринулись дальше на север. По пути сожгли Белев, приступили было к Лихвину, но потерпели здесь неудачу и встали в Перемышле. Пожарский, упорно преследуя врага, добрался до Лихвина. Здесь к нему подоспело подкрепление из Казани – семь тысяч татар и черемисов с Еналеем Шугуровым.

Дмитрий Михайлович продолжил погоню за Лисовским. Тот не решился сражаться с Пожарским, сжег Перемышль, бросил утомленных лошадей, взял свежих и совершил бросок к Ржеву, пройдя между Вязьмой и Можайском. Пожарский, изнуренный невероятно быстрой погоней, слег от тяжелой болезни. Его отвезли в Калугу.

Лисовский тем временем как снег на голову обрушился на отдохавшие у Ржева войска Ф. И. Шереметева (они двигались из Москвы на помощь осажденному шведами Пскову). Русские были застигнуты врасплох и разгромлены.

Остатки ратников Шереметева заперлись в остроге. Лисовский держал их в осаде до начала ноября, но так и не смог одолеть. Тогда Лисовский продолжил свой разбойничий рейд, принесший много горя русским людям. От Ржева он направился к Торжку и сжег его посад. Мимо Твери и Кашина прошел к Угличу. Между Романовом и Ярославлем перешел замерзшую Волгу. По дороге грабил и жег

деревни. Не решившись атаковать Кострому, Лисовский пересек Волгу в обратном направлении и 1 декабря 1615 года через Дунилово вышел к Шуе, в несколько дней разорив ее округу. Как сообщают документы, головорезы Лисовского «крестьян многих секли, а иных жгли и мучили, и грабили». По пути из Шуи поляки разгромили Палех. Затем шайки Лисовского через Клязьменский городок вышли к Мурому и попытались взять его штурмом, но потерпели поражение. В бою с русской стороны отличились арзамасский мурза Ишмамет, муромцы Григорий Чертков и посадский Меркулий Клепиков. Взбешенный неудачей, Лисовский сжег посад Муромы с монастырями и церквами и пошел в сторону Нижнего Новгорода, но добрался только до сельца Мещера. Здесь он развернулся и по правобережью Оки мимо Касимова двинулся в рязанские места, а оттуда, меж Тулы и Серпухова – в Алексинский уезд. Там его настигли русские воеводы, но остановить не смогли. Лисовский ушел в Смоленск к Ходкевичу.

Кузьма Минин и Еналеевское восстание. После того как в сентябре 1615 года Лисовский, оторвавшись от своих преследователей, ушел от Перемышля к Ржеву, а князя Пожарского, больного, отвезли в Калугу, находившийся под его командованием Еналей Шугуров, вопреки распоряжениям нового начальства, повел свой татарско-марийский отряд обратно в Казанский уезд. Его воинов взбудоражил слух о том, что их семьи лишают имущества. Дело заключалось в том, что в августе 1615 года в России начался сбор чрезвычайного налога – пятой деньги (притом что в Казанском крае только что взыскали недоимки за предыдущие годы). Непривычный новый налог вызвал возмущение ясачных людей, в том числе и служивших в отряде Шугурова. Вернувшись в Казанский уезд, воины Шугурова стали нападать на сборщиков налогов и правительственные войска. К ним в большом числе примкнули ясачные люди из марийцев. Восставшие перекрыли дорогу из Казани в Нижний Новгород, начали готовить поход на Арзамас.

Довольно быстро Шугуров был разбит царскими воеводами, схвачен и привезен в Казань. Для расследования причин восстания

в Казань 13 февраля 1616 года с чрезвычайными полномочиями прибыли князь Г. П. Ромодановский и Кузьма Минин. Оба они были сведущи в финансовых делах. Ромодановский долго руководил работой Денежного двора в Москве, Минин же имел богатый опыт в сборе чрезвычайных налогов. Ромодановский и Минин в полной мере выяснили преступления Еналея Шугурова: дезертирство, разорение русских сел и деревень, убийства людей. Шугуров и его ближайшие сподвижники были повешены. В то же время следствие Ромодановского и Минина показало, что главный сборщик ясака молодой казанский дворянин Савва Аристов допускал произвол и вымогательство по отношению к местному населению. За это он был прилюдно подвергнут телесному наказанию. Чтобы впредь ничего подобного не повторялось, в наказах следующим казанским и свияжским воеводам предписывалось «...к татарам и к чуваше, и к черемисе, и всяким немцам ласку и привет держати; и во всяких делах татар и чувашу, и черемису для своей корысти ничем не жесточити».

Эта поездка окончательно подорвала здоровье Кузьмы Минина. На пути в Москву он скончался. Похоронили его в Нижнем Новгороде. Ныне прах народного героя покоится в Михайло-Архангельском соборе Нижегородского кремля.

Победа над интервентами. Новому царю Михаилу Романову пришлось несколько лет вести войну со шведами и поляками. Шведы удерживали Новгород и хотели заполучить еще и Псков. На помощь псковичам правительство Михаила Федоровича направило подкрепление из разных областей, в том числе и из Нижнего Новгорода (1615). После неудачи под Псковом (1615) шведскому королю Густаву II Адольфу пришлось пойти на переговоры с Россией и по Столбовскому миру (1617) вернуть ей Новгород и Старую Руссу. Правда, Ижорская земля и Карельский перешеек остались за шведами.

Возвращение Новгорода стало большой дипломатической победой правительства Михаила Федоровича. Другой целью России в эти годы было освобождение от поляков Смоленска. Борьба

со Швецией и шайками братьев Заруцких не позволяла русским в 1613–1614 годах сосредоточить под городом достаточно крупные силы. В 1615 году царских воевод от Смоленска отвлекли действия Лисовского. И только в 1616 году русские войска под Смоленском получили серьезные подкрепления. Однако и поляки здесь активизировались. Польский сейм в этом году определил отправить на Москву королевича Владислава. Ему были приданы восемь комиссаров-советников из числа знатнейших польских вельмож. Владислав должен был согнать Михаила Федоровича с престола и стать правителем России.

В апреле 1617 года польский принц выехал из Варшавы и в мае был в Смоленске. В начале октября польские войска заняли Дорогобуж, а затем Вязьму. Полковник Чаплинский, новый командир лисовчиков (сам Лисовский умер в 1616 году, неудачно упав с лошади), захватил Козельск и угрожал Калуге. Калужане отправили в Москву челобитчиков от всех сословий с просьбой прислать к ним для защиты Дмитрия Михайловича Пожарского (его здесь очень любили). Выдающийся полководец оправдал их надежды. Калуга осталась в руках русских. Чаплинскому было нанесено несколько чувствительных поражений. Другой Пожарский, Дмитрий Петрович Лопата, отстоял от врага Тверь. Держалась и крепость Белая. В Можайск, находившийся на направлении главного удара поляков, был послан князь Борис Михайлович Лыков, собравший ратных людей в Муроме (среди них были и нижегородцы). Первый натиск Владислава был отбит. Польская армия расположилась на зимних квартирах. Боевые действия прекратились до лета.

Возобновились они в июне 1618 года. Целью поляков опять стал Можайск. Начались затяжные бои за этот город. В начале августа стало ясно, что крепость русским не удержать. Нужно было хотя бы сохранить войско. Но, отступая прямым путем к Москве, можно было его потерять: отход под ударами врага быстро стал бы бегством. Поэтому Лыков дождливой ночью скрытно увел свою рать на юг, в Боровск. Этот маневр прикрывал Пожарский, подошедший к Боровску из Калуги. Из Боровска по безопасной дороге

Лыков увел свое уставшее воинство в Москву. Пожарскому же предстояло прикрывать Москву с юга от гетмана Сагайдачного. Однако у Дмитрия Михайловича опять случился приступ болезни (здоровье знаменитого полководца за годы Смуты было основательно расстроено), и его увезли в Москву.

Тем не менее служба Пожарского в «королевичев приход» получила высокую оценку царя Михаила Федоровича, который за нее даровал выдающемуся военачальнику село Верхний Ландех в Суздальском уезде, село Ильинское в Ростовском уезде и сельцо Вельяминово в Московском уезде.

После отъезда Пожарского в его полках, защищавших теперь подступы к Коломне, началась рознь между дворянами и казаками. Кончилось тем, что казаки в начале сентября 1618 года ушли из-под Коломны. Вскоре город покинули и дворяне. Путь Сагайдачному в Москву был открыт. С другой стороны на столицу шел Владислав. Московское государство вновь оказалось на краю гибели – 9 сентября 1618 года Михаил Федорович созвал Земский собор, на котором объявил, что будет «на Москве в осаде сидеть, с королевичем и польскими и литовскими людьми биться». Участники Земского собора единодушно заявили, что не оставят своего государя.

Из Москвы разослали грамоты в разные города с просьбой срочно помочь столице деньгами и людьми, 17 сентября 1618 года в Нижний Новгород выехал князь Лыков. Там он провел разбор и верстанье на службу дворян и детей боярских. Вознесенский Печерский монастырь дал на жалованье ратным людям триста рублей, а на прокорм – тысячу четвертей ржи и овса.

Между тем Сагайдачный, заняв Коломну, пустил свои отряды на ограбление окрестных русских земель. Враги дошли до Вязников и сожгли Гороховец. До Нижнего отсюда было рукой подать. Ясно, что богатый Нижний Новгород представлял для поляков лакомую добычу. Поэтому на случай прихода захватчиков к Нижнему Новгороду князь Лыков «острог и башни вновь поставил и выкопал, и через речку Почайну мост высок зделал».

Это оборонительное сооружение (Новый острог) было срублено наскоро. Лес поэтому использовался «сосновой и всякой». Новый острог проходил по старинной линии укреплений: от Георгиевской башни по современной Верхневолжской набережной, затем вдоль улицы Пискунова (здесь явственно видны следы вала) до киноцентра «Рекорд» и (как идут трамвайные пути) до Большой Покровской. Здесь (внутри острога) через Почайну был перекинут мост. Он настолько облегчил жизнь нижегородцев, что его в благодарность доблестному и распорядительному воеводе назвали «Лыковым». С другой стороны Почайны острог пересекал современную Ильинскую улицу и спускался к Оке.

Еще одной головной болью Лыкова во время его пребывания в Нижнем Новгороде стали ушедшие из-под Коломны казаки. В конце сентября 1618 года они обосновались на дороге из Нижнего в Москву в Вязниковской слободке Ярополческой волости (ныне – г. Вязники Владимирской области). С одной стороны, они давали вооруженный отпор черкасам Сагайдачного, защищая местное население, а с другой стороны, его же грабили, совершая разбойничьи нападения на Пуроцкую волость Нижегородского уезда (теперь эти земли – в составе Павловского района Нижегородской области) и Стародубавоцкую волость Муромского уезда (ныне Вачский район Нижегородской области). Интересно, однако, что находившиеся рядом вотчины Пожарского казаки не трогали: даже эти буяны восхищались Дмитрием Михайловичем и уважали его.

Проблема с вязниковскими казаками решилась после того, как под Москвой был дан отпор королевичу Владиславу. Предпринятый поляками 2 октября 1618 года штурм Москвы был отбит. Понеся большие потери, захватчики не решились продолжать военные действия. Как только угроза столице миновала, царские власти начали переговоры с казаками из Вязников. Им пообещали большое жалованье и предоставили на выбор идти на службу в Нижний Новгород к Б. М. Лыкову или в Ярославль к И. Б. Черкасскому. Казаки, зная крутой нрав Лыкова, единодушно предпочли Черкасского и ушли из Вязников в Ярославль. Так для Нижегородского

края закончилась эпоха Смуты. А вскоре в Нижний пришло радостное известие о том, что 1 декабря 1618 года в деревне Деулино на большой срок (14 лет и 6 месяцев) было заключено перемирие с Польшей. Теперь люди после долгих лет войн и бедствий наконец могли ощутить счастье мирной жизни.

Д. М. Пожарский и праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. События Смутного времени оставили глубокую рану в народной памяти. Разумеется, никогда не забывал о них и князь Пожарский. В истории он, наряду с Мининым, остался как один из двух спасителей отечества. Но сам Дмитрий Михайлович, будучи человеком глубоко религиозным, связывал победу над врагом не со своей доблестью (это было бы проявлением чуждой христианину гордыни), а с Божьей Помощью. Олицетворением этой помощи для князя являлась Казанская икона Божией Матери.

Известно об этой иконе следующее. 28 июня 1579 года в Казани случился большой пожар. Он занялся во дворе стрелецкого сотника Данилы Онучина. Выгорело полгорода. Десятилетняя дочь Онучина, Матрена, пережила сильнейшее потрясение. После этого бедствия ей привиделась «чудная и пресветлая икона Богородицына», просившая вынуть ее из «земляных недр». Девочка рассказала об этом, но ей никто не верил, даже мать. Все же матушку ей удалось убедить, и та повела дочь к воеводам и архиепископу. Но они не придали значения рассказу Матрены. Тогда 8 июля 1579 года, через десять дней после пожара, мать с дочкой пошли на свое пепелище. По дороге к ним присоединилось еще несколько человек, которым мать Матрены рассказала о видении дочери. Мать долго копала, но ничего не смогла найти. Тогда заступ взяла сама девочка. Она начала рыть там, где раньше была печь. Прочие присоединились к ней. Очень скоро на глубине чуть больше двух локтей (локоть = 0,5 м) Матрена обнаружила спрятанную в длинный обветшавший рукав от вишневого суконной однорядки (род кафтана) прекрасную икону Богородицы с младенцем. Видимо, она принадлежала кому-то из русских жителей Казани, возможно купцу, который спрятал ее в минуту опасности.

Весть о чудесной находке мгновенно облетела город. К пепелищу Онучиных сбежались все казанцы, включая воевод и архиепископа. Был среди них и священник Никольской церкви Гостиного двора в Казани Ермолай (будущий патриарх Гермоген). Люди стояли, не решаясь подойти к иконе. И тут Ермолай попросил у архиепископа благословения взять ее в руки. Тот дал такое позволение и поручил Ермолаю возглавить крестный ход с иконой. В память об описанных выше событиях православные 8 (21) июля празднуют день обретения Казанской иконы Богородицы.

В 1587 году Ермолай стал монахом, получив после пострижения имя Гермоген. В 1589 году его назначили первым казанским митрополитом.

Гермоген очень много сделал для прославления Казанской иконы Божией Матери. При нем был основан Казанский Богородицкий женский монастырь. Первой монахиней в нем стала та самая Матрена, которая нашла икону. Она приняла постриг с именем Мавра. Икона Богородицы находилась здесь до своего похищения в 1904 году. В 1594 году митрополит Гермоген составил службу Божией Матери в честь иконы Ее Казанской, а также «Сказание о явлении Казанской иконы Божией Матери и совершившихся от нее чудесных исцелениях».

В 1611 году, когда Гермоген томился в заключении в Чудовом монастыре, казанские ратники, отправляясь освобождать Москву и вызволять патриарха, взяли с собой список с иконы. С помощью этого списка современники связывали успех Первого ополчения в сражении у Новодевичьего монастыря в июле 1611 года.

Как уже было сказано, до зимы Казанская икона находилась под Москвой. Затем ее отправили обратно в Казань. Священник, который сопровождал образ Богородицы, поехал кружным, но безопасным путем – через Ярославль. Там он оказался свидетелем прихода войск Минина и Пожарского. Руководители ополчения, увидев икону и узнав о связанных с ней событиях, решили оставить этот образ Божией Матери в своем войске. В Казань же отправили сделанный по их распоряжению новый список с иконы.

Казанская икона сопровождала ополчение в походе на Москву, а затем была дана на хранение Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Он поместил ее в своей приходской церкви Введения Богородицы на Сретенке. Священники Введенского храма после венчания Михаила Федоровича на царство (11 июля 1613 года) рассказали молодому государю «про ее чудеса, како в етманский бой и в московское взятие от того образа велия чудеса быша». Вероятно, эта встреча была устроена не без помощи Пожарского, который играл видную роль в церемонии царского венчания. После рассказа введенских священников Михаил и его матушка Марфа Ивановна начали глубоко почитать этот образ Богородицы и повелели дважды в год устраивать с ним крестные ходы: 8 июля (в день обретения иконы) и 22 октября («как очистися Московское государство»). Впервые осеннее празднование произошло 22 октября 1613 года.

Затем почитание Казанской иконы стало распространяться все шире. С нее стали делать новые списки, посвящать ей приделы в уже существующих церквях и возводить в честь ее новые храмы. Особенно полюбилась людям эта икона в Нижегородском крае.

Пример здесь подавали ветераны ополчения и прежде всего сам Дмитрий Михайлович Пожарский. Он сделал придел «Пречистые Богородицы Казанские иконы» в Воскресенском храме Вершилова, главного села принадлежавшей ему Пурецкой волости (ныне Чкаловский район). В другом своем селе, Юрине (Балахнинский район), полководец возвел храм в честь этой иконы. Казанская церковь была построена и в Спасском Свято-Езерском монастыре (п. Мугреевский, Ивановская область), где Дмитрий Михайлович в 1611 году лечился от ран. Для одного из этих храмов супруга князя, Прасковья Варфоломеевна, искусно вышила изображение Казанской Богородицы.

Две Казанские церкви возвели в Нижнем Новгороде: одну на Верхнем, а другую на Нижнем посаде. Верхнепосадскую Казанскую церковь построили всем миром. Она находилась на современной площади Минина и Пожарского. В 1794 году ее перенесли на кладбище вблизи Крестовоздвиженского женского монастыря.

Деревянный Казанский храм на Нижнем посаде стоял «за рядом у речки Почайны». Из камня он был сложен в 1687 году. В советское время, в 1935 году, его разрушили. Ныне он восстановлен и стоит в начале Ильинской улицы, у площади Народного единства.

К 1627 году храмов, посвященных Казанской иконе Богородицы, было в Нижегородском уезде 9, в Арзамасском уезде – 4, в Алатырском уезде – 2, в Юрьевце Поволжском – 1.

Наряду с этим на Нижегородской земле почитались многочисленные списки с этого образа. Среди них прежде всего укажем на образ Казанской иконы Божией Матери в селе Великий Враг Кстовского района. В 1628 году эту икону в дар Великовражской мужской пустыни преподнес царь Михаил Федорович. Там был возведен храм в честь Казанской иконы. На этом образе также сохранилось изображение избавления Москвы от поляков.

В 1624 или 1625 году для ополченного списка Казанской иконы во Введенской церкви в Москве был устроен особый придел, а саму ее Дмитрий Михайлович Пожарский «по обету своему» украсил богатым окладом.

Еще большим вниманием Казанская икона была окружена накануне и во время новой войны с Польшей (1632–1634). В 1632 году истек срок Деулинского перемирия с Речью Посполитой. Перед этим событием в окружении патриарха Филарета составляется история предыдущей войны с поляками – «Новый летописец». История ополчения в нем была записана со слов Дмитрия Михайловича Пожарского, как и главка, посвященная роли Казанской иконы в борьбе с поляками и ее почитанию.

В 1632 году в Москву приезжает старица Мавра, которая когда-то обнаружила икону в Казани на пепелище своего дома. Видимо, в ее присутствии для ополченного списка Казанской иконы была заложена особая церковь у стены Китай-города. Этот деревянный храм был освящен в декабре 1632 года. В 1634 году он сгорел. В 1636 году вместо него на царские деньги был построен каменный Казанский собор. В советское время он был разрушен, а ныне восстановлен (находится у выхода с Никольской улицы

на Красную площадь). Царь Михаил постоянно посещал этот храм на праздник 22 октября.

В то же время (1634) по указу Михаила Федоровича в Арзамасе на посаде устраивается «царское богомолье, новодевичий монастырь Алексея, Человека Божия», главная церковь которого была освящена во имя Казанской иконы Божией Матери. Причем Казанскую храмовую икону монастырю подарил сам царь.

Сын Михаила, царь Алексей Михайлович, также глубоко почитал Казанскую икону Богородицы, особенно после того, как у него 22 октября 1648 года родился сын Дмитрий. В сентябре 1649 года Алексей Михайлович издал указ, в котором напомнил как об этом, так и том, что в 1612 году «октября в 22-й день... Московское государство от литовских людей очистилось». В связи с этим царь повелел «октября в 22-й день праздновать пречистой Богородице, явлению чудотворных иконы Казанския, во всех городах, по вся годы».

С тех пор и установилось повсеместное празднование дня 22 октября (по старому стилю) в память об освобождении Москвы от поляков. По новому стилю 22 октября – это 4 ноября. В 2004 году этот день установлен как государственный праздник – День народного единства. В этот день мы вспоминаем героев Народного ополчения 1612 года и его руководителей – Минина, Пожарского и Трубецкого, которые во имя спасения отечества сумели отбросить гордыню, договориться о единстве действий и сплотить под своими знаменами все сословия и народы России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Составила Л. П. Селезнева

Источники

1. АКТЫ времени правления царя В. Шуйского (19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г.) / собрал и ред. А. М. Гнеушев // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1918. – Вып. 2. – 421 с.
2. АКТЫ подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / собрал и ред. С. Б. Веселовский // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1911. – Вып. 5. – 228 с.
3. АНТОНОВ, А. В. К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатарий: сборник / отв. ред. А. В. Антонов – Москва, 2000. – Вып. 6. – С. 196–240.
4. АРЗАМАССКИЕ поместные акты (1578–1618 гг.) / собрал и ред. С. Б. Веселовский // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Москва: Имп. о-во истории и древностей российских, [1915]. – Вып. 4. – 736 с.
5. БЕЛОКУРОВ, С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) / С. А. Белокуров. – Москва: Тип. Штаба Московского военного округа, 1907. – 340 с.
6. БОЯРСКИЕ списки последней четверти XVI – нач. XVII века и Роспись русского войска 1604 г. (указатель состава государева двора по фонду разрядного приказа): в 2 ч. / под ред. А. Л. Станиславского – Москва: ЦГАДА, 1979.
7. БУССОВ, К. Московская хроника. 1584–1613 / К. Буссов; под ред. И. И. Смирнова. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1961. – 400 с.

8. ВЫПИСЬ нижегородского уезда на землю Дмитрия Михайловича Пожарского, данную за службу и очищение Москвы // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сб. статей, сообщений, описей и документов. – Нижний Новгород, 1900. – Т. IV, Отд. 3. – С. 3–13.
9. ЖАЛОВАННАЯ грамота Кузьме Минину: из XVI выпуска Ученой Архивной комиссии // Нижегородская старина. – 2001. – № 6. – С. 8.
10. ЗАВЕЩАНИЕ князя Дмитрия Пожарского / коммент. Ю. М. Эскина // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 143–157.
11. КНИГА сеунчей, 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) / сост. А. А. Станиславский [и др.]. – Москва; Варшава: Археогр. центр, 1995. – 152 с.
12. МАРХОЦКИЙ Н. История Московской войны / Н. Мархоцкий; подг. публ., коммент. Е. Куксиной. – Москва: РОС-СПЭН, 2000. – 223 с.
13. НИЖЕГОРОДСКИЕ платежницы 7116 и 7120 гг. / ред. С. Веселовский // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. – Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1910. – Вып. 7. – 284 с.
14. НОВЫЙ летописец // Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург, 1910. – Т. 14. – С. 23–154.
15. ОБОЛЕНСКИЙ, М. А. Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалование ратным людям, отправлявшимся с кн. Д. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 г. / М. А. Оболенский. – [Б. м., б. г.] – 32 с.
16. ОБЩЕСТВЕННАЯ мысль России в XVI–XVII вв.: в 2 т. / сост., авт. вступ. ст., коммент. И. Л. Андреев, В. Н. Козляков. – Москва, 2010. – Т. 1. Великая Смута. – 574 с.

17. ПЕРЕПИСКА руководителей движения против правительства В. И. Шуйского в Поволжье / публ. В. И. Корецкого // Исторический архив. – 1956. – № 2. – С. 129–131.
18. ПИСЦОВАЯ и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду / ред. А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва; Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2011. – 352 с. – (Репр. воспроиз. изд. 1896 г.)
19. ПИСЦОВАЯ опись нижегородских владений Д. М. Пожарского 1621–1624 гг. // Нижегородский край. История в документах с древнейших времен до 1917 года: хрестоматия / сост. Н. Ф. Филатов. – Арзамас, 2001. – С. 54–58.
20. ПОВЕСТЬ о победах Московского государства / подгот. текста Г. П. Енина. – Ленинград: Наука, 1982. – 160 с.
21. ПОДВИГ нижегородского ополчения: в 2-х т. / ред. О. С. Аржанова, С. К. Маков, Б. М. Пудалов. – Нижний Новгород: Книги, 2011.
22. ШАЙДАКОВА, М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / М. Я. Шайдакова; под ред. В. А. Кучкина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – 281 с.
23. ШМЮККЕР-ЮРЕЛЁР, М. Вотчинные материалы из архива П. Д. и И. Д. Пожарских // Источники по истории русского языка XI – XVII вв. / М. Шмюккер-Юрелёр; отв. ред. В. Г. Демьянов, Н. И. Тарабасова – Москва, 1991. – С. 152–170.

Литература

24. АЛЬБИЦКИЙ, П. К вопросу о речи Минина к нижегородцам в Смутное время // Нижегородская старина. – 2001. – № 9. – С. 3.
25. АНТОНОВ, В. А. Экспонаты Владимиро-Суздальского музея-заповедника, связанные с именем князя Д. М. Пожарского / В. А. Антонов, Н. Н. Петина // Пожарский юбилейный

- альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 12–17.
26. АРАКЧЕЕВ, В. А. Шуя и Псков в годы Смутного времени: к вопросу о земском движении в 1606–1609 гг. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. – 2009. – № 2. – С. 44–50.
27. БАЛЫКИНА, М. И. Андрей Семенович Алябьев – воевода Нижнего Новгорода в Смутное время // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода: к 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле.– Ярославль, 2013. – С. 291–302.
28. БАРАШЕВ, М. А. Сельские усадьбы князя Д. М. Пожарского в Замосковном крае // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2008. – С. 186–189.
29. БЕЛЯЕВА, В. Н. События Смутного времени и их последствия по материалам города Балахны XVII века // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 317–322.
30. БЕЛЯКОВ, А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 29–60.
31. БЕЛЯКОВ, А. В. Чингисиды в Смуту // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 56–75.
32. БИБИКОВ, Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки АН СССР / отв. ред. Б. Д. Греков [и др.]. – Москва, 1950. – Т. 32. – С. 173–197.
33. БОХУН, Т. Пацификация и пожар Москвы 29 марта – 5 апреля 1611 года // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 280–303.
34. БОХУН, Т. Поляки в Кремле – факты и мифы // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 84–94.

35. БУГАНОВ, В. И. «Выборный человек всею землею» // Вопросы истории. – 1980. – № 9. – С. 90–102.
36. ВАЛИШЕВСКИЙ, К. Великая разруха 1584–1614 / К. Валишевский. – Москва: Кн. изд-во Н. А. Столяр, 1913. – 496 с.
37. ВАЛИШЕВСКИЙ, К. Смутное время: историческая хроника / К. Валишевский. – Москва: АСТ, 2007. – 509 с.
38. ВАЛИШЕВСКИЙ, К. Ф. Смутное время: репринт. изд. 1911: [пер. с фр.] / К. Ф. Валишевский. – Москва: ИКПА, 1989. – 434 с.
39. ВАРЕНЦОВА, Л. Ю. Влияние эпохи Смуты на русские селения (на примере Городецкой волости Балахнинского уезда) // Российский исторический журнал. – 2006. – № 1. – С. 3–11.
40. ВЕЛИКОЕ дело Минина и Пожарского: сборник / под ред. Н. М. Добротвора. – Горький: ГГПИ, 1943. – 143 с.
41. ВОЗИЛОВ, В. В. Д. М. Пожарский и Шуя: локальная история Смутного времени // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию сражения на Стекольной горе близ села Мордовского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново; Южа, 2009. – Вып. 5.– С. 3–7.
42. ВОЛКОВ, В. Ополчение первое. Расколотове: почему ему не удалось взять Москву // Родина. – 2005. – № 11. – С. 65–68.
43. ВОЛКОВ, В. А. 1611 год. Первое ополчение: начало битвы за Москву // Исторический журнал: научные исследования. – 2011. – № 3. – С. 56–63.
44. ВОЛОДИХИН, Д. М. «...И стояти противу врагов божьих и наших губителей крепко...»: возвания Троицево-Сергиевой обители и патриарха Гермогена в эпоху Смуты // Родина. – 2014. – № 5. – С. 89–93.
45. ВОЛОДИХИН, Д. М. Князь Д. М. Пожарский как представитель русской служилой аристократии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. – 2012. – № 5. – С. 20–23.

46. ВОЛОДИХИН, Д. М. Служил чисто, прямо и честно: князь Пожарский: заслуги и награда // Родина. – 2006. – № 11. – С. 20–23.
47. ГАЛАЙ, Ю. Г. В память нижегородского гражданина Минина // Нижегородская старина. – 2001. – № 4. – С. 11–13.
48. ГАЛАЙ, Ю. Г. Кузьма Минин и революция // Нижегородская старина. – 2001. – № 4. – С. 15.
49. ГАЛАЙ, Ю. Г. Минин в памяти нижегородцев / Ю. Г. Галай. – Нижний Новгород: Книги, 2012. – 288 с.
50. ГАЦИСКИЙ, А. С. На Сундовике, в Жарах и на «Сити, на реце» // Нижегородский летописец / А. С. Гацкий. – Нижний Новгород, 2001. – С. 373–520.
51. ГАЦИСКИЙ, А. С. В вотчине князя Пожарского // Нижегородский летописец / А. С. Гацкий. – Нижний Новгород, 2001. – С. 521–586.
52. ГОЛИКОВ, О. П. История села Нижний Ландех и Свято-езерского монастыря // Пожарский юбилейный альманах: к 430-летию со дня рождения Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2008. – Вып. 4. – С. 109–111.
53. ГОЛОВ, И. И. Род Кузьмы Минина. По новым материалам // Записки краеведов. – Горький, 1975. – С. 108–112.
54. ГОЛОХВАСТОВ, П. Д. Замечания об осаде Троице-Сергиева монастыря 1608–1610 гг. и описания оной историками XVII, XVIII и XIX вв. // Москвитянин. – 1842. – Ч. III, № 6. – С. 267–324; Ч. IV, № 7. – С. 125–206.
55. ГОРБАЧЕВ, П. О. День народного единства: исторические основания // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 8–11.
56. ГОРБАЧЕВ, П. О. Патриарх Гермоген и первое земское ополчение: штрихи к истории и историографии проблемы // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 54–57.

57. ГРЕЧУХИН, Г. Б. Князь Д. М. Пожарский – воин, гражданин, личность // К 400-летию формирования нижегородского ополчения: сборник: в 2 ч. / отв. ред. В. К. Романовский. – Нижний Новгород, 2012. – Часть 1. – С. 23–26.
58. ДЕНЬ народного единства: биография праздника / И. Л. Андреев, В. Н. Козляков и др.; вступ. ст. В. А. Никонова. – Москва: Дрофа, 2009. – 351 с.
59. ДАВЫДОВ, А. И. К истории открытия памятника деревянного народного зодчества – Казанской церкви в Юрине Балахнинского района // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник трудов. – Нижний Новгород, 2000. – С. 146–148.
60. ДАНИЛОВ, А. Г. Новые явления в организации власти в России в период Смуты // Вопросы истории. – 2013. – № 11. – С. 78–96.
61. ДАННИНГ, Ч. Террор как средство возмездия и наказания во время Смуты в России (1604–1607 гг.) // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 34–42.
62. ДОБРОТВОР, Н. М. Минин – организатор народного ополчения 1611–1612 гг.: (к 325-летию со дня его смерти) // Горьковская область. – 1941. – № 5. – С. 44–49.
63. ДОЛИНИН, Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. / Н. П. Долинин. – Харьков: Изд. Харьков. гос. ун-та, 1958. – 132 с.
64. ДЬЯКОВ, А. Б. Был ли Д. М. Пожарский с отрядом ополчения в 1612 году в селе Холуй? // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 32–37.

65. ЕФИМОВ-УРАК, А. П. Козьма Минин и князь Буртас: ист. очерки: к 400-летию Великой Победы в 1612 г. / А. П. Ефимов-Урак. – Чебоксары: Новое время, 2012. – 94 с.: ил.
66. ЗАБЕЛИН, И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время / И. Е. Забелин. – Москва: Аграф, 1999. – 335 с.
67. ЗАМЯТИН, Г. А. Минин и Пожарский // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 24–32.
68. ЗОРИН, А. В. Великий рейд Александра Лисовского (март – декабрь 1615 г.) // Русский сборник. – Брянск, 2009. – Вып. 5. – С. 224–232.
69. ИВАНОВ, Ю. А. Пропавшее Евангелие. Вклад Д. М. Пожарского в Николо-Шартомский монастырь // Пожарский юбилейный альманах: к 430-летию со дня рождения Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2008. – Вып. 4. – С. 22–24.
70. ИЛОВАЙСКИЙ, Д. Смутное время Московского государства / Д. Иловайский. – Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – 343 с.
71. ИЛЬИНСКИЙ, Н. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий... / Н. Ильинский. – Санкт-Петербург: Тип. губ. правления, 1799. – 78 с.
72. ИНЖУКОВ, А. А. К вопросу о событиях и последствиях Смутного времени на территории Арзамасского уезда // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. – Арзамас, 2014. – Вып. 9. – С. 7–15.
73. КАБАНОВ, А. К. Смута Московского государства и Нижний Новгород / А. К. Кабанов. – Н. Новгород, 1911. – 31 с.
74. КАБАНОВ, А. Ю. Ивановский край в Смутное время / А. Ю. Кабанов, А. М. Семенов. – Иваново: ОАО «Иваново», 2010. – 310 с.

75. КАБАНОВ, А. Ю. Мугреево-Никольское или Мугреево-Дмитриевское? // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 24–28.
76. КАБАНОВ, А. Ю. Нижегородский дворянин Мишурь Иванович Соловцов – забытый герой эпохи смуты // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 142–151.
77. КАБАНОВ, А. Ю. Служилый человек Смутного времени Федор Кириллович Плещеев // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 93–105.
78. КАГОРОВ, В. М. Казанская церковь XVII в. в усадьбе князя Д. М. Пожарского в с. Юрино Балахнинского района // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2006. – С. 167–174.
79. КАРГАЛОВ, В. В. Дмитрий Пожарский // Русские воеводы XVI – XVII вв. / В. В. Каргалов. – Москва: Вече, 2005. – С. 128–163.
80. КАРТАШОВА, М. В. Балахна – Минин – Нижегородское ополчение // Нижегородский музей. – 2006. – № 7/8. – С. 46–55.
81. КАРТАШОВА, М. В. О происхождении Кузьмы Минина // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 202–203.
82. КАПТЕРЕВ, Л. М. Кузьма Минин: к 325-летию нижегородского ополчения // Горьковская область. – 1938. – № 2. – С. 96–100.
83. КАТАЕВ, И. М. Смута в Московском государстве, отражение ее в Нижнем Новгороде: исторический очерк / И. М. Катаев. – Москва: Школа, 1916. – 95 с.
84. КИРЬЯНОВ, И. А. О захоронении Кузьмы Минина // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2005. – С. 113–119.

85. КИРЬЯНОВ, И. А. О Кузьме Минине (новые материалы к биографии) // История СССР. – 1965. – № 1. – С. 144–148.
86. КОЗЛЯКОВ, В. Н. Московское и уездное дворянство поколения Смуты // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 64–81.
87. КОЗЛЯКОВ, В. Н. Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 163–179.
88. КОЗЛЯКОВ, В. Н. Смута в России. XVII в.: [с прил. полного текста «Утвержденной грамоты» 1613 г.] / В. Н. Козляков – Москва: Омега, 2007. – 528 с.
89. КОЗЛЯКОВ, В. Н. Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 129–140.
90. КОРЕЦКИЙ, В. И. Подвиг русского народа в начале XVII столетия // Вопросы истории. – 1970. – № 5. – С. 146–154; № 6. – С. 104–115.
91. КОРЕЦКИЙ, Ф. Краткое изображение бессмертных подвигов нижегородского гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, взятое из исторических преданий тогдашних времен / Ф. Корецкий. – Москва: А. С. Ширяева, 1817. – 102 с.
92. КОСТОМАРОВ, Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия / Н. И. Костомаров. – Москва: Чарли, 1994. – 800 с.
93. КРИВЦОВ, Д. Ю. После Смуты: строительство малых монастырей в России XVII века как воплощение общественного идеала деятелей Второго ополчения // Московский журнал. История государства Российского. – 2012. – № 12. – С. 40–49.
94. КУЗНЕЦОВ, А. А. Историография ополчения Минина и Пожарского (предварительные наблюдения) / А. А. Кузне-

- цов, А. В. Морохин, Б. М. Пудалов // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 78–118.
95. КУЗНЕЦОВ, А. А. Неизвестные страницы изучения истории ополчения 1611–1612 гг. в Нижнем Новгороде (Горьком) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2011. – С. 231–247.
96. КУЗНЕЦОВ, А. А. Споры о родине Кузьмы Минина (историографические наблюдения) // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 21–23.
97. КУЗЬМА Минин. Дмитрий Пожарский: сборник / сост. В. А. Шамшурин. – Москва: Новатор, 1997. – 398 с.
98. КУЗЬМИН, А. В. Источники о генеалогии князей Пожарских в XIV–XVI веках и представления о ней князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 178–201.
99. КУРГАНОВ, А. Люди Смутного времени / А. Курганов. – Москва: АСТ: Олимп, 2008. – 224 с.
100. КУСАИНОВА, Е. В. Казачество в Поволжье в 1614 году (по материалам Астраханской приказной палаты) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 110–118.
101. КУЧКИН, В. А. О роде Кузьмы Минина // Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в Средние века / В. А. Кучкин. – Нижний Новгород, 2011. – С. 239–243.
102. КУЧКИН, В. А. О роде Кузьмы Минина // История СССР. – 1973. – № 2. – С. 209–211.
103. ЛАПТЕВА, Т. А. Свидетельства эпохи: документы РГАДА по истории Смуты / Т. А. Лаптева, Г. Р. Якушкин // Московский журнал. История государства Российского. – 2012. – № 12. – С. 50–61.

104. ЛЕОНТЬЕВ, Я. В. Герои, победившие Смуту: в тени блистательных князей М. В. Скопина-Шуйского и Д. М. Пожарского, легендарных К. Минина и П. П. Ляпунова до сих пор остается еще немало подлинных героев // Русская история. – 2012. – № 1. – С. 51–55.
105. ЛЕОНТЬЕВ, Я. В. Забытое ополчение // Родина. – 2005. – № 11. – С. 85–90.
106. ЛЕОНТЬЕВ, Я. В. Первое северное ополчение 1609–1610 гг. и его предводители (князь М. В. Скопин-Шуйский и воевода Д. В. Жеребцов) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – Вып. 6. – С. 77–94.
107. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Временные границы Смуты // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 43–54.
108. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Демократия Смутного времени: как проходил Земский собор 1613 года // Родина. – 2013. – № 2. – С. 14–17.
109. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. «И всякие приказы поставили на Неглимне»: о времени и обстоятельствах оформления правительства «Совета всея земли» // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. – Нижний Новгород, 2012. – С. 77–83.
110. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Нижегородская четь начала XVII в. спорные вопросы истории четвертных приказов // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 130–138.
111. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты / Д. В. Лисейцев. – Тула: Гриф и К, 2009. – 792 с.
112. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Россия после Смуты – время выбора / Д. В. Лисейцев, Н. М. Рогожин // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 39–50.

113. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Смутное время // Русская история. – 2012. – № 1. – С. 46–50.
114. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Четвертные приказы в России начала XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 3, ч. 1. – С. 203–210.
115. ЛИСЕЙЦЕВ, Д. В. Эволюция приказной системы Московского государства в эпоху Смуты // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 3–15.
116. ЛЬВОВ, П. Ю. Пожарский и Минин, спасители Отечества / П. Ю. Львов. – Санкт-Петербург: Тип. В. Плавильщикова, 1810. – 226 с.
117. ЛЮБОМИРОВ, П. Г. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. / П. Г. Любомиров. – Москва: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1939. – 344 с.
118. МАКАРИХИН, В. П. День памяти гражданина Минина. Тематический урок: научно-методическое пособие в помощь преподавателю истории / В. П. Макарихин. – Нижний Новгород: НИЭР, 1999. – 24 с.
119. МАКАРИХИН, В. П. Кузьма Минин: страницы биографии // Нижегородская старина. – 2001. – № 4. – С. 6–7.
120. МАЛИНОВСКИЙ, А. Биографические сведения о князе Димитрии Михайловиче Пожарском / А. Малиновский. – Москва: Тип. С. Селивановского, 1817. – 110 с.
121. МАТЕРИАЛЫ по истории Нижегородского края. Дело о потомках Козьмы Минина / под ред. А. Я. Садовского. – Нижний Новгород: Нижегород. печ. дело, 1912. – 51 с.
122. МЕЛЬНИКОВ, П. Исторические заметки: [Где жил и умер Козьма Минин. О родственниках Минина] // Отечественные записки. – 1842. – № 8. – С. 65–72. – (статья издавалась отдельным оттиском).

123. МЕЛЬНИКОВ, П. И. Как звали Минина. Купчая 1602 года // Москвитянин. – 1852. – Т. 1, раздел 4. – С. 33.
124. МЕЛЬНИКОВ, П. И. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. – 1843. – Т. 19, отд. 2. – С. 1–32.
125. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ, П. И. Нижний Новгород в первые годы царствования Михаила Федоровича // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. – Нижний Новгород, 2011. – С. 495–501.
126. МИХАЙЛОВА, И. «Вставайте, люди русские!»: как началось изгнание интервентов из России // Родина. – 2013. – № 2. – С. 10–13.
127. МОНЯКОВА, О. А. Князя Пожарские и Ковровская земля // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 7–11.
128. МОРОЗОВА, Л. Е. История России: Смутное время / Л. Е. Морозова. – Москва: АСТ, 2011. – 543 с.
129. МОРОЗОВА, Л. Е. К вопросу о малых городах в Смутное время // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. – Нижний Новгород, 2012. – С. 6–11.
130. МОРОЗОВА, Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича / Л. Е. Морозова. – Москва: Наука, 2005. – 467 с.
131. МОРОЗОВА, Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников / Л. Е. Морозова. – Москва: ИРИ РАН, 2000. – 464 с.
132. МОРОЗОВА, Л. Е. Смутное время в России (конец XVI – нач. XVII в.) / Л. Е. Морозова. – Москва: Знание, 1990. – 63 с.

133. МОРОХИН, А. В. А. Я. Садовский и его статья о семье Кузьмы Минина / А. В. Морохин, Н. А. Уткина, А. А. Кузнецов // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 436–445.
134. МОРОХИН, А. В. К биографии Кузьмы Минина / А. В. Морохин, Б. М. Пудалов // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 204–206.
135. МОРОХИН, А. В. К истории формирования Нижегородского ополчения 1611–1612 годов / А. В. Морохин, А. А. Кузнецов // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 3–10. – Библиогр.: 56 назв.
136. МОРОХИН, А. В. «Купно за едино!»: к чему призывал Кузьма Минин? / А. В. Морохин, А. А. Кузнецов // Родина. – 2013. – № 2. – С. 50–52.
137. МОРОХИН, А. В. Нижегородское духовенство и формирование ополчения 1612 года // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 145–152.
138. МОРОХИН, А. В. «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии / А. В. Морохин, А. А. Кузнецов // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2011. – С. 186–206.
139. МОСКОВСКОЕ государство первой половины XVII в. // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / под ред. В. В. Калаша. – Москва, 2007. – Т. 1. – С. 13–113.
140. МУСИХИН, А. Л. Доможировы – участники событий Смутного времени в Нижегородском крае // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2011. – С. 113–125.
141. НАЗАРОВ, В. Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 220–238.
142. ПАВЛОВ, А. П. К вопросу о владении князем Д. М. Пожарским вотчиной в Пурехской волости // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 201–204.

143. ПАВЛОВИЧ, Г. А. Казанская икона Богородицы и Казанский собор на Красной площади в Москве // *Культура средневековой Москвы XIV – XVII вв.* – Москва, 1995. – С. 225–249.
144. ПАРИЙСКИЙ, С. М. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский / С. М. Парийский. – Нижний Новгород: Губ. уч. арх. комиссия, 1911. – 29 с.
145. ПАРИЙСКИЙ, С. М. Кузьма Минин. К 300-летию со дня его смерти / С. М. Парийский. – Нижний Новгород: Тип. Нижегород. губ. правления, 1916. – 16 с.
146. ПАРИЙСКИЙ, С. М. Нижегородец Кузьма Минин Сухорук, выборный всея земли и нижегородцы в 1611 году / С. М. Парийский. – Нижний Новгород: Губ. уч. арх. комиссия, 1911. – 32 с.
147. ПЕРХАВКО, В. Земский староста из Нижнего Новгорода // *Первые купцы российские* / В. Б. Перхавко. – Москва, 2004. – С. 309–324.
148. ПЕРХАВКО, В. Б. Занятия Кузьмы Минина до сентября 1611 года: опыт исторической реконструкции // *Мининские чтения.* – Нижний Новгород, 2012. – С. 151–160.
149. ПЕТРОВА, Н. Г. Скопин-Шуйский / Н. Г. Петрова. – Москва: Молодая гвардия, 2010. – 320 с. – (ЖЗЛ).
150. ПЕЧКИН, М. Б. Сражение на Стекольной горе // *Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию сражения на Стекольной горе близ села Мордовского* / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново; Южа, 2009. – Вып. 5. – С. 8–14.
151. ПЕЧКИН, М. Б. Холуй и Мугреево в завещании Д. М. Пожарского // *Пожарский юбилейный альманах: к 430-летию со дня рождения Д. М. Пожарского* / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2008. – Вып. 4. – С. 15–21.
152. ПИЧЕТА, В. И. Смутное время в Московском государстве. Причины, ход и следствия Смуты / В. И. Пичета. – Москва: Изд-во «Полюза» В. Антик и К, 1913. – 177 с.

153. ПЛАТОНОВ, С. Ф. Очерки по истории Смутного времени / С. Ф. Платонов. – Москва: АСТ, 2009. – 608 с.
154. ПЛАТОНОВ, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. – Москва: Памятники исторической мысли, 1995. – 470 с.
155. ПЛАТОНОВ, С. Ф. Савва Ефимьев, протопоп Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде / С. Ф. Платонов. – Нижний Новгород: Тип. Г. Искольдскаго, 1909. – 15 с.
156. ПОДВИГ во имя России / сост. А. Киселев. – Нижний Новгород: РИДО, 2005. – 71 с.
157. ПОДВИГ Нижегородского ополчения, 1611–1612 гг. [Электронный ресурс] / [С. А. Вокуева и др.]; Ком. по делам архивов Нижегород. обл. – Нижний Новгород: ГУ АрхАДНО, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем требования: Pentium II 200 MHz; RAM 64 Mb; Windows 98: 100.
158. ПОЛЕВОЙ, Н. Козьма Минин Сухорукой, избранный от всея земли русския человек: чтение на торжественном акте Московской практической, коммерческой академии / Н. Полевой. – Москва: Тип. Отто Осиповича Гербека, 1892. – 29 с.
159. ПОТАНИН, С. Н. Нижегородское ополчение под руководством К. Минина и Д. Пожарского // *Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе.* – Арзамас, 2014. – Вып. 9. – С. 55–63.
160. ПРИВАЛОВА, Н. И. Нефед Минин // *Мининские чтения.* – Нижний Новгород, 2005. – С. 52–61.
161. ПРИВАЛОВА, Н. И. Семья Кузьмы Минина: нижегородские древности // *Записки краеведов.* – Горький, 1979. – С. 185–189.

162. ПУДАЛОВ, Б. М. Дьяк Нижегородского ополчения (новые данные к биографии) // Нижегородская старина. – 2002. – № 3/4. – С. 22.
163. ПУДАЛОВ, Б. М. К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 184–195.
164. ПУДАЛОВ, Б. М. К событиям в Нижегородском Поволжье в 1608–1609 гг. (малоизвестный источник) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2011. – С. 64–73.
165. ПУДАЛОВ, Б. М. Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. и действия ополчения под руководством К. Минина и Д. М. Пожарского // Нижегородская старина. – 2009. – № 19/20. – С. 20–37.
166. ПУДАЛОВ, Б. М. О родословной Кузьмы Минина: архивно-краеведческие беседы // Педагогическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 160–165.
167. ПУДАЛОВ, Б. М. Смутное время и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг.: историографический очерк / Б. М. Пудалов. – Нижний Новгород: Книги, 2011. – 78 с.
168. ПУДАЛОВ, Б. М. Судьба человека Смутного времени: (историко-документальный очерк) // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2013. – С. 127–143.
169. ПУДАЛОВ, Б. М. Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 125–137.
170. ПУДАЛОВ, Б. М. Хроника действий ополчения под руководством К. Минина и Д. М. Пожарского (1611–1612) // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2008. – С. 18–27.
171. ПУДАЛОВ, Б. М. Хроника действий ополчения под руководством К. Минина и Д. М. Пожарского (1611–1612) // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2005. – С. 127–137.

172. ПУДАЛОВ, Б. М. Хроника действий ополчения под руководством К. Минина и Д. М. Пожарского (1611–1612) // Педагогическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 213–220.
173. РАБИНОВИЧ, Я. Н. Личности Смутного времени: Андрей Федорович Палицын // Известия Саратовского ун-та. Сер. Международные отношения. – 2009. – Т. 9, вып. 2. – С. 73–82.
174. РАБИНОВИЧ, Я. Н. «Хоткеев бой»: к историографии вопроса // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 128–141.
175. РОЛЬ Нижегородского ополчения 1612 года в возрождении России / А. А. Кузнецов, Е. А. Молев, А. В. Морохин, Б. М. Пудалов // Смутное время в современной отечественной историографии: сборник / редкол. Е. А. Молев. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С. 31–41.
176. РОССИЯНИН при гробе Кузьмы Минина. – Москва: Тип. Платона Бекетова, 1803. – 23 с.
177. РУССКАЯ смута начала XVII века: от противостояния к единению: сб. материалов межрегион. науч. конф. (Ярославль, 26 июня 2007 г.) / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. – 2-е изд., испр. и доп. – Ярославль: Рубеж, 2008. – 140 с.
178. РЫБАЛКО, Н. В. Нижегородская приказная изба в Смуту начала XVII в. // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 152–162.
179. РЫБАЛКО, Н. В. Система управления в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 153–162.
180. САДОВСКИЙ, А. Я. К материалам по исследованию Нижегородского уезда в Смутное время и вскоре после него (1613–1629) / А. Я. Садовский. – Москва: Тип. А. М. Мамонтова, 1902. – 39 с.

181. САДОВСКИЙ, А. Я. Новые документы о Мининых / подгот. А. А. Кузнецов, А. В. Морохин // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 20–22.
182. САДОВСКИЙ, А. Я. О потомстве сестры Минина Дарьи Миничны / А. Я. Садовский. – Нижний Новгород: [б. и.], 1910. – 16 с.
183. САДОВСКИЙ, А. Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сборник в память 300-летия царствования дома Романовых. – Нижний Новгород, 1916. – Том XV, вып. IX. – С. 3–14.
184. СЕВЕРГИН, В. М. Похвальное слово князю Дмитрию Пожарскому и купцу нижегородскому Козьме Минину, прозванием Сухорукому, сочиненное членом Российской академии Васильем Севергиным / В. М. Севергин. – Санкт-Петербург: Акад. наук, 1807. – 43 с.
185. СЕДОВ, А. В. Патриотический подвиг нижегородцев. Минин и Пожарский // Глядя с Откоса: рассказы о родном крае / А. В. Седов. – Нижний Новгород, 2009. – С. 95–101.
186. СЕЛЕЗНЕВ, Ф. А. Князь Дмитрий Пожарский и праздник в честь Казанской иконы Божией Матери // Нижегородская старина. – 2012. – № 33/34. – С. 100–103.
187. СЕЛЕЗНЕВ, Ф. А. Подвиг Минина // Славное прошлое нижегородской земли: [книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края] / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Нижний Новгород, 2013. – С. 63–69.
188. СЕЛИН, А. А. Новгородские приказы в 1611—1612 годах // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 52–61.
189. СЕМЕНЕНКО, А. М. Кузьма Минин и Ивановский край // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 160–163.

190. СЕНЮТКИН, С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XV до начала XX вв. / С. Б. Сенюткин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – 416 с.
191. СЕРБИН, А. С. Келарь Троицко-Сергиевской лавры Авраамий Палицын, знаменитый деятель, сподвижник и защитник русской земли в мрачную эпоху самозванцев (1608–1612) / А. С. Сербин – Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. Тип., 1850. – 30 с.
192. СИГУНОВА, С. В. Историк И. И. Голиков о Смутном времени // Русская история. – 2009. – № 5. – С. 71–73.
193. СИЛАЕВ, Е. Кто он – Косьма Минич Захарьев-Сухорукий?: материалы к биографии великого гражданина России // Нижегородская старина. – 2001. – № 1. – С. 11, 13.
194. СИЛАЕВ, Е. Отколь пошел Козьма... Минин?: материалы к биографии великого гражданина России // Нижегородская старина. – 2001. – № 2. – С. 10–11.
195. СИНЕЛОБОВ, А. П. Яков Змеев и Афанасий Челищев: история одной «измены» // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 105–110.
196. СИРОТКИН, С. В. «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 138–151.
197. СИРОТКИН, С. В. К вопросу о земельных владениях рода Мининых // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 196–201.
198. СКРЫННИКОВ, Р. Г. Минин и Пожарский / Р. Г. Скрынников. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Молодая гвардия, 2007. – 328 с.: 16 л. ил. – (ЖЗЛ).
199. СКРЫННИКОВ, Р. Г. Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени / Р. Г. Скрынников. – Москва: Молодая гвардия, 1981. – 352 с.

200. СКРЫННИКОВ, Р. Г. Три Лжедмитрия / Р. Г. Скрынников. – Москва: АСТ: Астрель, 2003. – 477 с.
201. СКРЫННИКОВ, Р. Г. 1612 год / Р. Г. Скрынников. – Москва: АСТ: Хранитель, 2007. – 800 с.
202. СМIRНОВ, Д. Н. Кузьма Минин // Великое дело Минина и Пожарского: сборник / сост. Н. М. Добротвор. – Горький, 1944. – С. 42–61.
203. СМIRНОВ, И. Восстание Болотникова. 1606–1607 / И. Смирнов. – Ленинград: Ленинград. газет.-журн. и кн. изд-во, 1949. – 528 с.
204. СМУТА и бунташный век: сборник / сост. Г. А. Елисеев. – Москва: Вече, 2010. – 384 с.
205. СМУТНОЕ время: хронология событий // Родина. – 2005. – № 11. – С. 6–7.
206. СМУТНОЕ время в современной отечественной историографии: сборник / редкол. Е. А. Молев. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. – 86 с.
207. СОКОЛОВ, А. Н. Князья Пожарские и Нижегородское ополчение. Род князей Пожарских от Рюрика до наших дней / А. Н. Соколов. – Н. Новгород: Изд-во Саранск, 2005. – 176 с.
208. СОКОЛОВ, А. Н. Поборник Российской державы в Смутное время: о жизни князя Скопина-Шуйского / А. Соколов. – Нижний Новгород: Б. и, 2008. – 236 с.
209. СОКОЛОВ, А. Н. Род Мининых и князь Дмитрий Пожарский / А. Н. Соколов. – Нижний Новгород: Респ. тип. «Красный Октябрь», 2007. – 319 с.
210. СОЛОДКИН, Я. Г. Авраамий Палицын и победа земских ополченцев над Я. К. Ходкевичем в августе 1612 года // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 95–101.

211. СОЛОДКИН, Я. Г. «Междоусобная кровь пролилась»: очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI–первой трети XVII вв.: монография / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. – 223 с.
212. СОЛОДКИН, Я. Г. Обретение русскими «главы и сердца всего царствия»: русские летописцы об освобождении Москвы в 1612 году // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 11. – С. 39–41.
213. СОРОКИНА, Л. А. Князь Д. М. Пожарский на балахнинской земле // Нижегородский музей. – 2006. – № 7/8. – С. 56–59.
214. СТАВРОВСКИЙ, Е. В. Опыт музейной реконструкции кремля г. Шуи XVII века. К вопросу о местоположении шуйского осадного двора князя Д. М. Пожарского // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А.Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 18–20.
215. СТАНИСЛАВСКИЙ, А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – Москва: Мысль, 1990. – 270 с.
216. СУХОНИН, О. «Купно за едино!»: четыре века подвига Минина и Пожарского // Родина. – 2012. – № 11. – С. 120–121.
217. ТИМОШИНА, Л. А. О землевладении рода Мининых // Архив русской истории. – Москва, 1994. – Вып. 4. – С. 126–148.
218. ТЮМЕНЦЕВ, И. О. Грамоты и отписки из Нижнего Новгорода 1608–1609 гг. в русском архиве Яна Петра Сапеги // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2007. – С. 139–144.
219. ТЮМЕНЦЕВ, И. О. Смута в низовых городах в 1604–1614 годах / И. О. Тюменцев // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 11–21.

220. ТЮМЕНЦЕВ, И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II: монография / И. О. Тюменцев. – Волгоград: ВолГУ, 1999. – 584 с.
221. ТЮМЕНЦЕВ, И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II / И. О. Тюменцев. – Москва: Наука, 2008. – 686 с.
222. ТЮМЕНЦЕВ, И. О. Страницы истории Троице-Сергиевой лавры: осадное сидение 1608–1610 годов // Историко-археологический альманах. – Армавир, 1996. – Вып. 2. – С. 217–218.
223. УЛЬЯНОВСКИЙ, В. Смутное время / В. Ульяновский. – Москва: Европа, 2006. – 472 с.
224. УСТИНОВА, И. А. Законодательство эпохи Смуты о церковно-государственных отношениях: идеологический аспект // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. – Нижний Новгород, 2012. – С. 83–92.
225. ФИЛАТОВ, Н. Ф. Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский / Н. Ф. Филатов. – Нижний Новгород: Нижполиграф, 1996. – 132 с.
226. ФЛОРЯ, Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б. Н. Флоря. – Москва: Индрик, 2005. – 415 с.
227. ХАЧКО, А. Ю. Как звали Минина. Купчая 1602 г. // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2003. – С. 7–12.
228. ХРАМЦОВСКИЙ, Н. И. Нижний Новгород в Смутное время // История и описание Нижнего Новгорода / Храмцовский Н. И. – Нижний Новгород, 1998. – С. 83–113.
229. ХРОНИКИ Смутного времени: Кондрад Буссов. Арсенний Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». – Москва: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 603 с.

230. ЧАРУШНИКОВ, В. Д. Смута XVII века и ее уроки / В. Д. Чарушников. – Москва: РИЖ, 2012. – 68 с.
231. ЧЕРЕПНИН, Л. В. Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына // Сказание Авраамия Палицына / коммент. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой. – Москва, Ленинград, 1955. – С. 3–17.
232. ЧЕЧЕНКОВ, П. В. В конце Смуты: служилый «город» по нижегородской десятине 1618 года // Российская история. – 2013. – № 6. – С. 141–159.
233. ШАЙДАКОВА, М. Я. Нижний Новгород накануне событий 1611–1612 годов // Нижегородский музей. – 2012. – № 23. – С. 7–12.
234. ШАМШУРИН, В. А. Время Минина // Возвращение в Нижний Новгород: исторические этюды / В. А. Шамшурин. – Нижний Новгород, 2009. – С. 53–59.
235. ШАМШУРИН, В. Земство – спаситель России: земский староста Кузьма Минин. Исторический очерк // Муниципальная власть. – 2008. – № 6. – С. 104–111.
236. ШАМШУРИН, В. А. Память и беспамятство: к 400-летию Нижегородского ополчения // Арзамасская сторона: альманах. – Арзамас, 2012. – Вып. 5. – С. 7–24.
237. ШАХМАГОНОВ, Ф. Ф. Смутное время в Российском государстве в XVII веке / Ф. Ф. Шахмагонов. – Москва: ТОО «ШиК»: РИЦ «САМПО», 1995. – 431 с.
238. ШЕРЕМЕТЕВ, Ф. И. Духовная и изустная память боярина Федора Ивановича Шереметева. – [Санкт-Петербург: Б. и., 1883]. – 32 с. – Оттиск из кн.: Барсуков А. П. «Род Шерем[етевых]». Кн. 3. – Санкт-Петербург, 1883.
239. ШИРОКОРАД, А. Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова: загадка 4 ноября / А. Б. Широкорад. – Москва: Вече, 2005. – 413 с.

240. ШИШОВ, А. В. Минин и Пожарский / А. В. Шишов. – Москва: Воениздат, 1990. – 158 с.
241. ШМАТОВ, В. Е. Князья Пожарские – князья Суздальские или Нижегородские? // Нижегородская старина. – 2006. – № 12. – С. 20–27.
242. ШМЕЛЕВ, М. М. Патриотизм нижегородцев в период Смутного времени / М. М. Шмелев // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. – Арзамас, 2014. – Вып. 8. – С. 210–215.
243. ШОХИН, Л. И. Неопубликованная работа С. Д. Шереметева о Смутном времени «Лев Сапега и Федор Шереметов» // Археологический ежегодник. 1994. – Москва, 1996. – С. 185–191.
244. ЩЕГОЛЬКОВ, Н. Речь, произнесенная 20 апреля 1908 года при чествовании 300 ратников-арзамасцев, убиенных в битве с поляками под г. Зарайском 3 марта 1608 года / Н. Щегольков. – Арзамас: [б. и.], 1908. – 4 с.
245. ЭСКИН, Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский / Ю. М. Эскин. – Москва: Квадрига: Зебра-Е, 2013. – 352 с.
246. ЭСКИН, Ю. М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 107–119.
247. ЭСКИН, Ю. М. «Исчезновение» Пожарского (декабрь 1613 – апрель 1615 г.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост. О. С. Аржанова, А. А. Кузнецов, А. В. Морохин. – Нижний Новгород, 2012. – С. 55–64.
248. ЭСКИН, Ю. М. Пожарский и Шуйские. Отзвук трагедии 1610 года // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 82–87.
249. ЮЛИН, В. П. Село Вершилово – центр нижегородской вотчины князя Д. М. Пожарского (историко-краеведческое исследование) // Записки краеведов. – Нижний Новгород, 2010. – С. 11–39.

250. ЯКУШКИН, Г. Р. Нижнеландехская вотчина князей Пожарских в XVII в. / Г. Р. Якушкин, М. М. Якушкина // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2010. – С. 168–197.
251. ЯКУШКИН, Г. Р. Страницы истории мугреевских владений князя Дмитрия Михайловича Пожарского / Г. Р. Якушкин, М. М. Якушкина // Пожарский юбилейный альманах: к 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д. М. Пожарского / ред.-сост. А. Е. Лихачёв. – Иваново, 2011. – Вып. 6. – С. 29–31.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Нижегородский край в начале Смуты и в ходе восстания под руководством Болотникова	7
Глава 2. Нижегородцы против Лжедмитрия II	14
Глава 3. Нижегородцы и борьба Первого ополчения с польскими захватчиками (1610–1611).	34
Глава 4. Создание народного ополчения под руководством Минина и Пожарского	51
Глава 5. Путь народного ополчения от Нижнего Новгорода до Москвы.	70
Глава 6. Освобождение Москвы от поляков.	85
Глава 7. Окончание Смуты и иностранной интервенции (1613–1618)	97
Список источников и литературы.	115

12+

Литературно-художественное издание

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕЛЕЗНЕВ

**Нижегородцы и преодоление Смуты
1606–1618**

Верстка *А. И. Болбукова*

Корректоры *Л. А. Зелексон, Д. С. Коржевская*

Ответственная за выпуск *О. Ю. Червонная*

Подписано в печать 12.12.2014. Формат 60×84/16.

Печать офсетная, бумага офсетная:

Физ. печ. л. 9. Тираж 500. Заказ №

ООО «Издательство ДЕКОМ»,

603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7

E-mail: izdat@dekom-nn.ru <http://www.dekom-nn.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т./ф. 8(496)726-54-10